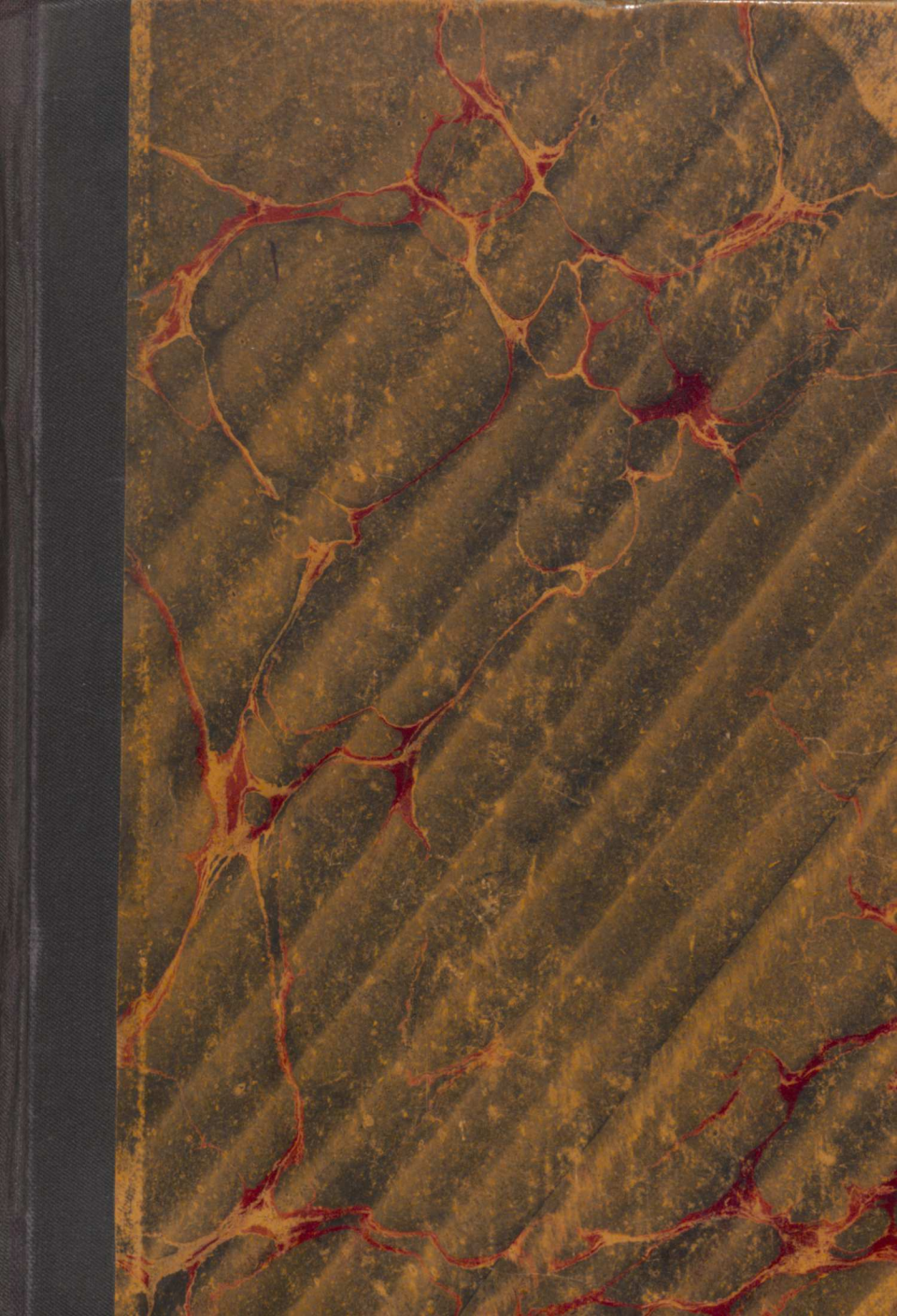

КАТОРГА

и БРОДЯГИ

СИБИРИ

37. 29. 6. 57

В. Тартевельдъ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЪЛО“

В. Гартевельдъ.

Каторга и бродяги Сибири.

Москва.

Книгоиздательство „ДЪЛО“.

1913 г.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

Содержание

МОСКВА.

Типографія Т-го Дома „М. В. Балдинъ и К^о.“ Арбатъ д. 7.
1913.

I.

Златоустъ и Челябинскъ.

Паровозъ поѣзда Самаро-Златоустовской ж. д. тяжело пыхтитъ, подымаясь по крутизнамъ Урала.

Поѣзда въ Россіи вообще не спѣшаютъ, но между Уфой и Златоустомъ они создаютъ рекордъ своей медленности,—что то около 15 верстъ въ часъ.

Дорога идетъ между красныхъ скалъ, высоко поднимающихся по обѣимъ ея сторонамъ.

Иногда поѣздъ вползаетъ на насыпь и тогда кругомъ раскидываются долины, а вдали синѣютъ горы.

Несмотря на лѣто, природа Урала оставалась все-таки суровой и какъ бы сосредоточенно мрачной.

Кругомъ было полнѣйшее безлюдье.

Какая-то зловѣщая тишина...

Немудрено, что въ 1904 году, brave поручики

считали своимъ долгомъ извѣщать родныхъ и знакомыхъ подобными телеграммами: „Переваливъ Уралъ, всѣ здоровы, пьемъ здоровье“... и т. д. И въ самомъ дѣлѣ, запьешь въ этомъ краю каменныхъ горъ и холодной скуки.

И невольно вспоминается:

„И край иной, и берегъ дальній“... Кавказа.

Тамъ цвѣтуція долины смѣются въ блескѣ солнечныхъ лучей, вездѣ снуютъ люди, а горы розовымъ цвѣтомъ радуютъ сердца.

А тутъ?! Бр!..

Просто мѣсто для выпивки!

Напротивъ меня, въ вагонѣ, сидѣлъ молодой, франтоватый нѣмецъ, комми-вояжеръ. Онъ имѣлъ съ собою массу „Musterkoffer's“ и неустанно гремѣлъ брелками, которые, какъ бубенчики на почтовыхъ лошадяхъ, болтались на его поразительномъ жилетѣ.

Курилъ онъ ужасныя сигары, отъ которыхъ всѣмъ въ вагонѣ дѣлалось дурно. Но онъ увѣрялъ, что „этотъ сортъ курить самъ владѣтельный герцогъ Рейсъ - Крейцъ - Липпе - Детмольдъ Генрихъ XXVI“, и всѣ успокаивались.

Спросивъ меня, куда я ѣду, и узнавъ что въ Златоустъ, онъ сплюнулъ на сторону и произнесъ, качая головой: Trauriges Loch! Keine Geschäfte! (Печальная дыра! Дѣлъ никакихъ!). Впоследствии я убѣдился въ истинѣ его словъ.

Между тѣмъ, паровозъ какъ будто выбился изъ силъ. Казалось онъ тяжело дышалъ. Тѣмъ

не менѣе, послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ остановокъ мы дотащились до сравнительно большой станціи и вошедшій въ вагонъ кондукторъ свирѣпо произнесъ: — „Златоустъ! 15 минутъ“. Нѣмецъ увѣрялъ, что для „такой дыры“ и 5 минутъ много и совѣтовалъ мнѣ ѣхать дальше. Но я, передавъ свой скарбъ носильщику, вышелъ на платформу и очутился подъ проливнымъ дождемъ. Кругомъ было печально. Хмурая природа, хмурые лица, хмурая погода и такимъ же оказался въ послѣдствіи и самый городъ.

„Городъ безъ улыбки“ — какъ я его потомъ назвалъ.

И въ самомъ дѣлѣ.

Во время всего моего недѣльнаго пребыванія въ Златоустѣ, я ни въ природѣ, ни въ людяхъ не видалъ привѣта или улыбки. Суровая природа и суровые люди! Начиная съ того, что такого страшнаго, величественнаго и мрачнаго жандарма, какъ на станціи въ Златоустѣ, я нигдѣ не встрѣчалъ.

Онъ меня рѣшительно подавлялъ, и я поскорѣе ушелъ отъ него въ залъ I класса и направился къ буфету. Буфетчикъ, угрюмо посмотрѣвъ на меня, пробормоталъ что-то въ отвѣтъ на высказанное мною пожеланіе чего нибудь поѣсть. Я оптимистически принялъ это за знакъ согласія.

Немного погодя, какой-то невзрачный чело-
вѣкъ съ фізіономіей факельщика, поставилъ пе-

редо мной тарелку съ борщомъ. На мое робкое замѣчаніе, что я еще ничего не заказывалъ, онъ внушительнымъ басомъ гаркнулъ:— „Здѣсь, господинъ, не ресторанъ! Бдѣть, что дають“!

Вдобавокъ, въ это время мелькнуло въ дверяхъ лицо ужаснаго жандарма, и я окончательно сократился.

Кажется, я даже извинился за причиненное беспокойство...

А дождь все лилъ да лилъ.

Но несмотря на него, я все таки рѣшилъ перебраться въ городъ, (всего 4 версты отъ станціи) и вышелъ съ носильщикомъ, дабы нанять извозчика.

На мое предложеніе довести меня до города извозчикъ мрачно сказалъ:— „Садитесь“.

Вѣроятно, точно такимъ же тономъ произнесъ это слово несчастному королю Людовику XVI возница, когда повезъ его гильотинировать на Place de la Grève.

Но я все таки сѣлъ и мы поѣхали или, вѣрнѣе, потряслись.

Дорога отъ станціи до Златоуста навѣрное хуже дороги въ аду. Та, говорятъ, вымощена добрыми намѣреніями. Эта же дорога безо всякихъ „намѣреній“, т. е. рѣшительно ничѣмъ не вымощена. Деревенный тарантасъ (безъ рессоръ), прыгалъ мѣстами, какъ мячикъ, и я не знаю, путемъ какихъ акробатическихъ упражненій удалось мнѣ усидѣть въ немъ.

Дорога шла по берегу р. Тесмы, а съ другой стороны громоздились отвѣсныя скалы. Возница мой все время ѣхалъ по самому краю берега и, когда я ему замѣтилъ, что эдакъ мы можемъ свалиться въ воду, онъ весьма резонно отвѣтилъ, что—„всѣ мы умремъ“, но просилъ меня „не сумлѣваться“. Я же вплоть до города „сумлѣвался“ и не разъ вспоминалъ свою осиротѣвшую семью...

Наконецъ, переѣхавъ какой-то мостъ, мы очутились на площади передъ „Арсеналомъ“, а оттуда по прямой линіи выѣхали на главную улицу Златоуста и остановились передъ гостиницей „Парижъ“. (Названіе „улица“ и „гостиница“ надо, конечно, понимать относительно). Я осторожно вышелъ изъ „экипажа“, также осторожно ощупалъ свои кости и убѣдился, что остался цѣлъ и невредимъ.

Въ это время появился на крыльцѣ заспанный человѣкъ и, обратившись ко мнѣ, спросилъ:— „Какая у васъ, господинъ, нужда?“ — Я объяснилъ ему, что у меня „нужда“ въ комнатѣ и есть ли, молъ, свободная?

Онъ печально отвѣтилъ:

— Да, Господи! Кто же сюда пріѣдетъ? Всѣ свободны.

Мы поднялись наверхъ и мнѣ дали довольно большую комнату весьма недорого, съ старомодной и оборванной мебелью, но, все-таки, довольно чистую. Окна ея выходили на улицу. Но, великій

Боже, что это была за улица! Я никакъ не могъ понять, какъ въ такомъ маленькомъ городѣ могло сосредоточиться такое количество грязи. Позднѣе, при своей попыткѣ перейти улицу, я чуть-чуть не утонулъ въ ней.

А это была главная улица.

Каковы же другія?

На этой улицѣ сосредоточены, конечно, главные магазины, а рядомъ съ моей гостиницей помещается почта и телеграфъ. Улица эта довольно круто спускается внизъ, кончаясь площадью, на которой стоитъ главный, старинный соборъ.

На эту же площадь выходятъ своими фасадами такъ называемый „Арсеналь“ и Горное Правленіе Округа... Тамъ же и казенный желѣзо-дѣлательный заводъ для выработки орудій и артиллерійскихъ снарядовъ.

Вся грязь изъ этой главной улицы течетъ внизъ на Соборную площадь, такъ что эта послѣдняя представляетъ собой нѣчто вродѣ естественнаго водостока для нечистотъ города.

И практично и недорого.

Весь Златоустъ живетъ и дышетъ казеннымъ заводомъ.

Заводъ этотъ основанъ въ 1754 году тульскимъ купцомъ Мосоловымъ, устроившимъ при немъ также и поселокъ.

Въ 1811 году заводъ перешелъ въ казну, а въ 1865 г. Златоустъ былъ объявленъ уѣзднымъ городомъ Уфимской губерніи.

Нынѣшній Златоустъ расположенъ въ долинь рѣки Аи, притокъ которой р. Тесма протекаетъ близъ самаго города. Жителей въ немъ всего 21,000 человекъ, изъ которыхъ 20,000 составляетъ живой инвентарь при казенномъ заводѣ. Заводъ этотъ вырабатываетъ орудій и снарядовъ въ годъ (смѣшно сказать) всего на 1 миллионъ рублей и уже давно толкуютъ объ упраздненіи его, ибо кромѣ убытка онъ будто бы ничего не даетъ.

Но это было бы равносильно тому, какъ если бы въ Петербургѣ упразднили всѣ присутственныя мѣста.

„Сѣверная Пальмира“ превратилась бы тогда въ безжизненное болото, а Златоустъ въ каменную пустыню.

Въ первомъ случаѣ пришлось бы считаться съ арміей голодающихъ чиновниковъ, а во второмъ— 20,000 голодныхъ рабочихъ создали бы не меньше хлопотъ...

И вотъ заводъ „существуетъ“.

Въ Златоустѣ даже не имѣется полигона для испытанія артиллерійскихъ снарядовъ—ихъ для этого отправляютъ, какъ мнѣ говорили, въ Екатеринбургъ.

Но, конечно, быть въ Златоустѣ и не осмотрѣть казеннаго завода,—то же самое, что быть въ Монако и не видать рулетки.

И между тѣмъ, мнѣ не удалось осмотрѣть его.

Оказывается, что „постороннимъ“ заводъ ни въ какомъ случаѣ не показываютъ и разрѣшеніе

на осмотръ идетъ чуть ли не изъ Петербурга.

Не желая быть „потрясателемъ основъ“ я, разумѣется, отказался отъ такихъ хлопотъ, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ высшихъ служащихъ сказалъ мнѣ, что интереснаго, въ сущности, мало.

Это тщательное скрываніе внутренней жизни завода отъ постороннихъ глазъ, даетъ основаніе для различныхъ догадокъ: или обнаружится слишкомъ много или слишкомъ мало...

Наружный видъ завода печальный и какой-то захудалый. Стекла въ окнахъ мастерскихъ полопались, видно, давно.

— „Веселый шумъ колесъ ея умолкнулъ“...

По крайней мѣрѣ, во время моего пребыванія все было какъ-то мертво.

Зато я увидѣлъ нѣчто такое, чего никогда не видалъ и, вѣроятно, нигдѣ и не увижу.

Дѣло было такъ.

На другое утро, послѣ моего приѣзда, я спустился (вмѣстѣ съ грязью) внизъ по главной улицѣ и дошелъ до „Арсенала“.

И вдругъ одни изъ боковыхъ воротъ завода открылись и я увидѣлъ шествіе какихъ-то сказочныхъ животныхъ, отъ вида которыхъ я, прямо, остолебѣлъ.

Ихъ было 12 штукъ.

Жирафы не жирафы, страусы не страусы, верблюды не верблюды. Подойдя ближе, я такъ и присѣлъ. То были—просто лошади.

Но, Боже мой, какія!

Должно быть, чисто златоустинской породы.

Я ручаюсь, что нигдѣ въ мірѣ подобныхъ остововъ живыхъ лошадей не водится.

Худоба ихъ была такая, что они показались мнѣ совершенно прозрачными.

Буквально, что называется, кожа да кости.

При каждой лошади шелъ человѣкъ, который ее велъ, да, кажется, слегка и поддерживалъ—осторожность далеко не лишняя.

По-моему, ихъ слѣдовало бы нести на рукахъ.

Я былъ убѣжденъ, что ихъ ведутъ на живо-дерню, а между тѣмъ, оказалось, что ихъ послѣ работы «проводятъ».

Вечеромъ я былъ въ гостяхъ у очень милаго человѣка, главнаго ветеринарнаго врача (поляка) при заводѣ. Онъ, его жена и дочь (піанистка), приняли меня сердечно и я, конечно, рассказалъ ему о моей утренней встрѣчѣ съ удивительными потомками безсмертнаго Россинанта.

Докторъ охая и качая головой объяснилъ мнѣ появленіе новой породы лошадей очень просто:

— Бѣда,—сказалъ—съ этимъ!

— Кормить нечѣмъ!

— Какъ,—удивился я,—неужели богатый заводъ стѣсняется въ средствахъ для корма своихъ лошадей?

— Вовсе нѣтъ,—сказалъ онъ,—но дѣло въ томъ, что цѣна на фуражъ, т. е. на овесъ и сѣно на рынкѣ колеблется. А цѣна, по которой мы можемъ купить все это утверждается не здѣсь, а

въ Главномъ Горномъ Правленіи. Пока исходящая бумага за № такимъ-то пойдетъ туда и мы получимъ отвѣтъ, цѣна опять можетъ измѣниться, а въ это время корма какъ разъ нѣтъ, онъ весь вышелъ. — Охъ, — вздохнулъ онъ, — все это очень трудно! Конечно, можно было бы все это проще сдѣлать, но мы люди маленькіе и не нами установленъ порядокъ.

— А животныхъ жаль!

— Да что говорить, — махнулъ онъ рукой, — давайте выпьемъ лучше по маленькой.

Такимъ простымъ и безхитростнымъ способомъ въ Россіи часто и благополучно рѣшаютъ весьма сложные вопросы.

А между тѣмъ, на Уралѣ, заводы одинъ за другимъ закрываются, рабочіе частныхъ заводовъ (какъ, напримѣръ, въ Нижнемъ Тагилѣ) по мѣсяцамъ не получаютъ жалованія, населеніе голодаетъ...

Но кто-то „выпиваетъ по маленькой“ и все улаживается.

Во всей Россіи, конечно, извѣстны златоустинскія издѣлія изъ стали (ножи, вилки, ножницы, палки и т. п.). Они выдѣлываются кустарнымъ способомъ въ годъ на 300.000 рублей. Казенный заводъ ихъ также работаетъ, но у него они по цѣнамъ доступнымъ развѣ только американскимъ милліардерамъ.

Торгуютъ ими въ Златоустѣ 2—3 фирмы (евреи). Они продаются недорого, но сталь плоха (слиш-

комъ мягка) и рисунки сдѣланы аляповато. Кустари — удивительные консерваторы! Какъ ихъ дѣдъ 50 лѣтъ назадъ работалъ, такъ они и сегодня ихъ мастерятъ. Ни признака прогресса или желанія считаться съ новыми вѣяніями стиля. Тѣ же неудобства клинка для ножей и тотъ же неизбѣжный, вытравленный олень.

Зато, повторяю, они недороги и удивительно прочны.

Такъ крѣпко сшиты, холодны и жители Златоуста.

Удивительный народъ!

Мрачные, молчаливые, они никогда не улыбаются. Суровая природа и тяжелыя экономическія условія, конечно, играютъ здѣсь не послѣднюю роль.

Между тѣмъ, говорятъ, что всѣ эти горные рабочіе честны и гостепріимны.

Для такого народа развлеченія не нужны и ихъ въ городѣ нѣтъ никакихъ. Въ „Арсеналѣ“ (о, удивленіе!) есть театръ, но онъ, разумѣется, стоитъ пустой и давать въ немъ спектакли разрѣшается, опять-таки, чуть ли не по ходатайству изъ Петербурга... Есть „народный домъ“ со сценой для спектаклей, чтеній, туманныхъ картинъ и т. п., но онъ построенъ съ такимъ расчетомъ, чтобы народъ не баловался и не могъ его посѣщать: онъ расположенъ какъ разъ между городомъ и желѣзнодорожной станціей, на разстояніи 2-хъ верстъ между этими двумя пунктами. Если идетъ

дождь (а онъ въ Златоустѣ льетъ почти непрерывно), то попасть туда немислимо.

Около станціи есть деревянный сарай, который станціонные служащіе называютъ „театромъ“.

Онъ, конечно, также пустуетъ.

При мнѣ противъ „Арсенала“ стоялъ маленькій деревянный баракъ съ неизбѣжнымъ кинематографомъ.

Хозяинъ, нѣмецъ, сидѣлъ постоянно передъ входомъ; онъ былъ худъ, какъ заводская лошадь и, повидимому, питался только собственными филмами.

Разъ, въ воскресенье, увидѣвъ, какъ туда вошли нѣсколько туземцевъ съ женами и дѣтьми, я последовалъ за ними.

Было объявлено, что въ концѣ сеанса покажутъ картину, какъ „Глупышкинъ женился“, причемъ на программѣ было прибавлено:

„Верхъ комизма! Безпрерывный смѣхъ!“

Во время того, какъ „Глупышкинъ женился“, я наблюдалъ за лицами златоустинскихъ меломановъ...

Не засмѣются ли?—думалъ я. Но физиономіи были все тѣ же: сосредоточенно-угрюмыя и „верхъ комизма“ ни у кого не вызвалъ даже тѣни улыбки.

Одинъ маленькій мальчикъ попробовалъ было засмѣяться, но суровая мамаша сейчасъ же осадила его:—„Сиди, какъ слѣдуетъ, что фыркаешь“.

Воспитаніе сверхъ-спартанское.

Газетъ въ Златоустѣ, конечно, не издается. Съ

этимъ можно было бы еще помириться, но что тяжело для непривычнаго человѣка, это отсутствіе питательныхъ пунктовъ, т. е. ресторановъ. Ихъ въ города совершенно нѣтъ.

Есть два клуба (одинъ для людей „почище“, а другой для людей „погрязнѣе“), но опять-таки, посторонній человѣкъ можетъ тамъ обѣдать лишь по особому ходатайству, причемъ буфетчикъ въ разговорѣ со мной упомянулъ „Петербургъ“.

Поразило меня также, что мясо продается здѣсь (какъ я видѣлъ собственными глазами) путемъ аукціона. Зато лосей, козъ, всякой дичи и рыбы—сколько угодно и все дешево.

Послѣ всего отрицательнаго, сказаннаго мною о Златоустѣ, я радъ, что могу констатировать тамъ одну замѣчательную вещь, прямо-таки неподобную. Это его охота.

Уже подымаясь на горы въ 3—4-хъ верстахъ отъ города, вы найдете массу дичи, а, главнымъ образомъ, колоссальное количество горныхъ козъ. Благодаря любезности моихъ златоустинскихъ друзей, я имѣлъ возможность принять участіе въ охотѣ на горѣ Таганай. (Эта гора находится въ 20 верстахъ отъ Златоуста и въ хорошую погоду видна изъ города).

Охота наша продолжалась три дня и доставила мнѣ огромное удовольствіе, не столько истребленіемъ козъ, сколько наслажденіемъ чудными горными видами и чистымъ горнымъ воздухомъ, которымъ я упивался. У подножья Таганая я услы-

шалъ очень красивую уральскую легенду, спѣтую мнѣ старымъ, сѣдымъ рудокопомъ. Въ легендѣ этой говорится о „зломъ колдунѣ, который до сихъ поръ еще живетъ внутри горы и который когда-то разсердился, заворчалъ и выбросилъ пламя и камни“. Судя по словамъ легенды, можно думать, что Таганай—вулканическаго происхожденія, такъ какъ легенда эта очень стара.

Въ послѣдній вечеръ моего пребыванія въ Златоустѣ, я поднялся на гору, лежавшую въ самомъ городѣ противъ моихъ оконъ. На эту самую гору, когда-то взобралось одно высокопоставленное лицо. Златоустинцы послѣ этого собрались думать, чѣмъ бы увѣковѣчить такое поразительное событіе, и рѣшили поставить на горѣ не то клѣтку, не то бесѣдку. Такъ и сдѣлали.

Тамъ я мысленно простился съ Златоустомъ. Вечернее солнце освѣщало вершины горъ. Далеко былъ виденъ городъ и его окрестности. Подъ моими ногами разстилался край полный неистощимыхъ богатствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такой бѣдный и, я рѣшилъ, что единственно, что можно предпринять,—это спуститься внизъ и „выпить по маленькой“...

Утромъ рано, на другой день, я покинулъ Златоустъ. Тотъ же деревянный тарантасъ запрыгалъ со мной на станцію.

Жандармъ, за эти дни, сталъ какъ будто еще страшнѣе. И вдругъ, когда я уже сидѣлъ въ вагонѣ, произошло что-то невѣроятное, что-то въ

Златоустъ, должно быть небывалое. Жандармъ стоялъ и разговаривалъ съ какимъ-то здоровымъ парнемъ въ поддевкѣ. И, вѣрьте не вѣрьте,—но жандармъ улыбался!.. Это была первая улыбка, видѣнная мною въ Златоустѣ, и я не вѣрилъ собственнымъ глазамъ.

Поѣздъ тронулся и я долго задавалъ себѣ вопросъ: почему въ Златоустѣ только одинъ жандармъ улыбается?..

Отъ Златоуста до Челябинска, такъ сказать, рукой подать—всего 8—9 часовъ ѣзды и къ вечеру я уже очутился тамъ. Тутъ ужъ начинается Сибирь съ ея шангами (особенные хлѣбцы), пельменями, ссыльными и т. д.

Но какая разница между Златоустомъ и Челябинскомъ! Если я называлъ Златоустъ—„городъ безъ улыбки“, то Челябинскъ можно смѣло называть—„городъ, который смѣется“. Это, конечно, не добродушный смѣхъ Вѣны, не задорный смѣхъ Парижа, это, пожалуй, даже не смѣхъ, а скорѣе какая-то гримаса, но гримаса веселая. Это гримаса хулигана, обдѣлавшаго хорошее „дѣло“ и у котораго появились деньги.

На станціи огромное движеніе, такъ какъ она представляетъ собой узловую пунктъ (вѣтвь на Екатеринбургъ, Тюмень и т. д.), а между тѣмъ,

она очень мала и люди буквально сидят другъ на другѣ. Публика тутъ удивительно разношерстная. Евреи (комиссіонеры по хлѣбнымъ дѣламъ), русскіе, переселенцы, ссыльные, кавказцы, киргизы—все давятъ другъ друга, курятъ, выпиваютъ и, почти все время, смѣются. Я спросилъ извозчика, гдѣ мнѣ остановиться въ городѣ. А онъ мнѣ отвѣтъ: „Вамъ гдѣ повеселѣе? “Я выразилъ желаніе попасть туда, гдѣ потише и почище. „Я знаю,—сказалъ онъ, прошу садиться“, и мы поѣхали.

Отъ станціи до города около 3-хъ верстъ, но дорога сносная и вы все время ѣдете между домовъ желѣзнодорожнаго городка. Сейчас же около вокзала начинается базаръ, гдѣ можно найти что угодно: съѣстные припасы, обувь, одежду, оружіе, галантерейные товары и т. д., и т. д. Базаръ этотъ живетъ почти исключительно переселенцами. Эти несчастные найдутъ здѣсь за дорогую цѣну весь тотъ хламъ, который бракуетъ Россія.

Есть около вокзала нѣсколько очень подозрительныхъ номеровъ для пріѣзжающихъ гдѣ, говорятъ, можно найти не только временный, но и вѣчный покой.

Но вотъ мы въѣхали въ городъ, и извозчикъ повезъ сразу на Азіатскую улицу, въ гостиницу „Метрополь“. Хозяинъ — огромный, рыжій чело-вѣкъ,—самъ принялъ мои вещи и за очень большую цѣну сдалъ мнѣ очень маленькую комнату

О гостиницѣ и его хозяинѣ мнѣ придется еще говорить, а пока скажу нѣсколько словъ о самомъ Челябинскѣ.

Мнѣ пришлось побывать почти во всѣхъ городахъ Европейской и Азіатской Россіи, былъ я и на Кавказѣ, но, смѣло ручаюсь, что ни одинъ городъ не носитъ такой поразительной и исключительной фizioноміи, какъ Челябинскъ. Если вы читали геніальные рассказы Брѣтъ-Гарта изъ жизни и нравовъ дальняго запада Америки, то вы получите представленіе о нравахъ въ Челябинскѣ. Это какой-то, „вольный городъ“, для котораго законъ не писанъ. 40 лѣтъ тому назадъ онъ былъ просто татарской деревушкой, стоящей на болотѣ (слово=Челяба—значить болото). Теперь же это узднй городъ Оренбургской губерніи, съ 30,000 жителей. Городъ имѣетъ, несомнѣнно, огромную будущность, какъ пунктъ экспорта для хлѣба и какъ узловой [желѣзнодорожный] пунктъ. И, вѣроятно, въ будущемъ нравы въ немъ будутъ другіе. Сейчас же это мѣсто, гдѣ все и всѣ стоятъ выше закона.

Нравы Челябинска много зависятъ отъ того, что онъ является какимъ-то распредѣлительнымъ пунктомъ для ссыльныхъ (больше всего уголовныхъ) и что послѣднихъ собирается въ городѣ до 2,000 человекъ. Они получаютъ отъ казны что-то около 15—20 копѣекъ въ сутки и до своего отправленія дальше могутъ жить какъ хотятъ. Оживляющій, и я бы сказалъ, „аристократиче-

скій“ элементъ города составляетъ огромное число евреевъ (торговцевъ и комиссіонеровъ по хлѣбнымъ дѣламъ). Тутъ даже имѣется отдѣленіе крупной фирмы Дрейфусъ и Биржа. Въ городѣ стоитъ батальонъ войска, есть острогъ и все прочее. А нравы, между тѣмъ, тождественны съ далекимъ западомъ Америки. Законъ каждый носить съ собой въ карманѣ въ видѣ „браунинга“, такъ какъ съ наступленіемъ темноты безъ такого „аргумента“ никто на улицу не выходитъ.

Мѣсто судьи является здѣсь чисто синекурою, ибо судъ Линча процвѣтаетъ не хуже, чѣмъ на родинѣ Брэтъ-Гарта. Только въ Челябинскѣ возможенъ такой случай, который и имѣлъ мѣсто лѣтъ 8 назадъ, когда 5—6 предпріимчивыхъ, вооруженныхъ гражданъ ворвались въ клубъ и отняли у игроковъ всѣ деньги и опустошили клубную кассу.

Зато теперь (что я самъ видѣлъ) въ передней клуба и въ игральной комнатѣ стоитъ вооруженная стража. Да и сами клубмены вмѣстѣ съ бумажниками носятъ съ собой въ клубъ и револьверы.

У меня посейчасъ хранится еще афиша концерта, гдѣ напечатано, что „для безопасности публики по возвращеніи ея домой изъ концерта, будетъ выставлена воинская охрана“.

Каково?!

Мѣстоположеніе города, въ противоположность

Златоусту, совершенно ровное, представляет изъ себя какъ бы блинъ.

Повышеніе или пониженіе наблюдается въ Челябинскѣ лишь на биржѣ. Замѣчательнаго въ немъ рѣшительно ничего нѣтъ. Какъ городъ молодой, онъ историческаго прошлаго не имѣетъ и, слѣдовательно, старинныхъ зданій нѣтъ. Улицы прямы, довольно широки и, конечно, кромѣ одной главной, не мощены.

Единственную достопримѣчательность Челябинска, даже не по городу, представляетъ собой народный домъ. Это превосходное, большое, театральное зданіе изъ камня и желѣза, стоящее на окраинѣ города. Оно сдѣлало бы честь и большому губернскому городу.

Развлеченія Челябинскъ любитъ (есть чѣмъ платить) и при нѣ въ народномъ домѣ была недурная оперетка. Существуетъ даже и кафе-шантанъ. Кромѣ того, около станціи есть довольно большой и недурный театръ. Въ немъ играетъ труппа любителей (желѣзнодорожныхъ служащихъ). Но главное мѣсто, гдѣ сходятся челябинскіе граждане и „ковбои“—это клубъ. Зданіе само по себѣ невзрачное, но помѣщеніе достаточное и это единственное мѣсто въ Челябинскѣ, гдѣ можно пообѣдать и поужинать.

Членами клуба состоятъ всѣ административныя лица города, всѣ торговцы и, конечно, всѣ евреи. (Ихъ между членами клуба 50%). Въ нижнемъ этажѣ играютъ въ коммерческія игры, а

наверху (и очень крупно)—въ азартныя. Есть при этомъ залъ, съ очень недурнымъ роялемъ.

Такъ какъ въ Челябинскѣ нѣтъ дворянства а вся администрація состоитъ изъ 5—6 лицъ, то выходитъ на дѣлѣ удивительное равноправіе между гражданами. Полное такъ сказать. Egalité, Fraternité et Liberté. (Обѣдъ на именинахъ у буфетчика, о чемъ впоследствии разскажу, служить тому подтвержденіемъ).

Самымъ любопытнымъ, для меня лично, въ Челябинскѣ осталось съ памяти гостиница „Метрополь“, гдѣ я остановился, и ея хозяинъ Поляковъ.

Итакъ, позвольте мнѣ представить вамъ хозяина гостиницы г-на Полякова, бывшего московскаго шулера, высланнаго сюда за мошенничество.

Было время—увы—когда я отдалъ дань зеленому полю. И вотъ, въ лицѣ Полякова, я узналъ того господина, котораго какъ-то „подъ утро“ сильно били въ одномъ изъ московскихъ игорныхъ притоновъ, т.-е. клубовъ. Я его сейчасъ же вспомнилъ.

Онъ пришелъ ко мнѣ въ комнату и повѣдалъ, что его дѣла здѣсь, въ Челябинскѣ, идутъ недурно и, что онъ имѣетъ еще „порядочный заработокъ со стороны“ (что это былъ за „заработокъ“, я узналъ только въ 1909 году, послѣ того, какъ его арестовали въ Новониколаевскѣ. Онъ оказался въ то время не только содержателемъ гости-

ницы, но также и организаторомъ шайки грабителей, грабившей и убивавшей прохожихъ на большой дорогѣ. Слѣдствіе также выяснило, что онъ своихъ постояльцевъ въ гостиницѣ не разъ усыплялъ какимъ то дурманомъ и затѣмъ грабилъ. Я какъ-то уцѣлѣлъ). Никогда не знаешь, гдѣ найдешь и гдѣ потеряешь! Благодаря почтенному Полякову, я въ Челябинскѣ узналъ массу тайнъ „московскихъ клубовъ“ и помню до сихъ поръ два его афоризма:

1. За каждымъ столомъ въ клубѣ, гдѣ играютъ въ азартную игру, сидятъ 2—3 человѣка „игроковъ“—остальные бараны.

2. Счастье бываетъ только въ коммерческихъ играхъ. Въ азартной игрѣ все зависитъ отъ „умѣнія“.

Недурно!..

Въ челябинскомъ клубѣ онъ игралъ всего только одинъ разъ, но при этомъ показалъ такой „фейерверкъ“, что его туда больше не пустили. Да и мнѣ онъ показалъ нѣсколько изумительныхъ по ловкости карточныхъ „трюковъ“.

Однимъ словомъ, онъ передъ висѣлицей, могъ бы, какъ Неронъ, воскликнуть: „Какой артистъ погибаетъ“!

На другой день послѣ моего пріѣзда, утромъ во время уборки моей комнаты, я вышелъ прогуляться въ коридоръ. (Надо сказать, что „гостиница“ моего пріятеля Полякова была малень-

кая, все 10 номеровъ, съ однимъ общимъ коридоромъ).

Прогуливаясь взадъ и впередъ, я невольно обратилъ вниманіе на молодую женщину, которая, очевидно, дѣлала то же, что и я.

Лѣтъ, повидимому, ей было 20—22; одѣта она была по домашнему, лицомъ (брюнетка), недурна собой, но страшно намазана и съ помятою жизнью фізіономіей. Отъ нея разило смѣсью алкоголя и дешевыхъ духовъ.

Такъ какъ я замѣтилъ нѣкоторую „безпокойную ласковость взгляда“, то собрался уйти въ свою комнату, какъ вдругъ она подошла и довольно развязно спросила:

— Вы, кажется, вчера пріѣхали?

— Да,—отвѣтилъ я,—вчера.

— А вы какъ,—опять спросила она,—сами пріѣхали или васъ пригнали?

— Нѣтъ,—сказалъ я,—я самъ пріѣхалъ.

Она немного помолчала и вдругъ обратилась ко мнѣ:

— Простите, ради Бога, нѣтъ ли у васъ немного сахара? Сегодня воскресенье... все закрыто... а я забыла купить...

— Сдѣлите одолженіе,—сказалъ я,—могу вамъ дать сахару.

Она вошла со мной въ мой номеръ, я предложилъ ей изъ моего дорожного мѣшка взять сколько ей угодно сахара, что она и сдѣлала.

— Я немного у васъ посижу, если позволите,—

сказала она смѣясь,—кстати моего мужа нѣтъ дома.

— Такъ вы, сударыня, значить здѣсь съ мужемъ живете?—спросилъ я.

— Да,—отвѣтила она, какимъ-то усталымъ пренебрежительнымъ тономъ,—вродѣ мужа.

— И давно вы замужемъ?

— Всего 4 дня,—отвѣтила она опять въ такомъ же тонѣ (этотъ устало-презрительный тонъ она держала все время).

— Ага,—засмѣялся я,—значить вы вроде ново-брачной?

— Да, вроде.

— А вы здѣшняя,—спросилъ я,—челябинская?

— Нѣтъ,—отвѣтила она,—я изъ Екатеринбурга, а здѣсь я жила въ заведеніи.

Наступило какое-то неловкое молчаніе.

— А скажите,—спросилъ я ее,—чѣмъ занимается вашъ мужъ?—Она замаялась и опустила глаза.

— Какъ вамъ сказать... неловко говорить...

Меня это заинтересовало.

— Да почему же не сказать,—настаивалъ я,—сыщикъ онъ что ли?

— Что вы, что вы,—отмахнулась она,—нѣтъ, нѣтъ, но все-таки, знаете, какъ сказать...

— Ну, ну, говорите,—присталъ я.

Она тихо, но ясно произнесла:

— Онъ, просто, занимается *воровствомъ*.

Я даже привскочилъ.

— Какъ вы сказали?—переспросилъ я.

Она повторила:

— Онъ занимается воровствомъ.

Она была, видимо, сконфужена, но и я тоже не зналъ, какъ поддержать „разговоръ“. Я началъ говорить какія-то глупости, вродѣ того, что „всякая профессія“... надо же жить... и т. д. Когда я почувствовалъ, что въ достаточной степени зарпортовался, я спросилъ ее:

— Ну, и... какъ... идутъ... ваши... дѣла...

Тутъ она оживилась и заговорила уже чисто дѣловымъ тономъ:

— Какъ вамъ сказать! Мой мужъ вѣдь работаетъ завсегда по линіи (ж. д.). Прошлый мѣсяцъ дѣла были хорошія—6 чемодановъ, да 5 бумажниковъ. Жить можно было бы. Только насъ хапуны (скупщики краденаго) прижимаютъ. Гроши даютъ. Теперь мой мужъ поссорился съ буфетчикомъ на станціи. Тотъ на него и дуется.

— За что же?—спросилъ я.

— Да видите ли, Вася какъ-то въ безработицу унесъ изъ буфета нѣсколько ножей, вилокъ, ложекъ и т. п., и теперь черезъ это, ему стало трудно работать. А я ему всегда говорила: Вася, милый, ты знай свое дѣло. Работай по линіи, а въ буфетъ не заходи!

— Да, вы, сударыня,—сказалъ я полусмѣясь,—должны держать его поостроже. А то вы теперь, „вродѣ“ замужемъ, а можете въ одинъ прекрасный день очутиться „вродѣ“ вдовы.

— И то правда, — задумчиво сказала она, — я всегда волнуюсь, когда онъ ѣдетъ на занятія (она такъ и сказала — „занятія“).

Мы оба помолчали опять. Затѣмъ она встала, поблагодарила меня за сахаръ и ушла.

Даю слово читателю, что я съ вѣрностью граммофона записалъ весь этотъ разговоръ. Это было на Страстной ведѣлѣ. Уступая просьбамъ моихъ челябинскихъ друзей, я назначилъ на второй день Пасхи концертъ (какъ піанистъ) въ залѣ Народнаго дома. И вотъ въ концѣ Страстной, я опять встрѣтилъ въ коридорѣ гостиницы мою новую знакомую. Она оживленно бесѣдовала съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, одѣтымъ въ рваную бархатную куртку, безъ рубашки, но съ ярко-зеленымъ галстукомъ. Волосы его, а также и усы были рыжеватаго цвѣта и носилъ онъ дымчатое пенсне.

Она подошла и поздоровалась со мной. Я не утерпѣлъ и спросилъ ее тихо:

— Это не супругъ ли вашъ?

— О, нѣтъ, — сказала она, — это нашъ другъ.

— Онъ тоже по части вашего мужа? — полюбопытствовалъ я.

— Нѣтъ, — отвѣтила она, — у него совсѣмъ другая спеціальность. Впрочемъ, онъ имѣетъ къ вамъ дѣло. Если позволите, я васъ съ нимъ познакомлю...

— Пожалуйста, — согласился я, — это очень любопытно.

Она подвела ко мнѣ рыжаго молодого человѣка и, представляя его, сказала:

— Нашъ другъ, господинъ Альфредъ, изъ Варшавы.

„Господинъ Альфредъ изъ Варшавы“ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку и произнесъ:

— Если панъ позволить, то я могу сказать вамъ хорошее слово.

— А въ чемъ дѣло?—спросилъ я.

— Позвольте зайти въ вашъ аппартаментъ,—сказалъ „Альфредъ изъ Варшавы“, —складнѣе можно разговоръ держать.

Я согласился. Мы вошли ко мнѣ и я спросилъ Альфреда, въ чемъ будетъ состоять его „хорошее слово“ по отношенію ко мнѣ.

— Видите ли,—началъ онъ,—я съ маленькаго дѣтства имѣю страсть дѣлать хорошимъ людямъ добро. Въ Варшавѣ меня не поняли и сослали сюда. Вы, панъ, хотите, какъ я узналъ, на Пасху дать здѣсь „игральный“ концертъ, а между тѣмъ, у васъ есть конкуренція.

— Какая же такая конкуренція?—спросилъ я.

— Да развѣ панъ не знаетъ, что противъ Народнаго дома строятъ циркъ, который будетъ имѣть представленія на Пасху?

— Да я видѣлъ,—отвѣтилъ я,—что тамъ строятъ какой-то временный, деревянный циркъ; но какая же это „конкуренція“ и при чемъ же здѣсь вы?—удивился я.

— А вотъ, видите ли, панъ, —сказалъ Аль-

фредъ,—я могу сдѣлать такъ, что никакой кон. куренціи вамъ не будетъ. Я, — сказалъ онъ шопотомъ,—по спеціальности поджигатель. За какіе-нибудь 50 рублей, циркъ будетъ горѣть какъ свѣчка. Работа будетъ чистая, безъ обмана. Вы слышали, на прошлой недѣлѣ въ Міассахъ мельница горѣла? А вы думаете, чья эта работа? Конечно, моя! Я работаю здѣсь для многихъ фабрикъ и заводовъ и всѣ довольны мною.

Я сердечно поблагодарилъ господина Альфреда за его доброту ко мнѣ и высказалъ сожалѣніе, что мнѣ придется отказаться отъ его услугъ, прибавивъ, что слѣдовало бы его познакомить также съ очень милымъ человѣкомъ — съ мѣстнымъ исправникомъ. Онъ всталъ и уходя сказалъ:

— Эхъ, панъ, я къ вамъ всей душой, а вы такія нехорошія слова говорите!

Эти эпизоды (встрѣчи съ „вродѣ замужемъ“ и съ „господиномъ Альфредомъ изъ Варшавы“) являются, конечно, только маленькими иллюстраціями къ жизни челябинскаго „дна“. „Общество“, какъ я уже говорилъ, вы увидите въ клубѣ. Тамъ собираются всѣ „сливки“ Челябинска. Сливки эти, конечно, больше похожи на простоквашу, но тѣмъ не менѣе, живутъ всѣ дружно и я встрѣтилъ тамъ немало очень милыхъ и интеллигентныхъ людей.

Такъ какъ я въ клубѣ всегда обѣдалъ и вечеромъ частенько тамъ бывалъ, то на меня стали смотрѣть, какъ на своего человѣка. И вотъ, въ

одинъ прекрасный день, буфетчикъ, наливая мнѣ передъ обѣдомъ рюмку водки, сказалъ:

— Милости просимъ завтра пообѣдать у меня. Я завтра именинникъ. Будутъ всѣ свои...

Я былъ немного удивленъ и даже не зналъ, что отвѣтить. Какъ понять выраженіе „всѣ свои“? Это могутъ быть маркеры, официанты, сторожа и т. п., люди весьма почтенные, но съ которыми мнѣ было бы также скучно, какъ и имъ со мной. И я, ничего не обѣщавъ, поблагодарилъ.

На другой день я, какъ обыкновенно, пришелъ въ клубъ обѣдать.

Но не тутъ-то было! Именинникъ, г-нъ Глововъ, онъ же буфетчикъ и временный амфітріонъ, встрѣтилъ меня восклицаніемъ:

— Пожалте, всѣ въ сборѣ! Для васъ мѣсто оставлено.

Я вошелъ въ главный залъ клуба, гдѣ увидѣлъ прямо-таки богато обставленный обѣденный столъ съ цвѣтами и холодильниками для шампанскаго. Другой столъ сгибался подъ множествомъ изысканныхъ закусокъ. На главномъ мѣстѣ возсѣдалъ виновникъ торжества, а противъ него, на другомъ концѣ стола, сидѣлъ исправникъ и его помощникъ. Обѣдало человѣкъ около 30 и это были самые густые сливки челябинскаго общества. Тутъ были, кромѣ исправника и его помощника, еще земскій начальникъ, управляющій банкомъ и т. д. Сначала все шло довольно чинно, но къ десерту настроеніе

сильно приподнялось и тосты стали провозглашаться, прямо-таки эмпирическіе.

Управляющій банкомъ прильнулъ къ груди почтеннаго именинника и сквозь слезы умиленія, называлъ его „отцомъ и кормильцемъ“, присовокупляя, что, молъ, „всѣ мы передъ тобой въ долгу!“

(Послѣднее, какъ мнѣ потомъ рассказывалъ Готовъ, самая прозаическая правда).

Именинный обѣдъ у челябинскаго буфетчика доказалъ мнѣ, что идея равенства и братства не есть пустая бредня утопистовъ. Рѣдко можно видѣть, что храбрые львы и тихіе агнцы такъ мирно питаются вмѣстѣ.

Но не всѣ картины, видѣнныя мною въ Челябинскѣ, носятъ такой идиллическій характеръ.

Я уже упоминалъ о томъ, что законъ Линча здѣсь часто находитъ свое примѣненіе. Какъ-то на Страстной недѣлѣ я сидѣлъ у милѣйшаго человека Челябинска—земскаго начальника г. Зеленскаго и пилъ чай. Вдругъ съ улицы послышались крики и мы увидали грязнаго и оборваннаго человека, старающагося убѣжать отъ своихъ преслѣдователей.

Оказалось, что человекъ этотъ вытянулъ у кого-то въ казначействѣ изъ кармана три рубля.

Передъ домомъ г-на Зеленскаго его настигла толпа и, несмотря на наше стараніе защитить его, черезъ 5 минутъ передъ нами лежалъ окровавленный трупъ.

Жестокіе нравы!

На первый день Пасхи, утромъ, послѣ заутрени, я разговлялся у моего почтеннаго хозяина Полякова. Кромѣ меня, у него было два священника и мѣстный приставъ. Поляковъ съ женой и племянницей, въ особо торжественномъ настроеніи вернулся отъ заутрени и растроганно провозгласилъ, что „ничего не можетъ быть лучше, какъ послѣ молитвы, въ кругу семьи и добрыхъ друзей, подкрѣпить свои силы“!

И такому хорошему семьянину суждено было погибнуть на каторгѣ!

На третій день Пасхи, я уѣхалъ въ Екатеринбургъ, а оттуда черезъ Тюмень въ Tobольскъ.

Въ Екатеринбургѣ я съ огромнымъ удовольствіемъ провелъ 4 дня. Не даромъ этотъ городъ зовется „Столицею Урала“. Превосходная гостиница, интересный музей, прекрасный театръ, чистота и удобства—все говоритъ о высокой культурѣ города. Если сравнивать Златоустъ съ жалкой нищей, Челябинскъ—съ хулиганомъ, а Тюмень—со старой торговкой, то Екатеринбургъ придется сравнить съ гордой, нарядной красавицей.

Изъ Екатеринбурга, какъ я уже сказалъ, я отправился въ Тюмень. Онъ своей фізіономіей, дѣйствительно напоминаетъ старую, грязную торговку. Городъ рѣшительно ничѣмъ не отличается. Единственная его достопримѣчательность, пожалуй, это купецъ Текутьевъ, прославленный своимъ огромнымъ богатствомъ, невѣроятной скупостью

и легендарнымъ самодурствомъ. Во время моего пребыванія, его не показывали, о чемъ очень сожалѣю.

Политическихъ ссыльных—масса.

Ихъ показываютъ вездѣ.

Въ Тюмени я, по личнымъ дѣламъ, прожилъ довольно долго. И не разъ посѣтивъ этапы ссыльныхъ, я только 29 іюня сѣлъ на пароходъ „Каза-нецъ“, съ которымъ и уѣхалъ въ Тобольскъ.

II.

Тобольская каторга.

Тюмень стоитъ въ тупикѣ. Здѣсь кончается желѣзная дорога, и больше „податься“ некуда. Сѣобщеніе зимой съ Тобольскомъ поддерживается только на лошадяхъ. Лѣтомъ же ходятъ пароходы Сибирскаго Пароходнаго Общества. Они совершаютъ огромные рейсы по Турѣ, Тоболу, Иртышу, Оби и т. д. вплоть до Семипалатинска (черезъ Омскъ). Весь рейсъ они дѣлаютъ въ 20 сутокъ.

Пароходъ „Казанецъ“, на которомъ я ѣхалъ въ Тобольскъ, было судно старое и неважное. Но по другимъ сибирскимъ рѣкамъ встрѣчаются еще худшіе пароходы. Кормятъ сносно и не дорого. Путь изъ Тюмени сначала идетъ по Турѣ (чрезвычайно маловодной), потомъ пароходъ входитъ въ Тоболъ и только близъ самого Тобольска prorѣзываетъ волны широкаго и глубокаго Иртыша. Публика на пароходѣ была довольно невзрачная. Въ 1-мъ классѣ ѣхало, кромѣ меня, человѣкъ 5—6.

Большинство палубныхъ пассажировъ состояло изъ сибирскихъ крестьянъ или, какъ ихъ здѣсь насмѣшливо зовутъ—„чалдоновъ“.

1-го іюля 1908 года, утромъ, въ 7 часовъ, я проснулся отъ стука въ дверь моей каюты.

— Тобольскъ виденъ! Вставайте.

Я поспѣшно одѣлся и вышелъ на палубу.

Передо мною растиался широкій Иртышъ, а на правомъ берегу, сквозь утренній туманъ, дѣйствительно, былъ виденъ Тобольскъ. Сначала шелъ рядъ домовъ, стоящихъ прямо въ водѣ (своего рода Венеція). Это пригородъ. А затѣмъ уже начались разныя пристани и вмѣстѣ съ ними и самый Тобольскъ.

Шелъ мелкій дождь. Небо было хмурое, лица кругомъ хмурыя. И эту мрачную сѣверную картину дополняли темныя ели и кедры, растущіе кругомъ въ изобиліи...

Когда пароходъ причалилъ къ пристани, я невольно сказалъ себѣ:

— Да, это тотъ край, куда Макаръ телятъ не гонялъ!

Уже на пристани я увидѣлъ ссыльныхъ.

Несмотря на ихъ изнуренныя лица и обтрепанные костюмы (преобладала, конечно молодежь), я слышалъ бодрый и хорошій смѣхъ, и глаза у всѣхъ смотрѣли весело.

Они постоянно провожаютъ и встрѣчаютъ пароходы на пристани. Это ихъ единственное развлечение.

Молодой человѣкъ въ валенкахъ и студенческой тужуркѣ (ссылный) предложилъ отнести мнѣ мой чемоданъ на извозчика. Изъ разговора съ нимъ я узналъ, что онъ третьекурсникъ казанскаго университета и проходитъ „курсъ лѣченія“ въ Тобольскѣ. Сосланъ на 5 лѣтъ. Я страшно сконфузился, отдалъ ему одинъ чемоданъ. Другой я понесъ самъ. Сѣвши на извозчика, я (должно быть-краснѣя) предложилъ ему рубль. Но онъ отвѣтилъ:

— Эквивалентъ моего труда не соотвѣтствуетъ такому вознагражденію,—и спросилъ, нѣтъ ли у меня папирсъ. Я ему отдалъ свои папирсы, и мы разстались. Прощаясь со мною, онъ мнѣ совѣтовалъ остановиться въ гостиницѣ „Аккерманъ“. Названіе, дышащее въ холодномъ Тобольскѣ знойнымъ югомъ, соблазнило меня, и я рѣшилъ поѣхать туда.

Маленькую одноэтажную гостиницу содержалъ откормленный, жирный нѣмецъ. Комнату отвели мнѣ маленькую, но зато очень грязную и кормили прямо ужасно. Режимъ унѣмца былъ лишь немного мягче, чѣмъ въ каторжной тюрьмѣ. Знакомыхъ нельзя было принимать у себя въ комнатѣ, а только внизу, въ специально для этого отведенномъ помѣщеніи.

Умывшись и переодѣвшись, я пошелъ бродить по городу.

Тобольскъ—довольно старинный городъ, но вся его исторія сосредоточивается на знаменитой ка-

торгѣ и другихъ достопримѣчательностей онъ не имѣеть... Природа кругомъ мрачная, климатъ чрезвычайно суровый. Зимой морозъ доходить до 42° ниже нуля. Растительность тоже какая-то мрачная. Темные кедры и ели выглядываютъ зло-вѣще. Весь городъ можно обойти и осмотрѣть въ два часа. Дѣлится онъ на двѣ части: верхнюю и нижнюю. Верхняя—лежитъ на довольно высокой горѣ и содержитъ въ себѣ всѣ присутственныя мѣста, епархіальное училище и—каторжную тюрьму. Въ нижней части расположенъ базаръ, почта, телеграфъ. Тамъ же и губернаторскій домъ. (Изъ частныхъ домовъ это почти единственный каменный). Памятникъ въ Тобольскѣ есть только одинъ—Ермаку, недалеко отъ того мѣста Иртыша, гдѣ онъ утонулъ. Памятникъ очень невзрачный, въ видѣ обелиска, надъ обрывомъ въ верхней части города. Рядомъ съ нимъ помѣщается, дѣйствительно, интересный губернский музей.

Главная промышленность города сосредоточена на воскобойныхъ и винокуренныхъ заводахъ.

Тобольскъ, какъ административный центръ, имѣетъ много чиновниковъ. Кромѣ того, въ немъ живетъ масса ссыльныхъ (политическихъ). Они влачатъ ужасное существованіе, ибо, какъ люди въ большинствѣ случаевъ интеллигентныхъ профессій, они въ Тобольскѣ не находятъ примѣненія своего труда. Большинство изъ нихъ получаетъ отъ казны по 4 рубля 50 коп. въ мѣсяцъ, сумма,—съ трудомъ спасающая человѣка отъ голодной смерти.

Ссылные привилегированных сословій получают по 11 рублей въ мѣсяцъ. На эти деньги немислимо жить въ Тобольскѣ, гдѣ все очень дорого. Поэтому ссылки обыкновенно живутъ артелями. Такая коллективная голодовка, по ихъ словамъ, переносится легче. (Впрочемъ, въ г. Березовѣ, еще сѣвернѣе Тобольска, условія жизни для нихъ еще ужаснѣе).

Развлеченій въ Тобольскѣ мало. Въ лѣтнее время таковымъ является прибытіе парохода, а зимою устройство драматическихъ спектаклей въ Народномъ Домѣ. Центромъ тобольскаго общества служить клубъ, помѣщающійся въ довольно обширномъ деревянномъ зданіи съ порядочною (по величинѣ) концертною залой. Клубъ—единственное мѣсто въ Тобольскѣ, гдѣ можно пріѣзжему человѣку сносно поѣсть.

Вечеромъ тамъ сходятся поиграть въ картишки мѣстные чиновники. Но что въ Тобольскѣ дѣйствительно замѣчательно, такъ это его мостовая. Она во всемъ городѣ деревянная. Объясняется это тѣмъ, что кругомъ Тобольска кромѣ лѣса и болота ничего нѣтъ, камень привозится изъ далека и потому страшно дорогъ. По такой мостовой, очень пріятно ходить и ѣздить, но она постоянно портится и вѣчно нуждается въ ремонтѣ. Доски гніютъ, вываливаются и ночью легко сломать себѣ ногу, попавъ въ такую дыру между досками... Прибавьте къ этому курьезное объявленіе, вывѣшенное повсюду, о томъ, что „курение

табаку на улицѣ воспрещается“, и вы поймете, что деревянная мостовая не есть послѣднее слово городского благоустройства...

Послѣ того, какъ я въ своей гостиницѣ поразительно скверно позавтракалъ, я поѣхалъ къ губернатору И. Л. Гондатти ¹⁾. Это — человѣкъ чрезвычайно любезный и обходительный и, кажется, единственный губернаторъ въ Россіи, промѣнявшій катедру ученаго профессора на карьеру администратора. Онъ сумѣлъ снискать себѣ расположеніе безчисленнаго количества ссыльных Тобольской губерніи, а это задача не легкая. Они даже шутливо называли его „товарищъ Гондатти“.

Будучи самъ этнографомъ, Н. Л. Гондатти сдѣлалъ все возможное, чтобы облегчить мнѣ мою задачу, т. е. зачисль тюремныхъ пѣсень...

Онъ по телефону предупредилъ администрацію тюрьмы о моемъ пріѣздѣ, и мы условились, что я 3-го числа (іюля) буду въ тюрьмѣ.

Тутъ я немного отвлекусь въ сторону.

Жилъ я когда то на дачѣ около станціи „Химки“, Николаевской ж. д. Станція маленькая и грязенькая. Въ одинъ прекрасный день получается извѣстіе, что одно очень высокопоставленное лицо, проѣздомъ изъ Петербурга въ Крымъ, будетъ имѣть въ Химкахъ остановку для завтрака въ вагонѣ. Утромъ того дня, когда это собы-

¹⁾ Въ настоящее время Пріамурскій Генералъ-Губернаторъ.

тіе должно было совершиться, я по дѣламъ долженъ былъ ѣхать въ Москву и попалъ, благодаря сему, на станцію. И тутъ я увидѣлъ нѣчто изъ сказокъ Шехерезады. Все было вновь! выкрашено, вымыто. Чистота наведена, прямо таки, жуткая. Грязный дворъ былъ вымощенъ и посрединѣ его билъ фонтанъ. Вездѣ цвѣты и тропическія растенія. Какъ мнѣ потомъ передавали, начальникъ дороги (онъ, разумѣется, сопровождалъ поѣздъ) увѣрялъ высокопоставленное лицо, что на Николаевской ж. д. всѣ станціи таковы. Когда я черезъ три дня возвращался изъ Москвы въ Химки, станція была грязна и скверна, какъ и всегда.

Я не высокопоставленное лицо, но тобольская администрація все-таки чуяла во мнѣ хотя бы „хитраго нѣмца“ и, на всякій случай, старалась показать „товаръ лицомъ“.

Тобольская каторжная тюрьма расположена на горѣ, гдѣ помѣщаются и присутственныя мѣста. Когда вы подъѣзжаете къ городу на пароходѣ, вамъ сразу же бросаются въ глаза эти громадныя бѣлыя зданія, занимающія цѣлый кварталъ и возвышающіяся надъ городомъ. Раньше тюремъ было двѣ, но въ прошломъ году каторжная тюрьма № 2 сгорѣла и теперь существуетъ лишь № 1-й.

Главный фасадъ, выходящій на улицу, занимаютъ контора, канцелярія и квартиры служащихъ. Къ этому небольшому зданію съ большими глубокими воротами посрединѣ примыкаетъ

высокая четырехугольная стѣна съ башнями на углахъ, вокругъ которой и размѣщены камеры.

Приѣхалъ я въ тюрьму, въ ея контору, утромъ. Администрація уже была предупреждена о моемъ приѣздѣ и меня встрѣтилъ помощникъ тюремнаго инспектора, г-нъ Флеровъ, который, въ свою очередь, познакомилъ меня съ инспекторомъ, г-номъ Гофляндъ.

Г-нъ Гофляндъ полный, очевидно, довольный собой, блондинъ лѣтъ 40, сообщилъ мнѣ, что, хотя имѣется распоряженіе г-на губернатора о пропускѣ меня въ тюрьму, но, тѣмъ не менѣе, ему все-таки не совсѣмъ удобно пропустить меня безъ согласія фактическаго хозяина каторги, смотрителя, г-на Могилева, который сейчасъ долженъ притти. Между прочимъ г. инспекторъ разсказалъ мнѣ что онъ ѣздилъ въ Германію, осматривалъ тамошнія тюрьмы и, что теперь, благодаря ему, въ тобольской каторгѣ введена „военная дисциплина по образцу германскихъ тюремъ“.

Немного погодя, вошелъ въ кабинетъ самъ смотритель каторги, г-нъ Могилевъ. Это былъ высокій, худощавый человѣкъ, также лѣтъ 40, съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ лица. Это было выраженіе не то испуга, не то ожиданія чего-то. Замѣчательны были и глаза: выпученные и съ какимъ-то стекляннымъ, мертвымъ отблѣнкомъ. Ни разу во время всего нашего знакомства это выраженіе не мѣнялось. И не даромъ, видно, испугъ

и смутное ожиданіе такъ крѣпко запечатлѣлись на лицѣ Ивана Семеновича Могилева: 20-го августа 1909 года онъ былъ убитъ на улицѣ однимъ изъ ссыльныхъ револьвернымъ выстрѣломъ...

Его предшественникъ Б. былъ убитъ такимъ же образомъ.

Инспекторъ и его помощникъ вышли, и мы остались со зрителемъ одни.

Г. Могилевъ сказалъ, что готовъ мнѣ показать свое „учрежденіе“ и всячески содѣйствовать мнѣ по записи пѣсенъ.

— Но это ужъ не зависитъ отъ меня,—прибавилъ онъ.—Заставить каторжанъ пѣть мы не можемъ—и извиняясь, что покидаетъ меня на нѣсколько минутъ, такъ какъ у него есть „кое-какія хозяйственныя распоряженія“, ушелъ, оставивъ меня въ кабинетѣ тюремнаго инспектора.

Осматриваясь кругомъ, я вдругъ, къ моему крайнему удивленію, увидѣлъ на этажеркѣ,—что вы думаете?—пару плетей!!!

Г. Могилевъ скоро вернулся.

Я, конечно, спросилъ его, къ чему находятся здѣсь эти инструменты, изъятые изъ употребленія закономъ въ 1901 году.

На это г. смотритель заявилъ, что въ Тобольскѣ хотятъ устроить тюремный музей...

Что же! Дѣло хорошее!..

Г. смотритель началъ мнѣ давать кое-какія предварительныя свѣдѣнія и сообщилъ, что въ

настоящее время въ каторжной тюрьмѣ находится около 600 арестантовъ. Затѣмъ мы начали съ г. Могилевымъ и двумя надзирателями обходъ тюрьмы.

Заскрипѣли тюремныя ворота, и мы вошли во внутренній дворъ

На этомъ дворѣ помѣщаются: пекарня, кухня, прачечная и тюремная больница, куда мы прежде всего и направились.

— Скажите, Иванъ Семеновичъ, — спросилъ я по дорогѣ, — кажется, арестанты сами выбираютъ пекаря, повара и т. п.?

— Прежде такъ было, — отвѣтилъ Могилевъ, — но я это уничтожилъ. У меня нѣтъ артели и самоуправленія. Я самъ назначаю кого куда нужно.

При входѣ въ больницу насъ встрѣтилъ для сопровожденія по палатамъ тюремный врачъ г. Дунаевъ.

Старичокъ, докторъ Сергѣй Флегонтовичъ Дунаевъ, сначала что то пробормоталъ и вообще показался мнѣ не особенно дружелюбно настроеннымъ. Потомъ онъ обошелся, но объясненія свои давалъ какъ-то странно. Въ строго официальномъ тонѣ, какъ даютъ ревизору.

Мы обошли всѣ девять палатъ больницы. Все я нашелъ въ образцовомъ порядкѣ и чистотѣ (тутъ вспомнилась невольнo ст. Химки!), но докторъ жаловался, что ни ему, ни его тремъ фельдшерамъ нѣтъ квартиръ при больницѣ и всему

персоналу, живущему въ городѣ, трудно оказывать немедленную помощь въ экстренныхъ случаяхъ. При этомъ, обращаясь ко мнѣ, онъ сказалъ: „Имѣю честь покорно просить ваше превосходительство похлопотать по этому дѣлу въ Петербургѣ“. Я объяснилъ ему, что я никогда не былъ, да никогда и не буду „превосходительствомъ“, на что онъ только молча поклонился.

Преобладающій элементъ больныхъ—легочные, вплоть до туберкулеза. Особенно много среди нихъ мингрельцевъ и вообще кавказцевъ, которые не переносятъ суроваго тобольскаго климата, и почти всѣ умираютъ отъ легочныхъ заболѣваній. Для нихъ ссылка въ Тобольскъ равняется медленной смертной казни.

Есть отдѣльная палата для сифилитиковъ, гдѣ я засталъ 6—7 больныхъ, конечно, третичнаго періода, такъ какъ первичныхъ заболѣваній здѣсь никогда не бываетъ. Чтобы продемонстрировать мнѣ больного, докторъ взялъ какого-то Алексѣева и, не говоря ему ни слова, открылъ ему ротъ, съ цѣлью показать язвы въ горлѣ. Онъ продѣлалъ эту манипуляцію, точь въ точь какъ ветеринаръ, когда тотъ открываетъ пасть лошади больной мытомъ.

Есть и тифозная палата, но тифа въ тюрьмѣ въ это время ни было, и она стояла пустая.

Тюремная аптека богата медикаментами и содержится въ порядкѣ. При больницѣ есть чистая свѣтлая операціонная и ванная комната съ 5-ю ваннами. Совершенно отдѣльно, во 2-мъ этажѣ,

помѣщается, такъ называемая, верхняя палата, раздѣленная на камеры, въ которыхъ находятся больные изъ одиночнаго заключенія и психическіе. Въ одной изъ этихъ камеръ я засталъ политическаго заключеннаго Тахчогло, оставленнаго при университетѣ и стрѣлявшаго въ Екатеринославѣ въ пристава. Онъ два раза покушался на самоубійство, перерѣзая себѣ вены на рукахъ, первый разъ перомъ, а второй—кускомъ стекла, но оба раза неудачно. Положеніе его было тяжелое. Этотъ Тахчогло—„enfant terrible“ тобольской каторги. Г. Могилевъ мнѣ рассказывалъ, что когда привезли Тахчогло въ каторгу, то онъ объявилъ ему, что въ каторгѣ всѣ должны подчиняться режиму. На это Тахчогло отвѣтилъ: „Вы можете подчинить себѣ 600 человѣкъ, но не меня“. Тахчогло послѣ покушенія на самоубійство выглядитъ очень плохо. Когда врачъ при мнѣ началъ уговаривать его не повторять подобныхъ экспериментовъ, онъ молчалъ и иронически улыбался. Эту улыбку молодого интеллигентнаго человѣка, замурованнаго въ четырехъ сѣрыхъ стѣнахъ, я не забуду долго.

Въ психіатрической камерѣ я засталъ всего одного больного (Кубачева). Онъ изъ ревности убилъ свою жену и, осужденный на каторгу, сошелъ съ ума. Онъ не отвѣчаетъ ни на какіе вопросы и только усиленно крестится и молится.

Здѣсь также находился какой-то бродяга на „испытаніи“. Онъ не открываетъ, кто онъ такой,

и, вдобавокъ, оказывается глухонѣмымъ. Но докторъ утверждаетъ, что онъ просто симулянтъ, а изъ того, что онъ цѣлый день равномернымъ шагомъ ходитъ взадъ и впередъ по камерѣ, заключаетъ, что онъ бывший солдатъ. Докторъ при мнѣ провозгласилъ какую-то военную команду и заставилъ бродягу продѣлать кое-какіе военные артикулы. Мнѣ стало страшно.

Но наиболѣе тяжелое впечатлѣніе произвелъ на меня юноша Буцинскій (политическій). Онъ умиралъ отъ чахотки и ему оставалось жить дватри дня. (Надзиратель рассказалъ мнѣ, что при задержаніи его, ему „нутро отшибли“). Представьте себѣ восковую, прозрачную фигуру юноши со страдальческими, молящими, красивыми глазами. Его послѣднимъ удовольствіемъ была бесѣда съ „людьми съ воли“, и надо было слышать тотъ молящій тонъ, какимъ онъ просилъ доктора зайти къ нему побесѣдовать послѣ обхода. Докторъ общалъ.

Больничный супъ (изъ крѣпкаго навару) и бѣлый хлѣбъ, который я здѣсь пробовалъ, были, и тотъ, и другой, прямо превосходны. Но мнѣ ихъ поднесли на подносѣ, и я не ручаюсь, что это не было, хотя бы изъ кухни г. смотрителя...

Затѣмъ я еще осматривалъ больничную кухню, гдѣ все опять-таки оказалось очень опрятнымъ.

Въ больничномъ режимѣ меня поразили два явленія:

1) Большинство больныхъ были въ кандалахъ.

Когда я обратился съ вопросомъ по этому поводу, къ администраціи, мнѣ заявили, что снятіе кандаловъ зависитъ отъ врача... А докторъ Дунаевъ сказалъ мнѣ потомъ, что снятіе кандаловъ, хотя бы на время только, во власти администраціи...

2) Почти всѣ больные при нашемъ входѣ вскакивали съ коекъ и вытягивались во фронтъ.

Среди нихъ, несомнѣнно, были такіе, для которыхъ такая казенная манипуляція составляла трудъ, вредный для здоровья.

Обходили мы больницу два часа и, несмотря на чистоту и порядокъ, которые сдѣлали больницу гордостью тюрьмы, я все же былъ радъ, когда выбрался изъ нея снова на дворъ...

Дальше мы осматривали мастерскія.

Въ тобольской каторжной тюрьмѣ принудительныхъ каторжныхъ работъ нѣтъ. Т.-е. нѣтъ тѣхъ безсмысленныхъ и специально для каторги выдуманныхъ тяжелыхъ работъ, которыя прежде искусственно задавали въ формѣ „урока“ и т. п. Если есть заказы, арестанты исполняютъ ихъ, если же заказовъ нѣтъ, то арестанты сидятъ, запертые по камерамъ. Часть денегъ, вырученныхъ за работу, поступаетъ въ казну, часть же — въ пользу арестантовъ, при чемъ деньги эти хранятся въ конторѣ и расходуются по требованію

арестантовъ на покупку разрѣшенныхъ предметовъ. Строго наблюдается, чтобы не покупались предметы роскоши, какъ, напримѣръ, кофе или какао. Здѣсь я немного отвлекусь въ сторону.

Я читалъ недавно въ газетахъ о министерскомъ проектѣ относительно перевода каторжныхъ тюремъ въ центральную Россію. Такой проектъ надо привѣтствовать и поддерживать всей душой по двумъ причинамъ:

1) Рынки такихъ городовъ, какъ напримѣръ, Кіевъ, Харьковъ, Одесса и т. д., могутъ давать сбытъ для арестанскихъ работъ и тѣмъ улучшить существованіе заключенныхъ.

2) Въ этихъ городахъ хозяйскій глазъ высшей администраціи все-таки лучше будетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы не было произвола или злоупотребленій по отношенію къ каторжанамъ со стороны мелкихъ служащихъ.

Но продолжаемъ нашъ обходъ.

Мастерскія существуютъ: столярная, слесарная, сапожная и портняжная.

При мнѣ въ мастерскихъ работало, въ среднемъ, по 10 человекъ на каждую, что, конечно, очень мало при громадномъ контингентѣ обитателей тюрьмы. Настроеніе работающих я нашелъ бодрымъ и оживленнымъ. Видно было, что работа доставляла имъ удовольствіе, интересъ здраво проведеннаго времени.

Къ сожалѣнію, Тобольскъ представляетъ слишкомъ небольшой рынокъ для сбыта трудовъ ка-

торжанъ, и этимъ объясняется незначительность работъ каторги. Изумительны издѣлія въ видѣ статуэтокъ, прессъ-папье, рамокъ и прочее, изъ чего бы вы думали?.. Изъ чернаго хлѣба... Онъ какъ-то прессуется и дѣлается твердымъ, какъ камень. Выработанные предметы положительно художественны и по рисунку, и по формѣ. Тамъ же мнѣ арестанты поднесли для передачи моей женѣ двѣ изумительныхъ по красотѣ цѣпочки для часовъ изъ конскаго волоса.

Оборудованіе мастерскихъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Оборудованы онѣ всѣми необходимыми и даже новѣйшими инструментами.

Въ столярной мастерской одинъ арестантъ былъ занятъ выдѣлкой изъ дерева герба какого-то дворянскаго рода.

— Это заказъ бывшаго вице-губернатора,—сообщилъ мнѣ смотритель.

Въ сапожную мастерскую г. Могилевъ со мной не вошелъ и остался за дверьми. Странное чувство ощутилъ я, пробывъ нѣсколько минутъ съ этими людьми (почти все уголовными каторжанами), работающими кругомъ меня острыми ножами. На мѣстѣ г. Могилева я тоже сюда бы не входилъ...

Кромѣ вышеупомянутыхъ мастерскихъ, есть еще кузнечная, швальная (гдѣ шьютъ мѣшки) и даже маленькое ателье для живописи (иконы).

По осмотру мастерскихъ мы прошли въ камеры каторжанъ. Зданій съ камерами нѣсколько. По-

строены они по коридорной системѣ. Громадный, мрачный, каменный коридоръ идетъ по срединѣ, а по бокамъ его размѣщены камеры очень разнообразныя по величинѣ. Дубовыя, постоянно запертыя двери нарушаютъ однообразіе коридора своими глазками, или, какъ ихъ здѣсь зовутъ, „волчками“. Гулко разносятся въ воздухъ твердые шаги пяти-шести дежурныхъ надзирателей, постоянно ходящихъ изъ одного конца зданія въ другой и откидывающихъ „глазки“, чтобы видѣть, что дѣлается въ камерахъ.

Обстановка камеръ одинакова повсюду. Деревянный столъ, двѣ-три узкія скамейки исключительно для сидѣнія, такъ какъ лечь на нихъ нѣтъ возможности, деревянные нары для спанья и неизбѣжная, пахучая „параша“. Камеры, какъ я сказалъ уже, всѣ различныхъ величинъ и вслѣдствіе этого есть такія, гдѣ обитаетъ всего два человѣка, между тѣмъ, какъ въ другихъ помѣщается до 30.

При моемъ посѣщеніи окна, снабженныя, конечно, толстыми рѣшетками и выходящія въ стѣну, были все же открыты и благодаря этому воздухъ въ камерахъ былъ терпимъ.

Во время нашего обхода, во всѣхъ коридорахъ появлялся старшій дежурный надзиратель со связкою ключей. Онъ шелъ передъ нами и кричалъ: „Смирно. По мѣстамъ“. Для заключенныхъ это означало, что идетъ начальство и, что они должны приготовиться къ „встрѣчѣ“. И въ каж-

дой камерѣ, куда бы мы ни входили, мы видѣли каторжанъ уже выстроенныхъ во фронтъ. При этомъ они насъ, т.-е. г. Могилева, встрѣчали громкимъ возгласомъ: „Здравія желаемъ, ваше высокородіе“!.

Это все плоды введенной г. Гофляндомъ „военной дисциплины по образцу германскихъ тюремъ“. Не могу передать, какъ это выходило смѣшно и отвратительно.

Для каторжниковъ (особенно уголовныхъ) самый гуманнѣйшій начальникъ тюрьмы, прежде всего, человѣкъ, лишаящій ихъ свободы. Одни политическіе способны разсуждать логично, но и тѣ, все-таки, видятъ въ немъ противника или, по крайней мѣрѣ, человѣка другого лагеря. И всякій каторжникъ, при видѣ начальника тюрьмы, конечно, въ душѣ скажетъ: „Чтобъ ты провалился, восьмизнаменитый чортъ“. А тутъ его заставляютъ желать „здравія ихъ высокородію“. Вѣдь въ эту казенную, никому не нужную ложь ни начальство, ни арестанты не вѣрятъ.

По послѣднему министерскому циркуляру, каторжниковъ не дѣлятъ на уголовныхъ и политическихъ, и поэтому камеры поражаютъ разнообразіемъ своего состава.

Конечно, не приходится обсуждать такое постановленіе, но (по крайней мѣрѣ, по словамъ тюремнаго начальства) при такомъ смѣшеніи ничего хорошаго не выходитъ: политическаго «преступника» тюрьма не заставитъ измѣнить его

убѣжденія; наоборотъ, онъ постарается привить свои идеи уголовнымъ. Въ результатъ, въ лицъ уголовныхъ образуется огромное количество горячаго матеріала, который вспыхиваетъ въ формѣ бунтовъ и т. п.

Тяготятся вынужденнымъ сожительствомъ и об элемента каторги.

Когда я въ Петербургѣ передалъ г. предсѣдателью совѣта министровъ ходатайство политическихъ каторжанъ о томъ, чтобы ихъ изолировали отъ уголовныхъ, г. министръ сказалъ мнѣ: „Циркуляръ Главнаго Тюремнаго Управленія говоритъ только о томъ, чтобы одинаковъ былъ режимъ для всѣхъ каторжанъ безъ исключенія. Размѣщеніе же ихъ въ тюрьмѣ зависитъ отъ мѣстнаго начальства“. А „политическіе“ въ Тобольскѣ, мнѣ сказали, что они согласны на какой угодно „режимъ“, лишь бы ихъ изолировали отъ рыцарей „большой дороги“.

Да и въ интересахъ начальства, повторяю, не имѣетъ смысла такое общеніе между „крамольниками“ и уголовными. Мнѣ г. Могилевъ рассказывалъ, что политическіе добились одно время того, что никто не ходилъ на богослуженіе, и церковь пустовала. Потомъ это улеглось. Впослѣдствіи мнѣ приходилось много и подолгу бесѣдовать съ профессиональными убійцами, грабителями, фальшивомонетчиками, поджигателями и т. п., и я считаю долгомъ констатировать, что большинство моихъ собесѣдниковъ отличалось

вполнѣ устойчивыми консервативными убѣжденіями; „патріоты“ эти всей душой ненавидѣли своихъ „крамольныхъ“ товарищей.

Одинъ уголовный (Колесниковъ) при мнѣ заявилъ претензію начальству тюрьмы на то, что его по постнымъ днямъ кормятъ скоромнымъ.

— Я не безбожникъ, не студентъ, — сказалъ онъ, — а православный человѣкъ.

Этотъ православный человѣкъ зарѣзалъ съ цѣлью грабежа на своемъ вѣку болѣе 10 человѣкъ и два раза бѣжалъ съ Сахалина.

Кромѣ того, уголовный арестантъ, я бы сказалъ — убѣжденный арестантъ, — мирится легко съ тюремнымъ режимомъ, а политическій борется съ нимъ до конца. У уголовного есть одна удивительная особенность: онъ свято стоитъ за то, что бы все было „по закону“. Онъ безропотно ложится подъ какое угодно количество розогъ, если они будутъ даны „по закону“. Но онъ подниметъ бунтъ, готовъ убить надзирателя, выломать двери, если ему не дадутъ $\frac{1}{100}$ доли того золотника коровьяго масла, которое онъ имѣетъ по закону въ видѣ приправы въ кашѣ.

И почти всѣ тюремные бунты возникали, въ сущности, по такимъ пустымъ поводамъ. Напримѣръ, въ январѣ 1908 года, вспыхнулъ бунтъ по слѣдующему поводу: лишній хлѣбъ, который оставался у арестантовъ отъ казеннаго пайка, они продавали. Это завелось очень давно, такъ сказать, „въ обычное право“. Въ одинъ прекрасный

день имъ это запретили. Если бъ здѣсь нашелся умный человѣкъ и объяснилъ имъ, что это не есть ихъ законное право, а только обычай, быть-можетъ, возможно было бы предотвратить бунтъ, но... имъ это просто, безъ объясненія причинъ, запретили.

И вотъ 9-го января, утромъ, каторжные отказались выйти на работы; тогда администрація велѣла вывести зачинщиковъ для „порки“. Товарищи подняли бунтъ, не желая выпускать ихъ изъ камеръ. При этомъ, надзиратель Григорьевъ былъ убитъ сзади. Начальникъ тюрьмы немедленно потребовалъ военный караулъ. Унтеръ-офицеръ Змычеревскій отказался стрѣлять въ арестантовъ. Тѣмъ не менѣе, двое изъ нихъ были убиты.

А въ результатъ, въ мартъ мѣсяцъ, въ страстной четвергъ, на тюремномъ дворѣ были повѣшены и тамъ же зарыты 13 человѣкъ арестантовъ. Прямо чудомъ спасся каторжникъ Клечевскій. Его защитникъ, тобольскій адвокатъ г. Пигнатти (который и сообщилъ мнѣ всѣ эти свѣдѣнія), доказалъ по больничному журналу, что Клечковскій во время бунта лежалъ въ тюремной больницѣ. А тюремный врачъ забылъ объ этомъ!..

Другой бунтъ въ тобольской каторгѣ случился годомъ раньше и былъ учиненъ политическими. Причиной послужило намѣреніе начальства выпоротъ двухъ заключенныхъ политическихъ аре-

стантовъ. Тяжело и страшно мнѣ было слышать подробности. Онѣ ужасны...

Кромѣ общихъ камеръ, существуютъ одиночныя камеры и карцеры.

Одиночныя камеры отличаются отъ общихъ лишь величиною, но карцеры уже лишены всякой мебели... Это какіе-то каменные мѣшки, изъ которыхъ нѣкоторые даже лишены дневного свѣта.

Я посѣтилъ, между прочимъ, знаменитый „горячій карцеръ“, о которомъ въ Tobольскѣ ходитъ масса самыхъ ужасныхъ легендъ. Говорятъ, что въ этомъ карцерѣ наказанные задыхаются отъ жары. Температура въ немъ, дѣйствительно, сильно повышена и долго пробыть въ немъ никто не можетъ. Во время моего посѣщенія въ этомъ карцерѣ сидѣло двое арестантовъ. Когда я спросилъ г. Могилева о причинѣ этой жары, онъ объяснилъ мнѣ ее неудачнымъ устройствомъ печей.

Это было 3-го іюля!..

Побывавъ еще въ нѣсколькихъ камерахъ, мы пошли дальше, осматривать кухню, прачечную и баню. Вездѣ большой порядокъ и образцовая чистота. Хлѣбопеки, кашевары, прачки—все арестанты. Они не выбираются изъ товарищей, какъ это было прежде, а назначаются начальствомъ. Говорить о своихъ отдѣльныхъ бесѣдахъ съ арестантами я не буду. Каждая личность интересна по столько, по сколько она рисуетъ драму своей жизни, а этихъ драмъ, самыхъ разнообразныхъ

самыхъ изумительныхъ, общественныхъ и личныхъ, въ камерахъ этихъ мрачныхъ зданій до 600 и передать ихъ нѣтъ возможности.

Политическихъ заключенныхъ тамъ около 300 и бесѣда съ ними составила бы страницу изъ исторіи русской революціи.

Что касается режима тюрьмы, то прослѣдить его на собственномъ опытѣ я до сихъ поръ, слава Богу, не имѣлъ возможности; передаю о немъ со словъ зрителя г. Могилева.

Лѣтомъ въ 5 часовъ, а зимою въ 6 часовъ утра, нары въ камерахъ поднимаются и арестанты встаютъ. Сейчасъ же надзирателями эти нары замками прикрѣпляются къ стѣнѣ; этимъ арестантъ лишается какой бы то ни было возможности днемъ до 8 часовъ вечера, прилечь хоть на минуту.

Происходитъ утренняя провѣрка, послѣ которой арестантамъ выдается кипятокъ и казенный паекъ хлѣба. Сахаръ и чай каждый долженъ имѣть свой. Занятые на работахъ отправляются въ мастерскія, остальные остаются въ камерахъ.

Въ 12 часовъ дня дается обѣдъ, состоящій по скромнымъ днямъ изъ щей и $\frac{1}{4}$ фунта мяса, а по постнымъ днямъ изъ похлебки. Въ 5 часовъ дня дается ужинъ изъ каши и по 1 золотнику масла на человѣка.

Щи и кашу арестанты поднесли мнѣ на подносъ. И щи, и каша были очень вкусны, но поручится, что они были изъ арестантскаго котла, я опять таки не могу.

Въ 8 часовъ вечера происходитъ вечерняя повѣрка, послѣ чего нары спускаются и настаѣтъ тюремная ночь.

Камеры и днемъ, и ночью, конечно, всегда заперты.

Весь тюремный караулъ состоитъ изъ 70 чело-вѣкъ надзирателей и 20 солдатъ.

Въ канцеляріи тюрьмы вывѣшены Правила Главнаго Тюремнаго Управленія отъ 28 іюня 1907 года. Они настолько интересны, что позволяю себѣ ихъ привести цѣликомъ.

П РА В И Л А.

1) Въ порядкѣ содержанія каторжныхъ арестантовъ и тюремной дисциплины надлежитъ руководствоваться правилами Устава о ссыльныхъ.

2) Все арестанты разряда испытуемыхъ, не исключая и происходящихъ изъ привилегированнаго званія, должны содержаться въ кандалахъ, которые могутъ быть сняты согласно правиламъ указаннаго устава и циркулярнымъ разъясненіемъ Главнаго Тюремнаго Управленія, съ разрѣшенія Губернатора и Тюремнаго Инспектора (286 ст. Уст. ссыльн. прод. 1906 г., Тюремный Вѣстникъ за 1905 годъ № 6 стр. 375, циркуляръ 16 декабря 1906 г. № 27).

3) Время пребыванія въ отрядѣ испытуемыхъ (ст. 285 Уст. ссыльн. по прод. 1906 года) опредѣляется въ слѣдующемъ размѣрѣ: безсрочнымъ — восемь лѣтъ, присужденнымъ къ работамъ: на

время свыше 20 лѣтъ—пять лѣтъ, на время свыше 15 до 20 лѣтъ—четыре года, на время свыше 12 до 15 лѣтъ — два года, на время свыше 6 до 12 лѣтъ—полтора года, на время отъ 4 до 6 лѣтъ—одинъ годъ, на время отъ 2 до 4 лѣтъ — шести мѣсяцевъ и на время менѣе двухъ лѣтъ—три мѣсяца. Для несовершеннолѣтнихъ, приговариваемыхъ къ каторжнымъ работамъ на сроки, сокращенные одною третью (ст. 139 Улож. Наказ. по прод. 1906 года), соотвѣтствующее тѣмъ срокамъ время испытанія сокращается также одною третью (ст. 209 Уст. о ссыльн. и прим. по прод. 1906 года).

4) Въ отрядъ исправляющихся должны перечисляться съ большой осторожностью лишь „подавшие надежду на исправленіе доказательствами покорности начальству, воздержанности, опрятности и трудолюбія“ (ст. 300 Уст. о ссыльн.). Въ виду сего необходимо, чтобы Начальникъ тюрьмы велъ дисциплинарный листокъ о каждомъ заключенномъ съ подробными указаніями о его поведеніи, занятіяхъ, подчиненіи тюремнымъ правиламъ и объ отношеніи къ начальствующимъ лицамъ.

5) Распредѣленіе арестантовъ по камерамъ зависитъ отъ усмотрѣнія Начальника тюрьмы, причемъ къ содержащимся въ одиночныхъ камерахъ ограничительныя правила, установленныя ст. 482² Уст. ссыльн. (по прод. 1906 года) для одиночнаго заключенія, примѣняются лишь въ отношеніи

подвергнутыхъ сему заключенію въ наказаніе за преступленія и проступки.

6) Всѣ камеры всегда (днемъ и ночью) непремѣнно должны быть на запорѣ.

7) Въ отношеніи наложенія взысканій за нарушеніе порядка въ тюрьмѣ и проступки каторжныхъ, безразлично въ отношеніи ихъ [происхожденія, слѣдуетъ руководствоваться ст. 395 — 397 Уст. сод. подѣ стр. по прод. 1906 года и ст. 443 Уст. ссыльн. по прод. 1906 года при чемъ указанное въ п. 1 и 2 ст. 397 Уст. сод. подѣ страж. (по прод. 1906 г.) взысканіе установленное ст. 443 Уст. ссыльн. (по прод. 1906 г.) наказаніе розгами и одиночное заключеніе за маловажныя преступленія и проступки опредѣляются окончательно и приводятся въ исполненіе Начальникомъ тюрьмы, а также и по распоряженію Тюремнаго Инспектора и Губернатора.

8) Всѣ арестанты должны непремѣнно носить казенныя: одежду, бѣлье и обувь. Собственныя постельныя принадлежности не разрѣшаются.

9) При хорошемъ поведеніи заключеннаго Начальникомъ тюрьмы можетъ быть дозволено ему куреніе табаку, съ соблюденіемъ циркуляровъ Главнаго Тюремнаго Управленія отъ 24-го августа 1905 года и 16 декабря 1906 года за №№ 13 и 27.

10) Въ отношеніи подаяній, собственныхъ денегъ, переписки, свиданій арестантовъ, письменныхъ занятій и чтенія книгъ надлежитъ примѣнять правила, изложенныя въ ст. 11—18.

11) Въ пользу всѣхъ арестантовъ, безъ указанія опредѣленныхъ лицъ и группъ, подаванія принимаются и деньгами, и съѣстными припасами, допускаемыми въ пищу арестантамъ. Ближайшіе родственники (родители, жена, дѣти, родные братья и сестры) заключеннаго могутъ и лично для него передавать въ контору тюрьмы деньги.

12) Арестанту, отличающемуся хорошимъ поведеніемъ и при невозможности представить ему обязательную платную работу, можетъ быть дозволено, изъ собственныхъ денегъ, израсходовать на улучшеніе пищи до 10 коп. въ день; на табакъ, спички, марки и бумагу до 1 руб. 20 коп. въ мѣсяцъ, и на покупку книгъ, тетрадей для занятій и карандашей съ машинкою для починки ихъ въ размѣрѣ дѣйствительной надобности.

13) Въ теченіе первыхъ двухъ недѣль по поступленіи въ тюрьму арестанту не могутъ быть дозволены ни переписка, ни свиданія; исключенія допускаются лишь при особо уважительныхъ причинахъ, оцѣнка коихъ зависитъ отъ Начальника тюрьмы.

14) По истеченіи двухъ недѣль по поступленіи въ тюрьму арестанта, при хорошемъ его поведеніи, можетъ быть дозволено ему писать не болѣе двухъ писемъ въ мѣсяцъ, каждое не болѣе листа почтовой бумаги обыкновеннаго малаго формата. Чернила и перья въ общія камеры не выдаются, для писанія же прошеній и писемъ арестантамъ.

станты въ установленное время должны выводиться въ особое помѣщеніе. Писать письма къ арестантамъ въ той же тюрьмѣ, такъ и содержащимися въ другихъ мѣстахъ заключенія, и получать отъ нихъ письма не дозволяется. Прошенія, жалобы и письма каторжныхъ арестантовъ отправляются по назначенію непосредственно Начальникомъ тюрьмы, которымъ должна быть сдѣлана отмѣтка или поставленъ штемпель о просмотрѣ каждой бумаги и о разрѣшеніи отправить ее.

15) Свиданіе съ ближайшими родственниками (родителями, женою, дѣтьми, родными братьями и сестрами) съ разрѣшенія Начальника тюрьмы допускается не болѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ, въ теченіе 15 минутъ и не болѣе, какъ съ тремя лицами каждый разъ, въ опредѣленный день недѣли, черезъ рѣшетку. Свиданіе не черезъ рѣшотку дозволяется лишь въ особо уважительныхъ случаяхъ (напримѣръ, глухимъ и больнымъ). Съ дальними родственниками и посторонними лицами свиданіе можетъ быть допущено, по усмотрѣнію Начальника тюрьмы, лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ и всегда черезъ рѣшотку. Позволившимъ себѣ во время свиданія непристойно вести себя или не подчинившимся требованію тюремной администраціи прекратить о чемъ-либо разговоръ можетъ быть воспрещенъ допускъ на свиданіе: на срокъ до трехъ мѣсяцевъ Начальникомъ тюрьмы, на болѣе же продолжительный

срокъ или навсегда — по распоряженію Губернатора.

16) Въ свободное отъ обязательныхъ работъ время, заключенные могутъ читать книги и заниматься письменною работою. Книги для чтенія арестанты могутъ или получать изъ тюремной библіотеки, или приобрѣтать черезъ тюремную администрацію на собственныя средства, при чемъ покупать дозволяется книги лишь духовно-нравственнаго и научнаго содержанія. Каждый арестантъ можетъ имѣть одновременно въ камерѣ не болѣе двухъ книгъ и кромѣ того молитвенникъ, евангеліе, библію и для справокъ при научныхъ занятіяхъ словари, географическія карты и другія пособія съ особаго разрѣшенія Начальника тюрьмы. Газеты и другія періодическія изданія читать не дозволяется.

17) Для письменныхъ работъ арестантамъ выдаются, за счетъ ихъ, карандаши съ машинкою для чинки ихъ и пронумерованные тетради одновременно не болѣе двухъ. Записи въ тетрадяхъ должны вестись на русскомъ языкѣ и лишь съ особаго разрѣшенія Начальника тюрьмы на иностранномъ языкѣ.

Заполненныя тетради, содержащія литературный или научный трудъ, сохраняются въ тюрьмѣ до выbytія изъ нея арестанта, а остальные тетради, по просмотрѣ ихъ тюремною администраціей, уничтожаются. Арестанты, вырвавшіе листы изъ тетради и уничтожавшіе ихъ или всю тетрадь,

лишаются права получать новыя тетради для занятій на срокъ до трехъ мѣсяцевъ Начальникомъ тюрьмы, на болѣе же продолжительный срокъ или навсегда по распоряженію Губернатора.

18) Пожертвованія книгами допускаются, и тѣ изъ этихъ книгъ, которыя Начальникъ тюрьмы признаетъ возможнымъ выдавать для чтенія арестантамъ, поступаютъ въ тюремную библіотеку, а остальные, если пожертвовавшимъ не будутъ взяты обратно въ теченіе мѣсяца, по распоряженію Начальника тюрьмы, продаются или уничтожаются, сообразно содержанію ихъ; на деньги же, вырученныя отъ продажи книгъ, пріобрѣтаются другія книги для тюремной библіотеки. Принятіе книгъ на иностранныхъ языкахъ зависитъ отъ усмотрѣнія Начальника тюрьмы.

Вотъ это правила...

Они способны навести на размышленія.

По окончаніи обхода тюрьмы, мы съ г. Могилевымъ возвратились въ его кабинетъ. Зная, что кромѣ общаго тюремнаго режима существуетъ особый режимъ наказаній, который теперь усиленно волнуетъ русское общество, я обратился къ нему съ просьбою рассказать что-нибудь по этому поводу.

Онъ пригласилъ меня сѣсть и развилъ передо мною цѣлую систему наказаній. Существуетъ цѣлая гамма наказаній; тона ея слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: лишеніе выписки, т.-е. лишеніе права

распоряжаться заработанными или собственными деньгами для покупки хлѣба, чая и сахара и другихъ необходимыхъ предметовъ; лишеніе права куренія (официально куреніе въ тюрьмѣ запрещено, но, въ виду возникшихъ изъ-за куренія бунтовъ, разрѣшеніе его предоставлено усмотрѣнію ближайшаго начальства), лишеніе переписки съ родными, надѣваніе кандаловъ послѣ кандалнаго срока (кандалы надѣваются за всякія, сравнительно ничтожныя провинности; при моемъ вторичномъ посѣщеніи Тобольска я узналъ, что Тахчогло, напр., получилъ опять кандалы за то, что разговаривалъ со смотрителемъ тюрьмы, не держа рукъ по швамъ и выставивъ впередъ ногу); сажаніе въ свѣтлый карцеръ на срокъ до мѣсяца; сажаніе въ темный карцеръ (срокъ такой же) и, наконецъ, какъ заключительный аккордъ, тѣлесное наказаніе розгами до 100 ударовъ по единоличному распоряженію смотрителя тюрьмы. Самъ смотритель, г. Могилевъ не скрылъ отъ меня, что въ тюрьмѣ широко практикуется этотъ послѣдній способъ наказанія и прибавилъ, что его онъ считаетъ единственнымъ средствомъ, помогающимъ ему держать этихъ 600 преступниковъ въ повиновеніи.

— Вы знаете, — сказалъ онъ мнѣ, — что въ моемъ распоряженіи я всего имѣю 70 человѣкъ надзирателей и 20 человѣкъ солдатъ. А для арестантовъ выбить скамейкой двери, — дѣтская игра, чему бы я, въ случаѣ коллективнаго возстанія,

съ такими ничтожными силами, воспрепятствовать не могъ. Единственное средство держать ихъ въ повиновеніи это—страхъ.

Въ бытность мою въ Тобольскѣ два арестанта получили по 99 ударовъ за покушеніе на побѣгъ.

— Почему 99?—спросилъ я г. Могилева:

— Видите ли,—отвѣтилъ онъ,—мы можемъ ошибиться и дать ударомъ больше и тогда арестантъ будетъ справедливо претендовать, такъ какъ мы имѣемъ право давать лишь сто ударовъ. Вотъ, чтобы не было этихъ неудовольствій, я постоянно и назначаю 99 ударовъ.

Я возразилъ „точному“ г. Могилеву, что и 99 ударовъ едва ли способны вызвать особенный восторгъ у каторжанъ. Когда въ Тобольскѣ распространился слухъ, что вышеупомянутыхъ арестантовъ (Архипова и Филиппова) „засѣкли въ тюрьмѣ“, я по просьбѣ нѣкоторыхъ жителей поѣхалъ справиться о нихъ. Г. Могилевъ немедленно представилъ мнѣ обоихъ и, хотя они держались на ногахъ, но слѣды ужаснаго наказанія были очевидны...

Но—они были живы...

Мировой судья Тобольска, г. Феодоровичъ, разсказалъ мнѣ, что онъ нашелъ 21 человѣка, которые „лежали на животахъ, ибо сидѣть не могли, такъ какъ у нихъ были отбиты ягодицы“.

Какъ бы то ни было, все это совершается на основаніи закона. Но вотъ слѣдующія явленія уже ни съ чѣмъ не согласуются...

Необходимою принадлежностью къ кандаламъ являются такъ называемые „подкандальники“. Это—кусокъ кожи, который кладется между ногой и охватывающимъ ее желѣзнымъ кольцомъ. Безъ подкандальниковъ отъ тренія желѣза о голую ногу являются очень трудно поддающіяся лѣченію язвы и раны.

Тахчогло долгое время былъ лишенъ такихъ подкандальниковъ, что доставляло ему немало ужасныхъ страданій, и только заступничество тобольскаго депутата Государственной Думы Н. Л. Скалозубова, да брата Тахчогло, полковника Тахчогло, заставило, наконецъ, тюремную администрацію выдать 17 августа несчастному подкандальники. Н. Л. Скалозубовъ передалъ мнѣ свою бесѣду съ начальникомъ тюрьмы о Тахчогло. Тахчогло, сказалъ г. Могилевъ, одинъ, который отравляетъ мое существованіе, его я ненавижу, и если бы онъ былъ на волѣ, я бы далъ ему по физиономіи. Скалозубовъ возразилъ на это, что на волѣ онъ свободенъ поступать, какъ ему угодно, но въ тюрьмѣ онъ не имѣетъ права проявлять свою ненависть.

Теперь нѣсколько словъ о личности хозяина этого большого казеннаго дѣла исправленія челоуѣчества, о смотрителѣ этой каторги, г. Могилевѣ.

Тотъ же депутатъ Н. Л. Скалозубовъ, съ которымъ я бесѣдовалъ на тюремныя темы, сказалъ мнѣ, что въ разговорѣ съ Могилевымъ послѣдній

сказалъ слѣдующее характерное для себя замѣчаніе. „Я не педагогъ въ тюрьмѣ, а исполнитель закона“.

Этимъ онъ опредѣлился вполнѣ.

Для г. Могилева каторжникъ, конечно, былъ только № такой-то или такой-то и больше ничего!.. А „правилъ“, кромѣ изданныхъ Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ, не существуетъ. Сердца у такого человѣка, конечно, быть не можетъ. При себѣ носилъ онъ, какъ онъ самъ показывалъ, постоянно „наготовѣ“ револьверъ, но въ концѣ-концовъ, онъ не спасъ его отъ смертельной пули. Я же думаю, что г. Могилевъ былъ не лучше и не хуже другихъ своихъ товарищей по профессіи.

По § 7 „правилъ“ можно, пожалуй, заключить, что смотритель собственноручно производитъ „порку“ арестантовъ. Когда я спросилъ г. Могилева объ этомъ, онъ мнѣ отвѣтилъ: „Да что вы! Я даже не любитель смотрѣть на это. Для этой цѣли у меня есть два арестанта (одинъ бывшій городской, другой бывшій жандармъ). Они и палачи въ случаѣ надобности. Разумѣется, они у меня сидятъ отдѣльно отъ другихъ“.

Лично по отношенію ко мнѣ г. Могилевъ былъ удивительно предупредителенъ и, прощаясь со мною, увѣрилъ меня, что отъ моего взора не было скрытъ ни одинъ уголокъ тюрьмы...

— Все, что говорятъ въ Тобольскѣ о засѣканіяхъ и ужасахъ здѣшней каторжной тюрьмы,—

добавилъ онъ, — все это, какъ вы видѣли, нелѣпая выдумка.

Дѣйствительно, ужаснаго я ничего не видѣлъ, никакихъ стоновъ истязуемыхъ я не слышалъ даже грубаго слова со стороны г. Могилева или надзирателей по адресу каторжниковъ не долетѣло до моихъ ушей. Одинъ только разъ, на дворѣ, надзиратель далъ арестанту весьма лестное обѣщаніе показать ему „кузькину мать“, на что арестантъ только осклабился.

Но, во-первыхъ, г. Могилевъ, прекрасно понималъ изъ разговора со мной, что я человѣкъ другого лагеря и, во всякомъ случаѣ, человѣкъ не свой... И, если существуетъ въ Тобольской каторгѣ истязанія и застѣнки, то, конечно, не *мнѣ* ихъ было показывать.

Но въ общемъ, я даже склоненъ думать, что г. Могилевъ по своей природѣ вовсе не былъ жестокъ, хотя жителямъ Тобольска онъ и представлялся чѣмъ-то въ родѣ Малюты Скуратова.

Этотъ сухой исполнитель закона въ письмѣ ко мнѣ, высказываетъ даже извѣстную дозу своеобразной гуманности. Онъ пишетъ: „Глубокоуважаемый Вильгельмъ Наполеоновичъ! 3-го и 5-го сего іюля, Вы удостоили Вашимъ посѣщеніемъ ввѣренную мнѣ каторжную тюрьму и убѣдились, что при отсутствіи каторжныхъ работъ здѣсь существуютъ мастерскія, въ которыхъ заняты исполненіемъ столярныхъ, слесарныхъ, сапожныхъ,

переплетныхъ и подобныхъ заказовъ до 100 каторжниковъ.

„ Въ тюрьмѣ ихъ 600 человѣкъ. Изъ этой цифры на долю 500 арестантовъ остаются немногія хозяйственныя по тюрьмѣ работы или полнѣйшее бездѣйствіе за отсутствіемъ опредѣленнаго дѣла. Эту бездѣятельность арестантовъ я считаю „каторгой“ хуже всѣхъ и всякихъ каторжныхъ работъ, заставляющей ихъ направлять свою энергію нерѣдко въ нежелательную сторону. Развитие вышеупомянутыхъ мастерскихъ, хотя и подвигается, но медленно, такъ какъ мѣстный рынокъ небогатъ и сбытъ арестантскихъ издѣлій слабъ. Заботясь о развитіи полезнаго физическаго труда, также весьма желательно дать арестантамъ возможность заполнить время чтеніемъ. Тюремная библіотека, за отсутствіемъ достаточныхъ средствъ, довольно бѣдна; при этомъ нѣтъ совершенно книгъ на языкахъ — эстонскомъ, латышскомъ и татарскомъ; каторжниковъ же, владѣющихъ этими языками, до 200 человѣкъ.

„Вы были такъ любезны, что обѣщали взять на себя трудъ помочь духовнымъ нуждамъ каторжныхъ, находя возможнымъ съ вашей стороны обратиться къ жертвователямъ.

„Пользуясь столь благопріятнымъ случаемъ, прошу васъ о благосклонномъ содѣйствіи въ этомъ направленіи. Въ тюремной библіотекѣ весьма необходимо имѣть книги прикладныхъ знаній, научныя для лицъ съ серьезной подготовкой и книги

популярнаго содержанія, всевозможныя учебныя пособія, особенно по математикѣ, физикѣ, механикѣ; историческія, путешествія, беллетристику и ноты для церковнаго пѣнія. Газеты и журналы къ чтенію воспрещаются. Потребность въ книгахъ очень велика, такъ какъ неграмотные учатся грамотѣ здѣсь же, у своихъ товарищей по заключенію.

„Въ тюремной лютеранской и католической церквахъ не имѣется ни музыкальнаго инструмента, ни стройнаго хора пѣвчихъ. Наличие фисгармоніи въ этихъ молитвенныхъ домахъ дала бы много утѣшительнаго въ монотонной жизни каторжныхъ, исповѣдующихъ римско-католическую и лютеранскую религіи. Но и на эту роскошь тоже нѣтъ средствъ“.

Въ кабинетъ г. Могилева я и простился съ нимъ.

Когда я вышелъ изъ тюремныхъ воротъ на яркій солнечный свѣтъ, мнѣ, только случайному гостю каторги, вспомнился крикъ наболѣвшей души Достоевскаго: „Экая славная минута!“.

На другой день, въ Tobольскѣ (да и позже, когда я ѣхалъ обратно, въ Тюмени, Екатеринбургѣ и Перми), меня прямо поражалъ вопросъ, который мнѣ вездѣ задавали:

— А что, настроеніе у каторжанъ угнетенное?

Поистинѣ странный вопросъ.

Когда нѣсколько лѣтъ назадъ мой врачъ подвергъ меня на нѣсколько дней домашнему аресту, то я и то чувствовалъ себя не только угнетеннымъ, но и глубоко несчастнымъ. Никогда, кажется я не пылалъ такимъ страстнымъ желаніемъ уйти изъ своей квартиры, какъ въ эти дни.

Я, повторяю, никогда не видѣлъ никакихъ застѣнковъ, никакихъ „ужасовъ“ въ посѣщенной мною каторжной тюрьмѣ, но она произвела на меня страшное, скажу, потрясающее впечатлѣніе. Это какой-то „домъ молчанія“, какая-то большая „братская могила“, наполненная живыми покойниками. Вѣдь и покойниковъ можно, пожалуй, назвать „бывшими людьми“. Даже самая фамилія „Могилевъ“, какъ нельзя болѣе, гармонируетъ съ этимъ сравненіемъ тюрьмы и могилы.

Неслышно выступая въ своихъ „котахъ“, арестанты и выглядятъ какими-то мертвецами. А такъ какъ разговоровъ никакихъ не допускается, то получается нѣчто жуткое, ужасное, леденящее кровь. Я представлялъ себѣ „каторгу“, какъ мѣсто истязаній, произвола и муки, но то, что я видѣлъ на самомъ дѣлѣ, ужаснѣе того, что я ожидалъ. И виновата въ этомъ только „военная дисциплина, введенная по образцу германскихъ тюремъ“. При „германскомъ“ режимѣ, человѣкъ остается живъ, но, какъ личность, онъ вполне

умираетъ. И въ этомъ-то и заключается, по моему убѣжденію, ужасъ современной каторги.

Мрачно описаніе Достоевскимъ „Мертваго Дома“. Отвратительно ужасенъ его вѣчно - пьяный капитанъ, начальникъ тюрьмы, человѣкъ - звѣрь. Страшны были плети, „тысяча палокъ“ и т. п. Но между всѣмъ этимъ Достоевскій описываетъ театръ, въ которомъ на святкахъ позволяли играть арестантамъ. Онъ рассказываетъ, какъ послѣ провѣрки каторжане ходили въ „гости“ другъ къ другу изъ одной камеры въ другую. Теперь же театръ или хожденіе въ гости немислимо себѣ и представить. Наконецъ, онъ описываетъ личности своихъ товарищей. Теперь бы онъ не могъ этого сдѣлать, ибо при нынѣшней „германской“ дисциплинѣ личность заключеннаго много-много черезъ 2—3 мѣсяца уже умираетъ и остается лишь № такой-то. Режимъ въ настоящее время, какъ будто, и „гуманнѣе“. Пьяный-звѣрь начальникъ — рѣдкость. Палки и плети уничтожены (хотя послѣднія еще и найдутся въ кабинетѣ начальника тобольской каторги, какъ предназначенныя „для музея“). Но соберите всѣхъ 600 каторжанъ въ Тобольскѣ, прочтите имъ „Мертвый Домъ“ и они навѣрно, скажутъ:—„Вотъ это такъ жизни! Умирать не надо“.—И если имъ предоставить выборъ, то они, вмѣсто нынѣшняго „гуманизма“, безусловно выберутъ старый режимъ времени Достоевскаго. Даромъ, что теперь и пища сносная, и начальники трезвы и не всегда по своему капризу дерутъ.

III.

Пѣсни каторжанъ.

До сихъ поръ я рассказывалъ о томъ, что я видѣлъ въ Тобольской каторгѣ. Теперь я хочу подѣлиться съ читателемъ тѣмъ, что я слышалъ, т.-е. рассказать о пѣсняхъ сибирскихъ бѣглыхъ бродягъ и каторжниковъ, тѣмъ болѣе, что непосредственной цѣлью моей поѣздки было записываніе и собраніе этихъ пѣсенъ. Прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, я позволю себѣ немного отклониться въ сторону...

Глинка какъ-то сказалъ:

„Народъ творить, а мы только аранжируемъ“.

Какъ это ни грустно, но русскій народъ пересталъ творить. И къ этому масса причинъ. Проведеніе желѣзныхъ дорогъ, сдѣлавшихъ общедоступнымъ сношеніе съ городской цивилизаціей, съ ея зачастую низкимъ музыкальнымъ уровнемъ. А главное — фабрика, гдѣ выработался жанръ такъ называемой „фабричной частушки“, ничего

общаго съ народнымъ творчествомъ, выливающимся въ пѣснь, не имѣющей.

Она, эта фабричная частушка, по внутреннему содержанію тяготеетъ къ „музыкѣ“ пѣсень, именуемыхъ цыганскими, но которыя, собственно говоря, имѣютъ очень мало точекъ соприкосновенія съ музыкальнымъ творчествомъ этого народа. Фабричная пѣсня именно фабрикуется и отдаетъ душевной атмосферой мастерской, такъ же, какъ „цыганская“ пѣсня пресыщена винными парами кафешантана. Ничтожная по музыкѣ, эта фабричная частушка, важна, какъ отраженіе рабочей жизни; она является единственной музыкальной литературой цѣлаго класса, за которымъ, если вѣрить социалистамъ, стоитъ великое будущее... Но для музыканта это значеніе фабричной пѣсни не важно, и для насъ она и кафешантанная цыганщина одинаково противны. Разница между ними и народной пѣсней такова же, какъ между настоящимъ чистымъ брилліантомъ и искусной имитаціей „Тэта“.

За послѣдніе три года въ Россіи сложился новый родъ пѣсень — политическихъ. И хотя онѣ богаты по своему общественному содержанію, но, къ сожалѣнію, въ музыкальномъ отношеніи онѣ совершенно ничтожны, ибо отражаютъ въ себѣ западные уличныя мотивы.

Иное дѣло настоящая русская народная пѣсня. Въ ней слышится историческое прошлое народа — гнѣтъ татарскаго ига, крѣпостничества, — по-

этому-то въ ней, главнымъ образомъ, преобладаетъ минорный тонъ, придающій пѣснѣ ту задумчиво-мягкую тоску о чемъ-то далекомъ, потерянномъ...

Но о русскихъ народныхъ пѣсняхъ такъ много написано, что мнѣ нечего о нихъ особенно распространяться. Собираніемъ русскихъ пѣсень занимались и занимаются многія культурныя общества и отдѣльные композиторы и музыканты. Идея же собиранія сибирскихъ пѣсень бродягъ и каторжниковъ пришла мнѣ на умъ въ 1905 году въ Москвѣ, куда въ то время попали случайно двѣ такія пѣсни, поразившія меня своимъ совершенно особеннымъ оттѣнкомъ, крайне оригинальнымъ.

И вотъ я воспользовался своей поѣздкой по Сибири, чтобы познакомиться болѣе подробно съ этой оригинальной своеобразной пѣсней и получить эти мотивы, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ, непосредственно отъ ихъ создателей. Мною изслѣдованъ съ этой стороны великій сибирскій путь вплоть до Нерчинска и сѣверъ Сибири, включая Тобольскъ. Читатель-горожанинъ будетъ пораженъ тѣмъ, что въ Сибири народная пѣсня абсолютно отсутствуетъ... Сибиряки при всѣхъ ихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, при ихъ энергіи, ихъ большомъ предпринимательномъ чутьѣ и выносливости, крайне не музыкальны и совершенно не поютъ. Въ сибирской деревнѣ, даже самой богатой и наиболѣе развитой въ томъ отношеніи, что туда проникла техническая культура

вѣка, вы услышите лишь ту же самую частушку съ ея примитивнымъ напѣвомъ и массой (замѣчу въ скобкахъ) фривольно-циничныхъ прибауткахъ на деревенско-общественныя темы... Единственными носителями музыкальной культуры въ этомъ краѣ, какъ это ни странно, являются каторжники, бродяги и бѣглые, въ особенности эти двѣ послѣднія категоріи.

Случай услышать пѣсни бѣглыхъ и бродягъ еще можно найти, услышать пѣніе каторжниковъ можетъ только человѣкъ, рожденный подъ особенно счастливою звѣздою. Я уже не говорю о томъ, что путешествіе отъ русскихъ культурныхъ центровъ къ глухимъ мѣстамъ Сибири сопряжено съ массою неудобствъ. Кромѣ всего этого, нужно еще проникнуть въ каторжную тюрьму, а это очень трудно. Тюремная администрація ревниво оберегаетъ свои секреты, и только по приказанію свыше передъ вами откроются тюремныя ворота.

Заручившись такимъ приказаніемъ, вы, наконецъ, проникли въ тюрьму и вдругъ... оказывается, что никто изъ каторжниковъ не знаетъ никакихъ пѣсень... Объясняется это „незнаніе“ очень просто. Во всѣхъ каторжныхъ тюрьмахъ Сибири всякое пѣніе — кромѣ богослужебнаго — строго запрещено. И когда мы со зрителемъ каторги въ Тобольскѣ дѣлали обходъ тюрьмы и спрашивали арестантовъ, не знаютъ ли они какихъ-либо пѣсень, то всѣ они въ одинъ голосъ

увѣряли насъ: — „Помилуйте, ваше благородіе, знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ, какія такія пѣсни. Будь онѣ прокляты“. Такой отвѣтъ понятенъ. Въ тюрьму я явился вмѣстѣ со смотрителемъ, предупредительное отношеніе котораго ко мнѣ еще болѣе утвердило въ головахъ арестантовъ мысль, что я тоже какое-нибудь „начальство“, и вдругъ я требую отъ нихъ то, что имъ строго-настрого запрещено. Арестанты вообще очень недовѣрчиво относятся къ начальству, а тутъ ужъ увидѣли явный подвохъ и потому хоромъ стали отрещиваться.

И, все-таки, въ концѣ-концовъ, я услышалъ въ тобольской каторгѣ пѣсни ея обитателей. Случилось это благодаря одному каторжнику, по фамиліи Мурайченко (бывшій священникъ). Мурайченко, регентъ каторжнаго церковнаго хора сосланъ за изнасилованіе на 20 лѣтъ. Это—коренастый мужчина лѣтъ около 45, съ легкой просѣдью, живыми маленькими глазками и сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ. За нимъ послалъ смотритель и Мурайченко явился и сталъ около дверей во фронтъ.

По всему было видно, что Мурайченко чело-вѣкъ цѣнный и на хорошемъ счету у начальства.

— Скажи, пожалуйста, Мурайченко,—обратился къ нему смотритель,—неужели арестанты не знаютъ викакихъ пѣсенъ?..

— Какъ не знаютъ? — съ живостью отвѣтилъ регентъ.—Всѣ наши каторжныя пѣсни знаютъ и съ удовольствіемъ споютъ...

— Вотъ-те на!—сказаль-смотритель.—Такъ чего же они врутъ и говорятъ, что пѣснями не грѣшны?

— Боятся, что начальство ихъ подвести желаетъ...

— Ну, такъ я сейчасъ объявлю, что имъ за это ничего не будетъ,—сказаль-смотритель.

— А я, такъ ихъ еще поблагодарю,—прибавиль я отъ себя.

Мурайченко что-то замялся и сказалъ:

— Ужъ лучше, если хотите, я съ ними поговорю... а то вамъ-то они не особенно повѣрятъ, а я ужъ сумѣю съ ними сговориться.

— Пожалуй, поди поговори съ ними ты,—сказаль ему смотритель,—а мы подождемъ здѣсь отвѣта.

Конвой увелъ нашего музыканта и минутъ черезъ 15 привелъ обратно съ радостнымъ для меня извѣстіемъ, что арестанты, если разрѣшить начальство, послѣзавтра споютъ мнѣ свои пѣсни. Мурайченко объяснилъ мнѣ, что эти два дня ему нужны, чтобы ихъ немного подготовить.

Я поблагодарилъ его, и мы условились, что я приѣду въ тюрьму 5-го іюля въ 11 часовъ утра.

Въ условленное время я приѣхалъ въ тюрьму.

Для нашего утренняго „концерта“ отвели помещеніе въ зданіи канцеляріи, куда мы и отправились со смотрителемъ и двумя надзирателями.

Вскорѣ я услышалъ звонъ кандаловъ и, подъ усиленнымъ конвоемъ солдатъ, вошли арестанты-

исполнители, подъ предводительствомъ Мурайченка.

Хористовъ-каторжанъ было 12 человѣкъ. Ихъ помѣстили около окна, Мурайченко съ нотнымъ пюпитромъ сталъ среди нихъ, а я сѣлъ невдалекѣ, готовый записывать ихъ пѣсни. Передъ началомъ „концерта“ ко мнѣ подошелъ Мурайченко поздороваться и подалъ программу съ названіемъ пьесъ и именъ хористовъ-каторжанъ. При этомъ онъ сказалъ (онъ вообще любилъ выражаться немного витіевато):

— Въ нашихъ пѣсняхъ вы услышите весь психическій міръ заключенныхъ.

И это правда. Молитвы, застольныя пѣсни, любовныя изліянія, разбойничьи пѣсни, марши, словомъ, всѣ моменты жизни находятъ себѣ иллюстраціи въ этихъ пѣсняхъ. Поются онѣ часто однимъ голосомъ, двумя, но большинство—хоромъ. Мотивы ихъ также разнообразны. Замѣчу, кстати, что, чѣмъ дальше удаляешься къ востоку, тѣмъ мотивы тюремныхъ пѣсенъ становятся болѣе оригинальными, и въ Нерчинскомъ и Акатуевскомъ округахъ есть уже пѣсни, которыя отдають бурятскими и якутскими мотивами, а къ сѣверу отъ Тобольска въ мотивахъ этихъ уже звучить пѣсня остяковъ, заимствованная чуть ли не вполнѣ. Напримѣръ, двѣ пѣсни: „Вслѣдъ за буйными вѣтрами“ и „Ой, безлюдная ты тундра“, слышанныя мною отъ тобольскихъ каторжанъ, я слышалъ потомъ въ остяцкой юртѣ, у остяка подъ фамиліей

„Телячья Нога“. (Съ этимъ „Телячьей ногой“ былъ курьезъ. Его подозрѣвали въ томъ, что онъ увезъ одного политическаго ссыльнаго, котораго, поймали. Спустя нѣкоторое время схватили другого остяка, съ фамиліей „Коровья Нога“. „Ничего, сказалъ исправникъ, былъ онъ телячьей, теперь выросъ въ коровью, пусть посидитъ“. И посадили).

Разнообразіе пѣсенъ колоссальное.

Я раздѣлилъ бы ихъ на двѣ категоріи. Первую я назвалъ бы „пѣснями русскихъ арестантовъ“ а вторую—„пѣснями инородцевъ“.

Самыя интересныя пѣсни относятся ко второй категоріи.

Въ нихъ преобладаютъ восточныя лады съ ихъ замѣчательными полутонами, чрезвычайно трудно поддающимися записи. Соприкосновеніе съ инородцами отражается и на русскихъ арестантскихъ пѣсняхъ, такъ что иной разъ трудно установить тональность той или другой пѣсни. Вотъ, напр., въ пѣснѣ: „Вотъ на пути село родное“ (тобольская каторга) запѣвало начинается пѣсню съ тональности la бемоль мажоръ, хоръ подхватываетъ и, къ изумленію, вся пѣсня кончается въ si бемоль мажоръ. Запѣвало, опять-таки, какимъ-то чутьемъ, начинается второй куплетъ въ la бемоль мажоръ... Фокусъ, который не продѣлаетъ ни одинъ оперный пѣвецъ безъ посторонней помощи.

Гармонизація въ русскихъ арестантскихъ пѣсняхъ почти сплошь построена на церковный ладъ

Характернымъ признакомъ такой пѣсни является пустая квинта, которой пѣсня обычно кончается. Но есть пѣсни, гдѣ гармонизація не церковнаго лада, напримѣръ:

Тамъ, гдѣ бьется Каспійское море
У подножія каменныхъ скалъ,
Эту пѣсню про узника-горе,
Написалъ Циклаури Егоръ.

Егоръ Чиклаури, очевидно, кавказецъ, такъ какъ вся эта пѣсня дышитъ знойнымъ ароматомъ Кавказа съ его своеобразною восточной тональностью. Есть пѣсни, проникнутыя глубокою, какъ музыкальной, такъ и литературной поэзіей, какъ, напримѣръ, „Мечта узника“.

Вотъ ея текстъ:

Звѣзда, прости, пора мнѣ спать,
Но жаль разстаться мнѣ съ тобою.
Съ тобою я привыкъ мечтать,
Вѣдь я живу одной мечтою.
А ты прелестная звѣзда,
Порою ярко такъ сіяешь
И сердцу бѣдному тогда
О лучшихъ дняхъ напоминаешь.
Туда, гдѣ ярко свѣтишь ты,
Стремятся всѣ мои желанья,
Тамъ сбудутся мои мечты.
Звѣзда, прости и до свиданья.

Музыка этой пѣсни по своей гармоніи—захватывающая.

Есть пѣсни и юмористическія, при чемъ юморъ хорошо переданъ и музыкой. Напримѣръ, пѣсня:

Въ Петербургѣ я родился,
Воспитался у родныхъ,
Воровать я научился
У пріятелей своихъ.

Пѣсня разудалая и поется подъ аккомпаниментъ балалайки.

Потрясающее впечатлѣніе произвелъ на меня „Подкандалный маршъ“.

Такъ какъ въ тюрьмѣ запрещены всякіе музыкальные инструменты, то исполняется онъ на гребешкахъ, съ тихимъ пѣніемъ хора и равномерными ударами кандаловъ. Игру на гребешкахъ ввели матросы съ „Потемкина“. У нихъ во время этапа по Сибири былъ цѣлый оркестръ изъ этихъ своеобразныхъ инструментовъ. Во время марша хоръ поетъ съ закрытымъ ртомъ—получается нѣчто замѣчательно похожее на стоянь—гребешки ехидно и насмѣшливо пищать, кандалы звенять холоднымъ лязгомъ. Картина, отъ которой мурашки бѣгаютъ по спинѣ. Маршъ этотъ не для слабонервныхъ, и на меня, слушавшаго это въ мрачной обстановкѣ тобольской каторги, онъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Трудно

повѣрить, но одинъ изъ надзирателей во время этого марша заплакалъ. „Подкандальный маршъ“ можно назвать гимномъ каторги.

(Маршъ этотъ былъ мною исполненъ въ 60 городахъ Россіи во время моего концертнаго турнэ 1909 года, а затѣмъ, по распоряженію изъ Петербурга, запрещенъ для публичнаго исполненія).

Что меня пріятно поразило во время нашего музыкальнаго *matinée* въ тобольской каторгѣ, помимо самыхъ пѣсенъ, это исполненіе. Видно было, что хористы, обладающіе къ тому же хорошими голосами, пѣли съ одушевленіемъ, да и Мурайченко управлялъ хоромъ съ большимъ умѣніемъ. Нѣкоторыя пѣсни мнѣ пришлось попросить повторить, такъ какъ трудно было съ одного раза вѣрно записать ихъ германію.

Но вотъ, пѣніе кончилось, зазвенѣли кандалы, застучали винтовки, вся „труппа“ выстроилась и удалилась.

Я собралъ свои записи, простился со смотрителемъ и уѣхалъ изъ тюрьмы домой, въ гостиницу. Дома я легъ на диванъ и пролежалъ до поздняго вчера почти въ забытіи. Въ ушахъ все стояли звуки страшнаго „Подкандальнаго марша“.

Вскорѣ послѣ этого я уѣхалъ изъ Тобольска, унося съ собой нѣкоторые перлы истинной поэзіи въ видѣ слышанныхъ мною пѣсенъ. Конечно, не надо думать, что всѣ эти пѣсни одинаково за-

мѣчательны. Напротивъ. Между ними попадаются плоскіе фабричныя напѣвы, но немного мусору не уменьшаетъ цѣны истинныхъ драгоцѣнностей.

Какъ я уже говорилъ, музыка и пѣніе строго запрещены въ тюрьмѣ. Хорошо ли это? Не излишняя ли это жестокость? Конечно, если смотрѣть на музыку и пѣніе, какъ на забаву. О! разумѣется, администрація тюрьмы права, когда говорить, что тюрьма—не увеселительное заведеніе. Но если смотрѣть на музыку и пѣніе съ болѣе правильной точки зрѣнія, т.-е. какъ на нѣчто тѣсно связанное съ человѣческой природой, то придется пожалѣть о томъ, что у арестанта—и безъ того уже лишеннаго многого—отнимаютъ еще и очень для него дорогое—пѣсню.

IV.

Балалайка.

Это было въ одной изъ отдаленныхъ каторжныхъ тюремъ Сибири.

Утромъ, послѣ того, какъ мы съ начальникомъ тюрьмы обошли заключенныхъ, вызывая охотниковъ пѣть и вездѣ получили отвѣтъ: „Пѣснями не грѣшны, ваше благородіе, никогда ихъ не знали“ и т. д. мы, наконецъ, вошли въ большую камеру безсрочныхъ. Ихъ было въ камерѣ 18 человѣкъ. Угрюмый, молчаливый народъ, люди, которымъ не до шутокъ, люди, какъ говорятъ, въ тюрьмѣ, „серьезные“.

— Ну, что, ребята, — спросилъ начальникъ, — какъ у васъ насчетъ пѣсенъ?

Угрюмое молчаніе...

— Мы, ваше благородіе, — отвѣтили, наконецъ, одинъ изъ нихъ, глядя исподлобья на начальника, — хищныя птицы. „На волю и то не поемъ, а мясо клюемъ!“.

И дѣйствительно, на совѣсти этихъ 18-ти человѣкъ (всѣ уголовные) лежатъ въ общемъ 123 души. Имъ, пожалуй, не до пѣсенъ...

Мы уже собирались уйти, когда одинъ высокій старикъ, бѣлый, какъ лунь, съ лицомъ патріарха (сосланъ безсрочно за грабежъ и убійство 8 человѣкъ) сказалъ:

— Вотъ Клочковъ намеренъ хвастался, что поетъ, да еще на балалайкѣ балуется.

Видно было, что старикъ принадлежитъ къ числу „Ивановъ“, т.е. предрержащей власти въ камерѣ, и было также замѣтно, что онъ говоритъ отъ лица другихъ товарищей. (Какъ мы потомъ узнали, арестанты хотѣли „подставить ногу“ Клочкову и выдать его грѣху начальству).

— Ай да Клочковъ, — сказалъ начальникъ, — молодчага! Подойди-ка, братъ!

Медленно, переваливаясь, съ тяжелыми кандалами, отдѣлился отъ другихъ Клочковъ и подошелъ къ намъ. Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на него.

Увидѣлъ я человѣка еще не стараго, лѣтъ 35, крѣпкаго сложенія съ свѣтлорусыми волосами и съ какими-то мутными водянистыми глазами.

— Брешутъ они все, ваше благородіе, — сказалъ Клочковъ:—когда работалъ на фабрикѣ, да когда убѣгъ и бродяжничалъ, точно, что этими дѣлами занимался...

— Ну, а теперь?—спросилъ я.

Въ глазахъ Клочкова, какъ молнія, блеснулъ огонекъ.

— Что грѣхъ таить,—тихо сказалъ онъ, угрюмо опуская глаза,—пѣсни знаю...

Арестанты злорадно переглянулись между собой. Мы же начали объяснять Клочкову, что ему за пѣніе „ничего не будетъ“, и что, наоборотъ, я его поблагодарю.

— Когда же вы мнѣ споете, Клочковъ?—спросилъ я его.

— Да я, ваше благородіе, наголось не могу пѣть, а только съ балалайкой, — отвѣтилъ Клочковъ.

— А кто же на балалайкѣ-то будетъ играть?—спросилъ я.

— Да я же... играть... могу...—тихо возразилъ Клочковъ.

— Великолѣпно! А когда?

— Когда прикажете,—отвѣтилъ онъ.

— Ну, что же,—сказалъ начальникъ,—я тебя вызову въ контору, когда нужно будетъ.

Мы оставили камеру и пошли въ контору, гдѣ на мой вопросъ, что это за арестантъ Клочковъ, начальникъ сказалъ мнѣ:

— А чортъ его знаетъ. Удивительный, доложу вамъ, субъектъ. Всѣхъ своихъ питомцевъ хорошо знаю, но Ключкова никакъ не разберу. Арестантъ онъ смирный, никогда не буянить, ни въ чемъ не замѣченъ, а главное молчить. А разъ чловѣкъ молчить, значить, у него свое на умѣ. Положимъ, у насъ много не наговоришь,—но Ключковъ въ этомъ отношеніи прямо какой-то чемпи-онъ молчанія...

— А за что онъ очутился здѣсь?—спросилъ я.

— Дѣло его тоже чудное, -- отвѣтилъ мнѣ начальникъ, — гдѣ-то, около Ярославля (самъ онъ ярославецъ), онъ ворвался на свадьбу, уложилъ жениха и невѣсту двумя ударами топора, а затѣмъ самъ явился съ повинной. — Вообще, чловѣкъ чудной.

Вотъ все, что я узналъ о Ключковѣ. Осталось еще разрѣшить затрудненіе, гдѣ бы достать балалайку.

Одинъ изъ надзирателей вызвался купить инструментъ въ деревнѣ, и мы послали его за покупкой. Онъ скоро вернулся со старой, довольно истрепанной балалайкой, и начальникъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы привели Ключкова.

Тяжело и неуклюже, гремя кандалами, Ключковъ вступилъ съ конвойными въ комнату. Увидя у меня въ рукахъ балалайку, онъ выпрямился и покраснѣлъ.

— Ну, вотъ, Клочковъ, и балалайка,—сказалъ я.—Достали. Споете, значить?

— Дозвольте въ руки взять,—попросилъ онъ.

Я подошелъ къ нему и отдалъ ему балалайку. Онъ бережно взялъ ее, боясь, какъ будто, что она сейчасъ развалится, почему-то погладилъ ее и сказалъ:

— Отчего бы и не спѣть... только десять лѣтъ... этимъ не занимался... дайте срокъ... денька три... приспособлюсь... да постараюсь... утѣшить ваше благородіе.

Я потихоньку переговорилъ съ начальникомъ, и онъ разрѣшилъ Клочкову оставить у себя инструментъ на три дня для упражненія.

— Хорошо, Клочковъ,—сказалъ онъ арестанту.—Поучись, братецъ, хорошенько,—мы тебя черезъ три дня вызовемъ, покажи удалъ. Конвойные, уведите его!

— Дозвольте, ваше благородіе, — просьба...—сказалъ Клочковъ, обращаясь къ начальнику.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ начальникъ.

— Боюсь...—запинаясь, сказалъ Клочковъ,—что ребята... смѣяться будутъ... да, пожалуй, ее... сердешную... какъ бы по злобѣ... не повредили... Явите божескую милость, ваше благородіе... посадите меня... въ одиночку...

— Да одиночки всѣ заняты,—хмуря брови, отвѣтилъ начальникъ.

— А можетъ свободенъ... карцеръ...—робко просилъ Клочковъ.

— Вотъ чудакъ-то!—расхохотался толстый начальникъ.—Ха, ха, ха! Первый разъ вижу чело-вѣка, который самъ проситъ его въ карцеръ посадить. За что я тебя посажу? Тамъ вѣдь темно и не на что сѣсть, да и одному тебѣ три дня просидѣть не сладко будетъ.

— А мнѣ, ваше благородіе, способнѣе стоя играть,—сказалъ Клочковъ.— А касательно одиночества не извольте беспокоиться... я вѣдь... съ нею... вдвоемъ... буду... съ балалайкой-то...

Начальникъ опять залился смѣхомъ и, наконецъ, сказалъ:

— Чудакъ ты, Клочковъ, я вижу... Быть по твоему... На три дня посажу тебя въ карцеръ... Сегодня четвергъ—значить, въ воскресенье, послѣ обѣдни, мы тебя на свѣтъ Божій сюда и вытащимъ...

Онъ махнулъ рукой, унтеръ-офицеръ скома-ндовалъ: „Налѣво, кругомъ маршъ“... И Клочковъ исчезъ со своимъ конвоемъ.

Въ воскресенье послѣ обѣда я пріѣхалъ въ тюрьму со своими тетрадами, карандашами и т. д. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда распорядились привести Клочкова.

Онъ явился, щуя глаза на свѣтъ (вѣдь три

дня провелъ онъ въ темномъ карцерѣ), блѣдный и весь какой-то взъерошенный.

Для его пѣнія отвели большую комнату около конторы.

Въ этой комнатѣ во время пѣнія Клочкова находились, кромѣ самого концертанта, еще 2 солдата, 2 надзирателя, начальникъ тюрьмы и я.

Клочковъ съ балалайкою въ рукахъ, войдя въ комнату, поклонился намъ и сразу спросилъ:

— Прикажете начать?

— Пожалуй...—сказалъ я.

Онъ отошелъ къ окну. Я сѣлъ около стола, разложилъ свои тетради и карандаши, солдаты и надзиратели стали около дверей.

Клочковъ началъ пѣть.

День былъ хорошій, солнечный, и онъ, стоя все время около окна, пѣлъ, облитый солнечнымъ свѣтомъ. Началъ онъ какъ-то вяло, нерѣшительно и затѣмъ вдругъ запѣлъ „Долю“, пѣснь, очень популярную въ Сибири. Тутъ онъ весь преобразился. Голосъ его (хотя и небольшой, но симпатичный теноръ) съ невыразимой тоской и глубокимъ чувствомъ передалъ эту пѣснь.

Не за пьянство и буянство

И не за ночной разбой

Стороны родной лишился...

За крестьянскій міръ честной.

буквально стоналъ Клочковъ.

Вотъ гдѣ бы фразировкѣ поучиться нашимъ опернымъ пѣвцамъ,—подумалъ я, но меня Клочковъ поразилъ не столько пѣніемъ, сколько игрой на балалайкѣ.

Этотъ ужасный, плоскій инструментъ, даже, можно сказать, не инструментъ, а недоразумѣніе какое-то, превратился въ рукахъ Клочкова прямо въ мандолину хорошаго итальянскаго мастера. Техника у Клочкова колоссальная. Если г-на Трояновскаго, котораго мнѣ пришлось слышать, какъ солиста оркестра Андреева, можно назвать балалаечнымъ Сарасате, то Клочкова на этомъ инструментѣ можно назвать Паганини.

Клочковъ спѣлъ мнѣ съ балалайкой 6 пѣсень, изъ которыхъ послѣдняя начинается словами:

Зачѣмъ я мальчикъ уродился,
Зачѣмъ тебя я полюбилъ,
Вѣдь мнѣ же суждено судьбою
Идти въ сибирскія края...

Словами:

Дойду до русской я границы
Урядникъ спросить:—Чей таковъ?
Я назову себя бродягой,
Не помню родины своей...

закончилъ Клочковъ свой „сеансъ“.

Я горячо благодарилъ его, пожимая ему руку, а онъ мнѣ тихонько шепталъ:

— Похлопочите, ваше благородіе, чтобы мнѣ денька хотя бы на два оставили балалайку...

Но когда я попросилъ объ этомъ начальника, онъ категорически заявилъ, что это невозможно, что онъ самъ можетъ быть въ отвѣтъ, что можетъ узнать тюремный инспекторъ.

— Отдай, братъ, балалайку-то...—обратился онъ къ Клочкову.

Но тутъ произошло что-то неожиданное, нелѣпое, ужасное...

Тихій и смирный Клочковъ смертельно поблѣднѣлъ. Глаза его налились кровью, и онъ, принявши угрожающую позу, закричалъ, размахивая балалайкой:

— Не отдамъ!.. Убью!.. Не отдамъ!..

Мы всѣ остолбенѣли...

— Возьмите у арестанта балалайку!.. — холоднымъ, звенящимъ голосомъ скомандовалъ начальникъ.

Клочковъ, тяжело дыша, ждалъ.

Солдаты и надзиратели бросились къ нему, но онъ, очевидно, понялъ уже, что силы неравныя (три винтовки, двѣ сабли и четыре револьвера противъ одной балалайки), и безпомощно опустилъ балалайку на полъ.

Солдатъ ее поднялъ и торжественно поднесъ начальнику.

Мы всё облегченно вздохнули, а Клочковъ самъ упалъ на полъ и зарыдалъ.

Никогда въ жизни я не слышалъ такихъ ужасныхъ рыданій. Съ нимъ была истерика, и только врачъ, который случайно находился въ тюрьмѣ, могъ привести его въ чувство.

Когда его успокоили, я его еще разъ горячо поблагодарилъ и сказалъ: „Я на ваше имя, Клочковъ, положу въ контору 5 рублей“ (огромныя деньги въ тюрьмѣ).

А Клочковъ мнѣ угрюмо отвѣтилъ:

-- Эхъ, баринъ, нешто за эфти дѣла можно брать деньги. Не надо. Если будетъ ваша милость, то въ городѣ Романовѣ - Борисоглѣбскѣ, что недалеко отъ Ярославля, поставьте свѣчку въ церкви и закажите панихиду за упокой души рабы Божіей Аграфены...

И, почти улыбаясь, онъ сквозь слезы просилъ дать ему „на минутку“ балалайку.

Ему дали.

Онъ бережно взялъ инструментъ, два раза поцѣловалъ его и вернулъ мнѣ.

Солдаты увели его.

Мнѣ начальникъ далъ слово, что Клочкову за его „буйство“ ничего не будетъ, и, какъ я потомъ узналъ, онъ сдержалъ свое слово.

V.

Грузинна.

Это было въ Tobольскѣ, въ первыхъ числахъ іюля.

Я только что вышелъ изъ воротъ каторжной тюрьмы послѣ записыванія тамъ пѣсенъ, какъ замѣтилъ около нихъ, кромѣ обязательнаго караула, еще какую-то женщину, которая, принимая отъ дежурнаго надзирателя пустой глиняный горшокъ, оживленно о чемъ-то разговаривала съ нимъ.

Я только разслышалъ, что она обѣщала куда-то притти „и завтра“, на что старикъ надзиратель заявилъ: „Чтобъ это было въ послѣдній разъ, а то,—прибавилъ онъ, — съ вами еще бѣды наживешь“.

Обративъ мало значенія и на женщину и на разговоръ, я отправился дальше.

Не торопясь, прошелъ я мимо губернскаго музея и скоро поровнялся съ памятникомъ Ермака, откуда открывается дивный видъ. Здѣсь я рѣшилъ присѣсть и немного отдохнуть.

Вечерѣло.

Подъ моими ногами лежалъ городъ, широкій Иртышъ, лѣса и безконечныя степи...

Прибавьте къ этому, нигдѣ въ мирѣ не встрѣчающіяся сумерки, окутывающіе всю природу какимъ-то розово фіолетовымъ цвѣтомъ. Явленіе совершенно исключительное по своей сказочности, встрѣчающееся только въ Сѣверо - Западной Сибири. Не только вся природа, но и лица людей, ваши руки, какъ будто просвѣчиваютъ такимъ отгѣнкомъ. Если-бъ художникъ подобными красками написалъ картину, ему бы пожалуй, не повѣрили.

Я наслаждался молча и видомъ и феерическимъ освѣщеніемъ, какъ вдругъ услышалъ сзади себя женскій голосъ:

— Можно присѣсть около васъ?

Оглянувшись, я, къ своему удивленію, увидѣлъ ту самую женщину, которую встрѣтилъ при своемъ выходѣ изъ тюремныхъ воротъ.

Я отвѣтилъ:

— Пожалуйста. Мѣста много.

Она молча сѣла около меня на траву, поставивъ свой глиняный пустой горшокъ возлѣ себя.

Мы оба молчали довольно долго. Въ то же время, я довольно внимательно осматривалъ свою сосѣдку.

Это была молодая женщина лѣтъ 25—27, ясно выраженного южного типа. Смуглый цвѣтъ лица, вьющіеся волосы цвѣта „воронова крыла“, большіе темные глаза и слегка горбатый носъ, сразу напомнили мнѣ далекій Кавказъ. Одѣта она была бѣдно, но съ претензіей на франтовство и шелковая пестрая косынка шла къ ея высокой, прямо-таки величественной фигурѣ.

Удивительны были ея глаза, похожіе на глаза испуганной лани, хотя въ нихъ и проглядывало что-то наглое и хищное.

Наконецъ, она обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы, кажется, были въ каторжной тюрьмѣ, господинъ?

Говорила она съ сильнымъ кавказскимъ акцентомъ, который я не считаю нужнымъ передавать. Дѣло въ послѣдствіи оказалось вовсе не въ акцентѣ.

— Да, отвѣтилъ я,—какъ разъ передъ вами я вышелъ оттуда.

— А что вы тамъ дѣлали?—въ свою очередь задалъ я вопросъ.

— Я приносила мужу люла-кебабъ, — сказала она. — Мы оба грузины изъ Кутаиса, а въ тюрьмѣ вѣдь, нашихъ кушаній не готовятъ.

„Еще бы!“ — подумалъ я.

— А надолго вашъ мужъ заключенъ? — спросилъ я.

— Всего на 15 лѣтъ, — какъ-то рѣшительно произнесла она.

— И давно тутъ?

— Да всего около полугода, — отвѣтила она.

На мой вопросъ, видится ли она съ мужемъ, она мнѣ рассказала, что 4 мѣсяца назадъ имъ были разрѣшены свиданія въ тюрьмѣ черезъ рѣшотку, но потомъ ихъ запретили.

Я удивился и сталъ объяснять ей, что она, какъ жена, имѣетъ законное право на такія свиданія и поинтересовался узнать, отчего именно ей запретили видѣться съ мужемъ? Она какъ-то замялась и пробормотала:

— Не знаю, господинъ... что-то... вышло... не такъ...

О себѣ она рассказывала, что когда въ Кутаисѣ осудили ея мужа на 15 лѣтъ каторги, она рѣшила слѣдовать за нимъ и черезъ мѣсяцъ послѣ его отправки въ Тобольскъ также уѣхала сюда. Отъ Тюмени до Тобольска она, съ разрѣшенія конвойнаго начальника, слѣдовала вмѣстѣ съ этапомъ.

— Трудно было,—сказала она,—конвойные такіе безстыдники.

— Да вѣдь теперь вамъ мало смысла жить здѣсь, разъ вамъ не разрѣшаютъ свиданія,—сказалъ я ей.

— Что же изъ этого,—возразила она, я хоть вижу домъ, гдѣ онъ живетъ, мнѣ не запрещаютъ приносить ему пищу и наконецъ, 15 лѣтъ не вѣчность. Черезъ 10 лѣтъ онъ выйдетъ въ вольную команду и тогда мы заживемъ. (Для людей непосвященныхъ добавлю, что „вольной командой“ называютъ тѣхъ каторжанъ, которыхъ за хорошее поведеніе выпускаютъ раньше срока съ каторги, но съ обязательствомъ жить близъ тюрьмы и ежедневно утромъ и вечеромъ являться на повѣрку).

Я выразилъ мое искреннее удивленіе и поклоненіе такому геройству и привязанности къ мужу.

Въ ея глазахъ опять что-то зажглось.

— У насъ на Кавказѣ любить умѣютъ,—какъ-то сухо отрѣзала она.

— Но, вѣдь, вамъ здѣсь трудно жить, или, можетъ-быть, у васъ есть средства?—полюбопытствовалъ я.

Грузинка улыбнулась.

— Средствъ у меня никакихъ, но,—прибавила она тихо,—я молода... и...

— Можете работать,—досказалъ я.

Она помолчала и вдругъ съ какимъ-то наглымъ смѣхомъ воскликнула:

— Какая можетъ быть моя работа? Извѣстно какая...

„Ого!—подумалъ я,—неужели передо мною жертва общественнаго темперамента“? Здѣсь, въ Тобольскѣ? Да какой тутъ можетъ быть темпераментъ! Скажите пожалуйста, какой Парижъ нашелся“.

— А какъ васъ зовутъ?—спросилъ я ее.

— Соломоніей.

Опять наступило молчаніе.

Вдругъ она тихо и не глядя на меня спросила:

— Ну, что же, къ вамъ пойдете, что ли, или ко мнѣ?

— Благодаря васъ,—отвѣтилъ я грузинкѣ,—но мнѣ ваша „работа“ не нужна. Если вы очень нуждаетесь, то я и безъ этого буду радъ по-сильно помочь вамъ.

Съ этими словами я вынулъ изъ бумажника 5 рублей и подалъ ей.

Она вскочила, выпрямилась и въ позѣ оскорбленной принцессы Эболи отчеканила:

— Я грузинка и отецъ мой князь! Милостыни я у васъ не просила!

И съ презрительнымъ взглядомъ, взявъ свой горшокъ—ушла.

Я почувствовалъ себя нѣсколько сконфуженнымъ, въ душѣ упрекая себя что, быть-можетъ, слишкомъ грубо хотѣлъ навязать ей свою помощь, и отправился немного погодя тоже во-свояси.

На другой день я разсказалъ тюремному смотрителю о своемъ странномъ знакомствѣ. Онъ расхохотался.

— Ну, поздравляю васъ,—смѣялся онъ,—вы теперь отъ нея не отвяжетесь. Намъ она до смерти надоѣла. Это я вамъ доложу, не баба, а самъ чортъ въ юбкѣ. Она у меня здѣсь какъ-то разъ устроила настоящій дебошъ. Ну ее!

И тутъ я узналъ слѣдующее: четыре мѣсяца тому назадъ, эта грузинка появилась въ Тобольскѣ и смотритель разрѣшилъ ей (черезъ рѣшотку) свиданіе съ мужемъ, который угодилъ сюда на 15 лѣтъ за „экспропріацію“ на Кавказѣ.

По словамъ смотрителя, это было не свиданіе, а какое-то сплошное эротическое бѣснованіе. („Точно два павіана въ разныхъ клѣткахъ“, какъ онъ живописно объяснилъ). Они плакали, смѣялись и едва не сломали рѣшетки. „Наконецъ, она бросилась чуть не съ кулаками на меня“,— закончилъ свой разсказъ смотритель“, крича: смотри, что ты съ нимъ сдѣлалъ! Видишь, какъ онъ худъ и блѣденъ. Самъ, старый чортъ, небось, лопаешь вволю, что захочется, а онъ у тебя и

хлѣба не видить. Три человекѣ насилу оторвали ее отъ рѣшотки и вывели вонъ. Въ довершеніе всего, я потомъ, по его статейнымъ спискамъ узналъ, что она ему вовсе не жена, по крайней мѣрѣ, не законная и потому, свиданій я больше не разрѣшилъ. Вѣдь, вы знаете сами, что свиданія даются лишь законной женѣ, законнымъ дѣтямъ и близкимъ родственникамъ. Теперь она, чуть ли не каждый день приносить для него пищу, чего мы запретить не можемъ, ибо подаваніе для арестантовъ принимается и отъ постороннихъ лицъ. Но она конечно не знаетъ, что еястряпня, по тюремнымъ правиламъ, дѣлится между всѣми товарищами по камерѣ.

Въ тотъ же вечеръ, въ клубѣ я рассказалъ своимъ партнерамъ о моемъ новомъ знакомствѣ. Они какъ-то странно переглянулись, а одинъ чиновникъ, изъ холостыхъ, замѣтилъ: „Да, это молодецъ баба. Умѣетъ и капиталъ пріобрѣсти и невинность сохранить.“

А за ужиномъ, когда разговоръ зашелъ опять о грузинкѣ, этотъ же самый чиновникъ, отозвавъ меня въ сторону, сообщилъ, что у него была „потѣшная исторія“ съ нею и, что онъ, на основаніи своего опыта, совѣтуетъ мнѣ быть осторожнымъ.

По его словамъ дѣло было такъ: такъ же, какъ и я, познакомившись съ нею случайно, онъ воспылалъ мгновенно „страстью нѣжной“ и пригласилъ

силъ ее къ себѣ. (Онъ занималъ въ семьѣ двѣ комнаты).

Все шло сначала хорошо, сидѣли и ворковали, какъ вдругъ грузинка вскочила и заявила, что если онъ немедленно не вручить ей 25 рублей, то она подыметъ крикъ, что она, молъ, княжна и оскорблять себя не позволитъ.

— Что же было дѣлать,—закончилъ онъ.—Я здѣсь на службѣ, чортъ знаетъ, что могло бы выйти. Я далъ ей денегъ, и она ушла.

Подобную манипуляцію она, оказывается, продѣлала со многими гражданами города Тобольска.

— Да, тутъ не пообѣдаешь,—прибавилъ чиновникъ. А жаль, хороша каналья.

На другой день я опять поѣхалъ въ тюрьму и опять у воротъ застаю грузинку.

Я довольно сухо поздоровался съ нею, а она, къ моему удивленію, сказала мнѣ:

— Я васъ, господинъ, подожду.

Ничего ей не отвѣтивъ, я вошелъ въ тюрьму.

— А ваша любимица опять здѣсь, — замѣтилъ я смотрителю.

— Да, она опять денегъ принесла,—сообщилъ онъ мнѣ.—Удивляюсь, откуда она ихъ беретъ. Вы знаете, что самый богатый человѣкъ изъ каторжанъ это ея Абрекъ съ Кавказа. На его имя она у меня въ конторѣ положила уже больше ста рублей. Носить то по 5, то по 10 рублей. Непостижимо!

Когда часа черезъ три, я вышелъ изъ тюрьмы, моя грузинка была тутъ какъ тутъ.

Она быстро подошла ко мнѣ и скороговоркой просила „не сердиться на нее“. „Я вовсе не хотѣла васъ обидѣть“,—прибавила она.

Я увѣрилъ ее, что не имѣю причины на нее сердиться.

— Такъ будемъ друзьями, — сказала она, — и протянула мнѣ руку.

Я подаль ей свою и она крѣпко и какъ-то особенно сжала ее.

Мы шли болтая и она вдругъ пустилась въ откровенность:

— Я узнала, кто вы и зачѣмъ ходите въ тюрьму,—шептала она, — и я могу вамъ все сказать. Я не хочу, чтобы онъ мучился въ тюрьмѣ. Я хочу съ нимъ убѣжать отсюда.

На это я ей замѣтилъ, что для нея-то это очень просто, но для него,—нѣсколько затруднительно.

— Ничего, господинъ, продолжала она,—я коплю деньги и, какъ только у меня будетъ 300 рублей, то мы устроимъ побѣгъ. Говорять, что черезъ надзирателя все можно.

Я возразилъ ей, что между надзирателями могутъ найтись неподкупные люди и что въ случаѣ неудачнаго побѣга ея мужу сверхъ наказанія розгами, прибавятъ еще и срокъ каторги.

— Но все-таки попробуемъ, — сказала она, — я

кромѣ денегъ еще кое-что прибавлю надзирателю...

И она засмѣялась...

Вообще я въ ней наблюдалъ какую-то смѣсь наивности и наглости.

— А правда ли, господинъ, что вы записываете острожныя пѣсни,—спросила меня грузинка.

Я подтвердилъ.

— Такъ вотъ что, у меня здѣсь есть одинъ знакомый человѣкъ. Онъ долго сидѣлъ въ Акатуевской каторгѣ. По правдѣ сказать, онъ не дождался срока, а самъ ушелъ. Онъ у меня бываетъ, хотите его послушать?

Конечно это меня заинтересовало и, поблагодаривъ, я отвѣтилъ ей, что съ большимъ удовольствіемъ послушалъ бы его.

— Въ такомъ случаѣ, приходите ко мнѣ,—сказала она,—сегодня среда... приходите въ пятницу въ 6 часовъ вечера... онъ какъ разъ будетъ... и споетъ вамъ.

— Да не лучше ли, — возразилъ я,—если онъ придетъ ко мнѣ.

— Этого нельзя, господинъ, потому что въ центрѣ города ему неудобно показываться.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я приду къ вамъ самъ,—согласился я.

Она дала мнѣ свой адресъ, на самой окраинѣ города и мы условились, что въ пятницу, въ 6 часовъ я приду слушать „пѣвца изъ Акатуя“.

Затѣмъ мы растались.

Общая грузинкѣ притти въ пятницу я, какъ на грѣхъ, совершенно забылъ, что въ этотъ же день долженъ обѣдать въ очень хорошей и милой семьѣ фабричнаго инспектора Р. и мнѣ пришлось бы тогда надуть ее. Да, кромѣ того, я лишился бы возможности услышать пѣсни изъ Акатуя.

Какъ тутъ быть?

Послать къ ней по многимъ причинамъ было для меня неудобно и я рѣшилъ на слѣдующій день (четвергъ) самъ пойти къ ней и попросить ее отложить нашъ вокальный сеансъ до субботы.

Сказано—сдѣлано!

На другой день, около 5 часовъ я пѣшкомъ отправился по данному ея адресу. Было это чуть не на краю свѣта. Оставивъ городъ за собой, я дошелъ почти до лѣса, покрывающаго берегъ Иртыша, когда наконецъ замѣтилъ описанный ея сѣрый домъ, съ красной крышей. Домикъ стоялъ одиноко, саженьяхъ въ 30 отъ рѣки.

Нащупавъ въ карманѣ свой револьверъ, я осторожно подошелъ ближе.

Кругомъ ни души.

Дверь стояла полуоткрытой и я вошелъ въ полутемныя сѣни.

Вдругъ изъ дверей налѣво показались два кавказца, похожіе на мингрельцевъ.

Это меня не удивило, такъ какъ въ Тобольскѣ

живетъ масса ссыльныхъ кавказцевъ. Я спросилъ ихъ:

— Здѣсь живетъ Соломонія?

Они указали мнѣ молча на дверь напротивъ.

Въ это время я слышалъ какую-то возню и громкій смѣхъ Соломоніи. Отворивъ дверь, на которую указали мнѣ кавказцы, я вошелъ въ комнату и—остолбенѣлъ.

На столѣ, смѣясь, сидѣла Соломонія, а на стулѣ передъ нею молодой и довольно франтоватый тюремный надзиратель...

Фуражка, револьверъ и оружіе надзирателя мирно покоились на подоконникѣ, а на столѣ стояла бутылка вина и лежала копченая рыба.

Мы всѣ трое нѣкоторое время, изображали собою каменные изваянія...

Соломонія опомнилась первая.

— Вотъ и еще гость,—съ какимъ-то дѣланнымъ смѣхомъ воскликнула она,—втроемъ-то веселѣе... вотъ и господинъ надзиратель иной разъ заходитъ. Жалѣетъ мое сиротство.

„Господинъ надзиратель“, конечно, узналъ меня и немедленно вытянулся во фронтъ.

— Я, ваше благородіе, ничего...—началъ онъ,—я ничего... вы не подумайте, ваше благородіе... зашелъ мимоходомъ... поотдохнуть маленько...

— Да, что вы,—успокоилъ я его,—ваше дѣло молодое... я извиняюсь... кажется, я помѣшалъ...

— Да помилуйте, ваше благородіе, — говорилъ суется и надѣвая фуражку и оружіе надзирателя, — я съ полнымъ моимъ удовольствіемъ...

— Ради Бога, оставайтесь, — сказалъ я, готовому уступить мнѣ свое мѣсто надзирателю, — я самъ тороплюсь больше васъ.

Тутъ я объяснилъ Соломоніи, что въ пятницу я занятъ и просилъ позвать ея акатуевского знакомаго въ субботу. Она согласилась и я ушелъ.

Не успѣлъ я отойти подальше отъ дома Соломоніи, какъ услышалъ позади себя чьи-то торопливые шаги. Оказалось, догонялъ меня „господинъ надзиратель“. Онъ былъ безъ фуражки.

— Ради Христа, ваше благородіе, — умолялъ онъ задыхаясь, — не губите... не говорите въ тюрьмѣ, что видали меня здѣсь; я вѣдь такъ... очень ужъ меня разобрало... хороша баба, ваше благородіе... заставьте Бога молить...

Я успокоилъ его, обѣщавъ, что ничего не скажу, но прибавилъ:

— Все-таки совѣтую вамъ бросить это дѣло. Знакомство ваше съ Соломоніей, если узнаютъ, возбудитъ толки не очень удобные для васъ...

— Да помилуйте, ваше благородіе, — началъ онъ, — да будь ей пусто, больше нога моя у проклятой бабы не будетъ. Сейчасъ только схожу за фуражкой, да и айда домой.

Онъ бѣгомъ вернулся въ домъ, а я продолжалъ

свой путь къ городу. Сколько разъ я ни обращивался, а „господина надзирателя“ и слѣдъ простыль. Должно быть не легко было уйти отъ „проклятой бабы“.

Въ субботу, около 4 часовъ дня, я сидѣлъ у себя въ гостиницѣ и обѣдалъ, какъ вдругъ услышалъ робкій стукъ въ дверь. На мое „войдите“ дверь потихоньку отворилась и на порогъ показалась величественная Саломонія.

Не скажу, чтобъ я обрадовался.

Въ гостиницѣ я пользовался реномѣ „хорошаго господина“ и приходъ грузинки, чего добраго, могъ бы отнять у меня ореолъ цѣломудрія, сіявшій вокругъ меня до сей поры. Но, какъ бы то ни было, я просилъ свою гостью присѣсть и при этомъ выразилъ удивленіе ея приходу, тѣмъ болѣе, что я условился быть у нея въ этотъ же день въ 6 часовъ вечера.

— Да я боялась, что вы больше ко мнѣ не придете, разъ увидѣли господина надзирателя,— сказала она,—и вотъ я пришла узнать, ждате ли вы мнѣ или нѣтъ?

Мнѣ стало смѣшно.

— Я, другъ мой, нисколько не желаю нарушать правъ „господина надзирателя“,—отвѣтилъ я,—я хотѣлъ притти слушать пѣсни вашего знакомаго, ну я и приду.

— Тогда я посижу немного и мы пойдемъ вмѣстѣ,—предложила мнѣ Соломонія.

Хотя мнѣ не особенно улыбалось шествовать по городу съ Соломоніей, но тѣмъ не менѣе, я отвѣтилъ:

— Прекрасно! Пойдемте вмѣстѣ.

Я вышелъ на минуту, дабы сказать моему сосѣду, капитану П., что я вечеромъ буду въ клубѣ. Возвратившись въ свою комнату, я засталъ грузинку около письменнаго стола, на которомъ я позабылъ свой бумажникъ.

Она страшно сконфузилась, когда я увидѣлъ ее съ нимъ въ рукахъ, но сейчасъ же наплась и проговорила: „Какой хорошенькій бумажникъ“. Я былъ убѣжденъ, что она его осматривала не только снаружи, но и внутри.

Довольно неделикатно пересчитавъ при ней деньги, я собирался спрятать его въ письменный столъ, когда она мнѣ сказала:

— Неужели вы рискуете оставлять здѣсь деньги? Я бы вамъ не совѣтовала. Въ гостинницѣ всегда крадутъ ихъ; ужъ вѣрнѣе имѣть ихъ при себѣ.

Я подумалъ и, сунулъ бумажникъ себѣ въ боковой карманъ.

Немного погодя, мы вышли; я нанялъ извозчика и мы поѣхали къ ней слушать пѣсни изъ Акатуя. Подъѣзжая къ уже знакомому мнѣ сѣренькому

домику, я замѣтилъ на крыльцѣ какого-то оборванца. Онъ сидѣлъ на ступенькахъ и, очевидно, поджидалъ насъ. Это былъ человѣкъ огромнаго роста, уже не первой молодости, съ сѣдой бородой. Одного глаза у него не было (должно быть вытекъ). Былъ онъ совершенно лысъ и голова его была повязана грязнымъ платкомъ.

— Вотъ, это онъ и есть,—сказала Соломонія,—пойдемте.

„Человѣкъ изъ Акатуя“ вошелъ вслѣдъ за нами въ комнату и, такъ же, какъ мы, усѣлся около стола...

Условившись съ нимъ въ цѣнѣ (3 рубля и двѣ бутылки водки), я разложилъ на столѣ нотную бумагу, взялъ карандашъ въ руки и „сеансъ“ начался.

То, что онъ пѣлъ, было безусловно для меня интересно, и я не пожалѣлъ, что пріѣхалъ къ „проклятой бабѣ“.

Когда мы кончили, я вынулъ изъ бумажника и подаль ему 5 рублей, еще разъ поблагодаривъ за пѣсни. (Соломонія въ это время куда-то исчезла). Оборванецъ спряталъ деньги къ себѣ на грудь и, къ моему удивленію, сказалъ:

— Мало, господинъ.

— Какъ мало,—возразилъ я,—вѣдь я даю вамъ больше, чѣмъ мы условились.

— А вы, господинъ, подайте мнѣ бумажникъ,

какъ онъ есть, а тамъ увидимъ, много или мало, — сказалъ бродяга. Да, кромѣ того, пожалуйста мнѣ ваши часики. Давно бариномъ не ходилъ.

— Да вы съ ума сошли?—вскричалъ я, вынимая револьверъ, — отойдите отъ двери, а то стрѣлять буду!

Бродяга засмѣялся.

— Дайте дорогу, говорю послѣдній разъ, — и я поднялъ револьверъ.

Въ то же время, дверь отворилась и вошли оба кавказца, тѣ самые, которыхъ я видѣлъ у Соломоніи при первомъ своемъ посѣщеніи.

— Что вы тутъ спорите, господа, — сказалъ одинъ изъ нихъ, — отдайте, что слѣдуетъ, господинъ, бумажникъ и часики, а то хуже будетъ. Да и спрячьте вашъ пистолетъ. Одинъ разъ, стрѣльнуть успѣете, а потомъ и вамъ капутъ. На днѣ Иртыша лежать-то вамъ скучно будетъ.

Я понялъ что попался въ ловушку и предложилъ почтенной компаніи войти со мной въ соглашеніе т.-е. взять половину денегъ и оставить мнѣ ничего нестоющій медальонъ съ портретомъ моей жены.

— Да что съ нимъ разговаривать, — грубо гаркнулъ „человѣкъ изъ Акатуя“ и, засучивъ рукава двинулся на меня.

Я попытался назадъ въ крайній уголъ и рѣшилъ не дешево продать свою жизнь, какъ вдругъ

услышалъ какую-то возню въ сѣняхъ и голосъ Соломоніи взывавшій:

— Помогите, помогите!

Кавказцы и бродяга смутились.

Очевидно, они вообразили, что со мною пришла охрана и выбѣжали въ сѣни, гдѣ мы застали слѣдующую картину: надзиратель изъ тюрьмы билъ лежащую на полу Соломонію, что называется, смертнымъ боемъ. При этомъ онъ кричалъ:

— Накрылъ я тебя, проклятая. Шашни завела, мало тебѣ одного! Шалишь! Меня не надуешь!

Я сейчасъ же остановилъ разсвирѣпѣвшаго тобольскаго Отелло и передалъ ему въ двухъ словахъ, въ чѣмъ тутъ дѣло и, что я нахожусь здѣсь вовсе не для „шашней“, а для записыванія пѣсенъ, при чемъ едва не былъ ограбленъ и убитъ.

Надзиратель же объяснилъ мнѣ, что онъ пришелъ въ безусловное время (желая, повидимому, застать измѣнницу на мѣстѣ преступленія), такъ какъ воспылалъ ревностью, узнавъ, что у грузинки есть „господинъ изъ города“.

Во время нашего разговора съ надзирателемъ кавказцы и акатуевскій бродяга потихоньку вышли и, выглянувъ въ окно, я увидѣлъ всѣхъ трехъ бѣжавшихъ что есть силы по направленію Иртыша... Видно было, какъ они тамъ сѣли въ

лодку и переплыли на другую сторону рѣки... Мы бросились ихъ преслѣдовать, но уже стало темно. Тѣмъ не менѣе, надзиратель, даль нѣсколько вѣстрѣловъ по направленію лодки. Изъ темноты послышался крикъ и какое-то проклятіе, затѣмъ все стихло и мы вернулись къ Соломоніи.

Она сидѣла около стола и своими большими глазами неподвижно и какъ-то безумно смотрѣла на насъ.

— Ишь ты стерва, — сказалъ, сплюнувъ, надзиратель, — все хвостомъ вертишь, проклятая, а теперь, небось, обалдѣла. Пойдемте, ваше благородіе. Плюньте на нее! Я васъ все-таки провою.

— Вы уходите, — отвѣтилъ я ему, — а я одинъ пойду отсюда. Нельзя же оставить ее въ такомъ состояніи.

— Какъ прикажете ваше благородіе. Счастливо оставаться!

Онъ вышелъ, но проходя мимо Соломоніи не удержался, чтобы еще разъ не бросить ей:

— Уу... Вертихвостка!

Я заговорилъ съ ней, но она оставалась все такой же неподвижной и взглядъ ей былъ все такой же стеклянный и безумный. И тутъ я только замѣтилъ, что на нее нашло что-то вродѣ столбняка.

Кругомъ никого не было. Я выбѣжалъ въ сѣ-
ни и досталъ воды; взбрызнулъ ее, а такъ какъ
ротъ ея былъ судорожно сжатъ, то чуть ли не
силой влилъ ей въ него немного воды. Она
мало-по-малу пришла въ себя и, наконецъ, грубо
и дерзко вскричала:

— Ну, что же, арестуйте меня, что ли!

Я ей отвѣтилъ, что это не мое дѣло.

— А ваше дѣло какое? — кричала она. — Вы
также бить меня хотите? На-те, бейте, бейте! —
и она стала рвать на себѣ свое платье, и въ
какомъ-то изступленіи продолжала кричать. —
Бейте за то, что я любила его одного, бейте за
то, что я любила его одного, бейте за то, что
я даже убивать и грабить хотѣла, лишь бы ему
свободу добыть. Бейте меня! Вѣдь билъ же меня
здѣсь солдатъ мужикъ!

Изступленіе ея кончилось ужасными рыданіями
причемъ все ея тѣло конвульсивно вздрагивало.
Наконецъ она немного успокоилась и спроси-
ла меня, что же теперь ей будетъ, не аресто-
уютъ ли ее. Я отвѣтилъ, что не желаю ей зла.
Она дала мнѣ слово, что поѣдетъ въ Кутаисъ,
гдѣ у нея остался отецъ. Немного погодя я
ушелъ къ себѣ домой, а на другое утро я по-
садилъ грузинку на пароходъ, отходившій въ
Тюмень

Денегъ для нея мы наканунѣ собрали въ клубѣ.

На пароходъ она долго плакала и посылала все время поцѣлуи по направленію каторжной тюрьмы.

Пароходъ ушелъ... мнѣ думается, что она много любила и много простится ей за это.

Когда я, на другой день, сообщилъ смотрителю тюрьмы, что отправилъ ее изъ Тобольска на родину, онъ мнѣ сказалъ:

И охота вамъ возиться со всякой дрянью.

V.

**Никифоровъ, товарищъ Соня. Отъѣздъ изъ
Тобольска.**

Прекрасные вечера стояли въ первыхъ числахъ іюля въ Тобольскѣ.

Но, конечно, лѣтній вечеръ въ Тобольскѣ не то, что „вечеръ въ Сорренто“.

Близость полюса даетъ себя знать.

Итакъ, въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, надѣвъ ватное пальто и калоши, я отправился въ Городской садъ, гдѣ, какъ мнѣ сказали—„сегодня будетъ музыка“.

Городской садъ въ Тобольскѣ расположенъ вблизи его главной улицы и куда бы вы ни пошли, непременно, почему-то, наткнетесь на него. Величиною онъ напоминаетъ садъ при дачѣ сред-

ней рукъ въ Парголовъ или Сокольниковъ, но, что касается растительности, то въ послѣднихъ она кажется чисто тропическою, по сравненію съ тобольскимъ садомъ. Кромѣ высокихъ мрачныхъ елей—ничего.

Направо отъ входа—эстрада для музыкантовъ, а налѣво — кіоскъ для „прохладительныхъ“ напитковъ.

Послѣднее есть чисто платоническое учрежденіе, ибо климатъ Тобольска мало располагаетъ къ возбужденію искусственной прехлады.

Я вошелъ въ садъ.

Тамъ уныло бродили человѣкъ десять, шлепая калошами по лужамъ, еще непросохшимъ послѣ вчерашняго дождя. Восемь музыкантовъ на эстрадѣ, видно, собирались приступить къ дѣлу и, потирая свои посинѣлыя отъ холода руки, настраивали инструменты.

Я подошелъ поближе къ эстрадѣ.

Музыканты заиграли попури изъ „Карменъ“. Странно и даже какъ-то жутко было слышать сдѣсь, близъ Ледовитаго океана страстные звуки знойной Испаніи. Играли они поразительно фальшиво, съ какой-то „тобольской гармонизаціей“.

Но исполнитель на гобоѣ меня поразилъ. Изъ всѣхъ музыкантовъ онъ одинъ игралъ удивительно чисто и фразировалъ, какъ настоящій художникъ.

Но я еще больше удивился, когда по окончании пьесы, онъ сошелъ съ эстрады и прямо направился ко мнѣ. Подойдя, онъ сказалъ:

— Я въ газетѣ прочиталъ о вашемъ приѣздѣ и собирался сегодня зайти къ вамъ, но оказался занятымъ. Моя фамилія Никифоровъ, я ученикъ Московскаго Филармоническаго училища.

Такимъ образомъ, я познакомился съ нимъ.

Арсеній Петровичъ Никифоровъ учился въ московской филармоніи по классу гобоя и теоріи. Но ему не суждено было кончить курсъ. Въ 1906 году, послѣ московскихъ безпорядковъ, онъ за „принадлежность“ къ чему-то, былъ сосланъ въ Тобольскую губернію, на довольно продолжительный срокъ.

Было ему всего лѣтъ 20—22. Средняго роста, довольно плотнаго сложенія, немного рябоватый, съ грубыми жесткими руками и такимъ же лицомъ, чисто русскаго типа. Но голубые, вѣчно смѣющіеся глаза, въ которыхъ свѣтилась сама доброта, дѣлали его прямо красавцемъ.

Я рѣдко встрѣчалъ человѣка такой сильной души жизнерадостной и доброй, какъ у Никифорова. Несмотря на свое несчастье, онъ сохранилъ удивительный юморъ и умѣніе философски относиться ко всему.

Я выразилъ ему свое удовольствіе по поводу того, что истрѣтилъ въ Тобольскѣ такого превос-

ходнаго музыканта. Онъ шутя отвѣтили мнѣ, что московская администрація тоже очень довольна его жительствомъ здѣсь. Я увѣрялъ его, что моя радость по этому поводу, совсѣмъ другого сорта.

По всему было видно, что Никифоровъ страшно бѣдствуетъ. Носилъ онъ грубые высокіе сапоги, съ замѣтной „вентиляціей“ и вообще былъ одѣтъ, хотя и чисто, но съ заплатами. Онъ разсказалъ мнѣ, что получаетъ отъ казны 4 р. 50 коп. въ мѣсяцъ.

— Спасибо и за это,—добавилъ онъ.—Я неоднократно обращался къ дирекціи московской филармоніи съ просьбой выслать мнѣ свидѣтельство о томъ, что я кончилъ столько-то классовъ. Но мнѣ даже не отвѣтили. А если бъ я имѣлъ такое свидѣтельство, то сразу бы сдѣлался богатымъ человекомъ: какъ привилегированный и получалъ бы тогда отъ казны 11 руб. въ мѣсяцъ.

Существовалъ онъ въ Tobольскѣ тѣмъ, что игралъ на гобоѣ въ оркестрѣ въ Городскомъ саду, на свадьбахъ и на вечерахъ, да давалъ какіе-то грошовые уроки теоріи, т.-е. вѣрнѣе—училъ названію нотъ.

За урокъ ему платили по 20 коп. (Трудъ интеллигентныхъ ссыльныхъ вездѣ въ Сибири оплачивается такимъ образомъ).

Самый крупный доходъ у Никифорова шелъ изъ довольно курьезнаго источника: одинъ ку-

пецъ, страдавшій запоемъ, непремѣнно разъ въ мѣсяцъ напивался до потери всякаго сознанія. Когда онъ немного приходилъ въ себя, то посылалъ за Никифоровымъ и тотъ игралъ тобольскому эпикурейцу на своемъ гобоѣ самыя жалостныя мелодіи. Музыкальный сеансъ обязательно долженъ былъ кончиться народнымъ гимномъ (для гобоясоло!). Заэто Никифоровъ получалъ чисто шалпинскій гонораръ: ему выдавали цѣлый рубль и, почему-то, полпуда воску (у купца былъ воскобойный заводъ). Кто-то изъ музыкантовъ позовалъ Никифорова.

— Иду, куда влечетъ меня мой жалкій жребій,—сказалъ онъ, смѣясь.

— Вы сдѣлали бы мнѣ громадное удовольствіе, если бы пришли ко мнѣ завтра, часа въ 3 пообѣдать,—пригласилъ я его.

— Повѣрьте, что удовольствіе будетъ больше на моей сторонѣ,—сказалъ Никифоровъ, —завтра вторникъ, а я совсѣмъ не привыкъ обѣдать по этимъ днямъ; по средамъ и пятницамъ я питаюсь тамъ, гдѣ даю урокъ—у одного чиновника. Хотя и въ кухнѣ обѣдаю, но и то хорошо! Поближе, знаете, къ народу!

— Я васъ жду, значить?

— Приду,—пообѣщалъ онъ и ушелъ на эстраду.

Никифоровъ потомъ много и часто заходилъ ко мнѣ. Что это былъ за славный и милый чело-

вѣвъ! Его жизнерадостность и его голубые добрые глаза, дѣлали то, что каждый разъ, какъ онъ входилъ въ мою комнату, мнѣ казалось, что солнце свѣтитъ и становится какъ-то теплѣе.

Есть же такіе люди.

При баснословной бѣдности, Никифоровъ вѣчно хлопоталъ за другихъ; для себя онъ у меня только попросилъ, чтобы я, по возвращеніи своемъ въ Москву, выхлопоталъ завѣтное для него свидѣтельство изъ московской филармоніи. (Онъ по закону имѣетъ на него право). Но, къ сожалѣнію, ничего изъ моихъ хлопотъ не вышло. Когда я обратился по этому дѣлу къ одному изъ директоровъ этого заведенія (онъ же и ното-торговецъ), то сей олимпіецъ мнѣ заявилъ: что „тунеядцевъ надо пороть, а не потакать имъ“. Sic!

Разъ какъ-то утромъ, пришелъ ко мнѣ Никифоровъ со сверткомъ подъ мышкой. Сконфуженно и взволнованно просилъ онъ меня посмотреть принесенное имъ.

— Я,—виновато сказалъ онъ,—мараю по временамъ нотную бумагу... вотъ два романса... и прелюдія для оркестра, пожалуйста взгляните... и обругайте прямо, коли стоитъ...

Я развернулъ его манускриптъ и былъ пораженъ.

Передо мною лежало три произведенія, вполнѣ законченнаго художника.

Красота мелодіи, законченность формы и композиторская техника били въ глаза.

— Неужели,—спросилъ я Никифорова,—вы не окончили курсъ Филармоніи?

— Конечно, нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—но я здѣсь, въ Тобольскѣ, постоянно работаю... можетъ быть, когда-нибудь толкъ и выйдетъ.

И выйдетъ „толкъ“.

Что въ лицѣ Никифорова, Россія могла бы имѣть новаго талантливаго композитора, для меня не подлежитъ сомнѣнію и, если онъ не погибнетъ въ Сибири, то имя его встрѣтится не только на страницахъ моего скромнаго очерка.

Въ одинъ прекрасный день онъ явился ко мнѣ особенно взволнованнымъ и даже немного раздумавшимся.

— Что съ вами, коллега,—спросилъ я,—купецъ записалъ, что ли?

— О, нѣтъ,—воскликнулъ онъ, купецъ раньше 15-го не запишетъ, а вотъ что: новый товарищъ прибылъ, да еще изъ нашего полка, по части музыки.

— Кто же это?—поинтересовался я.

— Товарищъ Соня—піанистка, прислана сюда надолго... пришла сегодня съ этапомъ,—сказалъ онъ, точно радуясь, что сослали сюда Соню.

— Да не сердце ли вы потеряли Арсеній Петровичъ?—пошутилъ я.

— На нее глядя, сердца не потеряешь, — возмутительно некрасива... но какая-то славная, прямо, вродѣ ангела.

Я просилъ его познакомить меня съ „ангеломъ“, и, на другой день, ко мнѣ пришла „товарищъ Соня“.

Она была, дѣйствительно, очень некрасива: маленькаго роста, съ нездоровымъ цвѣтомъ лица, веснушчатая и очень бѣдно одѣтая, она выглядела какой-то жалкой. Но пара лучистыхъ глазъ, съ необыкновенно сердечнымъ выраженіемъ, сразу дѣлали ее симпатичной. Они походили на глаза Никифорова, но иногда въ нихъ сверкало что-то рѣшительное. У еврейскихъ женщинъ (а Соня была еврейка), такое выраженіе часто встрѣчается. А на самомъ дѣлѣ, въ товарищѣ Сонѣ, ничего рѣшительнаго не было. Она, наоборотъ, была удивительно робка и застѣнчива.

Отъ нея я узналъ, что она работала въ социаль-демократической организаціи, побывала въ Америкѣ и, наконецъ, занималась въ главномъ комитетѣ въ Женевѣ, откуда пріѣхала въ Одессу. Тамъ ее арестовали и сослали сюда.

Я очень мало знакомъ съ работой этихъ организацій и никакъ не могу себѣ представить, что такое могла совершить Соня, чтобы очутиться въ Сибири.

Никифоровъ назвалъ ее ангеломъ, и въ этомъ есть доля правды.

Какъ мнѣ потомъ рассказывали, во время этапа отъ Тюмени до Тобольска, она несла на рукахъ дѣтей сосланныхъ женщинъ, а для уголовныхъ мужчинъ стирала бѣлье. Конвойный офицеръ, сопровождавшій партію, выразился про нее:

— Тутъ самъ чортъ не разберетъ. Это какая-то святая, притворившаяся жидовкой!

Однимъ словомъ, доброта „товарища Сони“ — совершенно особенная.

Я увѣренъ, что если бы предложить Сонѣ только обидѣть (не только поднять руку) самаго жестокаго администратора, дабы этимъ пріобрѣсти счастье всего человѣчества, то она и на это не была бы способна.

Въ Тобольскѣ она надѣялась, какъ піанистка, найти уроки. Она очень много занималась музыкой, побывала даже и въ консерваторіи.

Но увы. Когда я услышалъ ея игру на рояли, то поразился не меньше, чѣмъ тогда, когда увидѣлъ сочиненія Никифорова, только съ другой стороны.

Насколько талантливъ Никифоровъ, настолько „товарищъ Соня“ безталанна. Отсутствіе хорошей техники, сухая, безжизненная игра доказывали что у Сони есть только одинъ истинное амплуа:

Амплуа „ангела“!

Я потомъ часто встрѣчалъ ее въ Тобольскѣ, гдѣ она стала любимицей всѣхъ ссыльныхъ, съ

которыми, чуть не со всѣми, я самъ былъ знакомъ.

Между ними, я встрѣтилъ не мало интересныхъ людей. Но я не хочу утомлять вниманія читателя и, потому, поспѣшу кончить съ Тобольскомъ.

Наканунѣ отъѣзда, я заѣхалъ въ каторжную тюрьму по дѣлу.

Въ передней канцеляріи, на подоконникѣ сидѣла какая-то бѣдно одѣтая женщина съ ребенкомъ на рукахъ, а рядомъ съ нею, стоялъ еще не старый каторжникъ.

Женщина сразу обратилась ко мнѣ съ вопросомъ.

— Скажите, господинъ, неужели не выпустятъ отсюда моего мужа? Вы бы замолвили за него словечко у господина смотрителя.

Я объяснилъ ей, что я здѣсь такой же посторонній человѣкъ, какъ и она сама, и что смотритель не имѣетъ права ни заключать, ни выпускать кого бы то ни было изъ тюрьмы.

— Да какъ же быть тогда,—заплакала она,—вѣдь я изъ Уфы сюда пріѣхала съ дитею, чтобы выручить его, сердечнаго. Вѣдь онъ ни въ чемъ не виноватъ.

Я спросилъ, кто она такая и услыхалъ слѣдующую исторію:

Она, жена сидящаго съ нею рядомъ арестанта.

Зовутъ ее, по мужу, Асѣва, Прасковья Тимофеевна. Онъ осужденъ въ декабрѣ 1906 г. въ Уфѣ на 4 года каторги за сообщничество въ приготовленіи бомбы въ желѣзнодорожной мастерской, гдѣ онъ въ то время состоялъ рабочимъ... По ея словамъ, онъ только „мимо ходилъ“. Живетъ она сейчасъ, въ Уфимской губ., того же уѣзда, на Благовѣщенскомъ заводѣ у отца Тимофея Старикова.

— Ради Бога, господинъ, похлопочите,—закончила она,—погибаемъ совсѣмъ.

Что мнѣ было сказать...

Смотрителя я засталъ у него въ кабинетѣ и сильно не въ духѣ.

— А я пришелъ къ вамъ проститься, Иванъ Семеновичъ, — сказалъ я, — завтра утромъ уѣзжаю.

— Эхъ, счастливый человѣкъ,—отвѣтилъ онъ,—и я бы съ удовольствіемъ удралъ отсюда подальше. Мною—изволите ли видѣть, недовольны. И начальство и арестанты на меня фыркаютъ.—А не я ли для арестантовъ отецъ? Не вожусь ли я съ ними какъ съ родными дѣтьми?..

Я взглянулъ на него: не шутить ли онъ? Но онъ говорилъ серьезно...

— Пойдемте въ пекарню, — предложилъ онъ мнѣ,—я вамъ покажу, какую новую печь выстроилъ имъ. Все для нихъ, подлецовъ, стараюсь.

Мы пошли черезъ тюремныя ворота на дворъ, какъ я вдругъ вспомнилъ, что у меня нѣтъ ни одной папиросы.

Г. Могилевъ предложилъ мнѣ послать купить ихъ. („Самъ не курю“,—извинился онъ) и крикнулъ, проходившему мимо насъ съ ведрами, каторжнику:

— Эй, поди сюда.

Арестантъ подошелъ, поставилъ ведро и вытянулся во фронтъ.

— Поставь ведро вонъ въ тотъ уголъ и сбѣгай въ лавку за папиросами для господина.

Я далъ денегъ и г. Могилевъ крикнулъ по направлению тюремныхъ воротъ:

— Выпустить Котикова.

— Это, должно быть, неважный арестантъ,—спросилъ я Могилева,—что вы рискуете посылать его. Вѣдь онъ можетъ убѣжать?

— Эхъ вы, профанъ,—сказалъ г. Могилевъ,—это убійца, грабитель, осужденный на 15 лѣтъ каторги. Но, именно, такой-то и не убѣжитъ. Ему осталось всего три мѣсяца до срока, а потому нѣтъ никакого расчета бѣжать. Вѣдь за это ему удвоятъ наказаніе. Не дуракъ же человѣкъ, на самомъ дѣлѣ!

Черезъ 5 минутъ вернулся посланный съ папиросами.

На прощанье г. Могилевъ просилъ меня еще

разъ позаботиться о книгахъ и напомнить московскимъ жертвователямъ о тобольскихъ каторжникахъ.

(По своемъ возвращеніи въ Москву, я, конечно, исполнилъ его просьбу и обратился къ одному изъ самыхъ крупныхъ московскихъ книгоиздателей, да кстати и къ издателю одной газеты по этому поводу. Но увы, торговецъ этотъ сначала чуть ли не обругалъ меня и потребовалъ какую-то бумагу отъ цензурнаго комитета. Повидимому, издатель этотъ просто испугался помочь каторжанамъ. Но въ концѣ-концовъ, общалъ „доложить правленію“. Тѣмъ дѣло и кончилось).

На другой день утромъ рано, я отправился на пристань, гдѣ и сѣлъ на пароходъ „Ласточка“, совершающій рейсъ между Тюменью и Тобольскомъ.

Это самый маленькій пароходъ „Сибирскаго общества“ и заслуживаетъ больше названія „Колибри“, чѣмъ „Ласточка“. По своимъ размѣрамъ онъ развѣ немного больше петербургскихъ пароходиковъ, поддерживающихъ сообщеніе съ Охтой.

Я нашель себѣ мѣсто лишь въ общемъ салонѣ II класса. Отдѣльныя каюты всѣ были заняты. Оставивъ свои вещи на отведенной мнѣ койкѣ, я вышелъ на палубу.

Утро стояло яркое и солнечное.

Вся набережная была усыяна народомъ. Почти весь Тобольскъ высыпалъ проводить „Ласточку“.

Много знакомыхъ пришли провожать меня. Кое-кто принесъ мнѣ полевыхъ цвѣтовъ. На пароходѣ были Никифоровъ, Бородичукъ, Алексѣевъ, товарищъ Соня и др.

Масса полиціи слѣдила за уѣзжающими и въ особенности за ссыльными.

На душѣ было какъ-то легко. И я съ радостью прощался съ этимъ краемъ возмездія, съ этой родиной „кузькиной матери“ (послѣ того, какъ это выраженіе нашло себѣ мѣсто даже въ преніяхъ 3-й Государственной Думы, оно, конечно, стало литературнымъ).

Пароходъ тронулся, съ набережной замахали шляпами и платками, до меня донеслись возгласы ссыльных: „Не забывайте!“ и мало-по-малу Тобольскъ, съ его каторжной тюрьмой, уменьшился и, наконецъ, совсѣмъ скрылся изъ глазъ.

На этой же самой „Ласточкѣ“ ѣхалъ депутат Государственной Думы, трудовикъ Н. Л. Скалозубовъ съ семьей.

Онъ, какъ и я, направлялся въ Тюмень.

Его безо всякой помпы проводили изъ Тобольска и во время обѣда на рубкѣ я выразилъ по этому поводу свое удивленіе.

— На моей родинѣ,—сказалъ я,—при проѣздѣ

депутата обязательно выставляется почетный карауль, а тутъ хоть бы что.

За столомъ, напротивъ меня, сидѣлъ толстый священникъ (виднo изъ хорошаго прихода), солиднаго роста. Онъ уже кончилъ свой обѣдъ и пилъ чай съ баранками и медомъ.

Вдругъ онъ уставился на меня и (почему-то предварительно вытеръ ротъ рукавомъ своей рубашки), произнесъ:

— Эхъ, господинъ, грѣхъ вамъ! Оно, конечно, „депутатъ“ слово нехорошее, яко слово ерегическое... И у васъ тамъ, эти самые депутаты, могутъ и бунтуютъ.—А наши что? Наши смиренные, до начальства, небось, приглядываются.—А вы сейчасъ „карауль“ поставите! Тутъ, господинъ, надо брать кротостью... Грѣхъ вамъ, господинъ!

Я замолкъ и пошелъ внизъ...

На другой день, я уже былъ въ Тюмени.

VI.

Злодѣй на покое.

Изъ Тобольска я черезъ Тюмень и Челябинскъ проѣхалъ дальше по великому сибирскому пути и сдѣлалъ первую остановку въ г. Курганѣ, Тобольской губ. Отъ Челябинска до него сравнительно недалеко—всего какихъ-нибудь 10 часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ. Курганъ—городъ небольшой и, какъ всѣ сибирскіе города, грязный. Но онъ болѣе интеллигентенъ, чѣмъ Златоустъ, Челябинскъ и Тобольскъ вмѣстѣ взятые. Онъ имѣетъ сносныя гостиницы, а главное—въ немъ есть жизнь. Даже существуетъ „Курганское музыкальное общество“, имѣющее свой собственный симфоническій оркестръ. Весьма возможно, что всѣ эти культурныя начинанія зависятъ отъ массы

иностранцевъ, здѣсь живущихъ (англичане, нѣмцы и датчане).

На улицахъ Кургана поражаютъ свѣжаго человека вывѣски съ нижеслѣдующими надписями: „Здѣсь покупаютъ масло“. Такихъ вывѣсокъ на главной улицѣ множество, и подъ ними всегда красуется какая-нибудь иностранная фамилія вродѣ Джонсона, Версена или Мюллера.

Въ гостиницѣ Соловьева, гдѣ я остановился, со мной рядомъ жилъ купецъ изъ Ново-Николаевска, и я высказалъ ему свое недоумѣніе по поводу того, что покупателями масла являются все иностранцы.

— Да что Бога гнѣвить, — сказалъ купецъ, — сами мы въ этомъ виноваты. Изъ Сибири, какъ вамъ можетъ быть извѣстно, каждый годъ вывозится сливочнаго масла на милліоны рублей. Такого прекраснаго масла вы не найдете въ цѣломъ мірѣ, и вотъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы завязали сношенія съ фирмами Лондона, Берлина и Копенгагена. Мы условились высылать имъ масло, а они намъ денежки... Первый разъ мы имъ, дѣйствительно, выслали, честь честью, хорошее масло, а они намъ, въ свой чередъ, денежки. Но потомъ, разсудивъ, что нечего баловать ихъ, нѣмцевъ, прибавили въ масло немного мучки... Они обидѣлись и послали намъ сказать, чтобы мы,

дескать не обманывали ихъ, а то они дѣла съ нами вести не будутъ.

— Скажите на милость! Точно мука намъ даромъ достается! Послѣ этого мы послали имъ одно чистое масло, но нѣкоторые купцы стали въ бочки класть камни—больше для вѣса, а не то что для чего дурного. Тутъ-они ужъ окончательно на насъ взѣлись и прекратили съ нами всякія сношенія... Народъ придирчивъ да обидчивъ! Ты толкомъ поговори да обсуди! Можетъ, и сошлись бы по совѣсти, а они—конецъ. И все тутъ! Послѣ этого они отправили сюда своихъ людей, и тѣ теперь сидятъ здѣсь. Сами у крестьянъ масло покупаютъ и сами высылаютъ его въ нѣмечину. А цѣною такъ избаловали мужиковъ, что намъ съ ними тягаться нѣтъ возможности. Вотъ,—кончилъ онъ, показывая себѣ на затылокъ,—гдѣ эти иностранцы у насъ сидятъ! А кто хлѣбомъ кормить всѣ эти разныя тамъ Европы, если не мать Россія?

Когда я робко замѣтилъ купцу, что за хлѣбъ въ Европѣ вѣдь платятъ деньги, онъ въ порывѣ патріотическаго подъема отрѣзалъ:

— Да на что намъ деньги-то ихнія? У насъ своихъ дѣвать некуда!

Счастливецъ!

Я остановился въ Курганѣ въ силу слѣдующихъ соображеній.

Во время русско-японской войны, когда японцы высадились на о. Сахалинѣ, изъ сахалинскихъ каторжниковъ тогда были наскоро сформированы, такъ назыв. „вольныя дружины“, чтобы дать отпоръ японцамъ. При этомъ дружинникамъ были обѣщаны всякія льготы, вплоть до правъ свободного поселенія въ Сибири. Почти все каторжники записались въ эти дружины. Но до какихъ-либо стычекъ или сраженій дѣло не дошло, ибо каторжники, увидя регулярныя японскія войска убѣжали вглубь острова. Тамъ ихъ мало-по-малу опять переловили и, по окончаніи войны, эвакуировали въ Сибирь, гдѣ этимъ бывшимъ дружинникамъ, дѣйствительно, было дано, конечно, подъ надзоромъ властей, разрѣшеніе поселиться. И вотъ, около города Кургана явились такъ называемыя „Сахалинскія поселенія“, въ которыхъ бывшіе каторжники получили понемногу земли, по избѣ и кое-что на обзаведеніе хозяйства. Находятся эти поселенія въ 7 верстахъ отъ города.

Сначала все шло хорошо. Но мало-по-малу „сахалинцы“ начали грабить и красть. Были и убійства. Наконецъ, вышли крупныя беспорядки: „сахалинцы“ чуть не штурмомъ намѣревались взять городъ. Тутъ ихъ сократили. Многіе изъ нихъ были перебиты, другіе разбѣжались, и „Сахалинскія поселенія“ почти совсѣмъ перестали существовать. Осталось всего человѣкъ 10 бывшихъ

сахалинскихъ героевъ. Они ведутъ себя смирно, тихо и ихъ уже не трогаютъ.

Я зналъ, что на Сахалинѣ было въ ходу множество тюремныхъ пѣсенъ, и рѣшилъ обязательно побывать въ поселеніяхъ. Вотъ почему я и сдѣлалъ остановку въ Курганѣ.

Одинъ чиновникъ, съ которымъ я познакомился, совѣтовалъ мнѣ обратиться по этому дѣлу къ старику-сахалинцу—Антону Арефьеву.

— Это, я вамъ доложу, старикъ бывалый,—сказалъ мой чиновникъ,—онъ еще живетъ здѣсь въ „Сахалиновкѣ“. Если онъ вамъ не поможетъ, такъ поѣзжайте дальше, мимо насъ. Больше никого нѣтъ.

Чиновникъ этотъ принималъ участіе въ водвореніи сахалинцевъ на курганскія поселенія, и у него осталась масса статейныхъ списковъ этихъ людей. Нашелъ я въ нихъ и Арефьева и узналъ про него слѣдующее.

|| Антонъ Зиновьевъ Арефьевъ, крестьянинъ, родился въ 1840 г. близъ г. Калуги. Въ 1865 г. за убійство семьи помѣщика и за поджогъ, съ цѣлью скрыть преступленіе, былъ сосланъ на каторгу на 20 лѣтъ. Въ 1880 г. былъ водворенъ на о. Сахалинѣ. Вскорѣ бѣжалъ и скитался полтора года по острову, живя у айоносовъ. Снова былъ пойманъ и снова бѣжалъ. На этотъ разъ ему поспотпавилось перебраться черезъ Татарскій про-

ливъ на материкъ. Въ 1885 году въ г. Читѣ, съ цѣлью грабежа, опять совершилъ убійство 5 человекъ и чуть ли не на мѣстѣ преступленія былъ схваченъ и осужденъ въ безсрочную каторгу безъ перевода въ разрядъ испытуемыхъ. При этомъ ему было дано 400 ударовъ розгами, и вернули его опять на Сахалинъ. Во время русско-японской войны онъ записался въ дружинники и, въ концѣ-концовъ, очутился въ поселеніяхъ близъ г. Кургана.

Таковъ „формулярный“ списокъ отставного убійцы и грабителя Антона Арефьева.

Я поблагодарилъ чиновника за свѣдѣнія и рѣшилъ, во что бы то ни стало, повидать этого старика (ему, по спискамъ, было теперь 68 лѣтъ).

Сахалинскія поселенія находятся, какъ я уже говорилъ, въ 7 верстахъ отъ города, и, по совѣту моихъ курганскихъ знакомыхъ, я отправился туда верхомъ. Хозяинъ гостиницы далъ мнѣ маленькую, бойкую киргизскую лошадку; на другое утро, около 9 часовъ, я сѣлъ и поѣхалъ. Предварительно я тщательно осмотрѣлъ свой револьверъ и просилъ знакомыхъ побывать у Арефьева, если бы я къ полудню другого дня не возвратился въ Курганъ.

Дорогу къ поселеніямъ мнѣ описали очень точно, и сбиться я не могъ. Сначала долгое время я ѣхалъ степью, потомъ густымъ лѣсомъ по ши-

рокой и удобной тропинкѣ. Затѣмъ, выѣхавъ на открытую поляну, я очутился на берегу рѣчки и, свернувъ направо, какъ мнѣ сказали, увидѣлъ нѣсколько избъ. Это и были „Сахалинскія поселенія“. Подѣхавъ къ нимъ ближе, я обратилъ вниманіе, что большинство домовъ было заколочено и, видимо, оставлено своими хозяевами на произволь судьбы. Кругомъ было тихо и безлюдно.

Держась все время берега рѣчки, я замѣтилъ вдругъ какого-то человѣка, который, стоя на колѣняхъ, копался въ огородѣ (огородъ этотъ тянулся отъ избы до самаго берега). Лица этого человѣка я не могъ разобрать, такъ какъ онъ стоялъ ко мнѣ спиною.

Я остановилъ лошадь и спросилъ:

— Гдѣ бы мнѣ здѣсь повидать Антона Арефьева?

Работавшій въ огородѣ, не перемѣнивъ позы и даже не обернувшись ко мнѣ, продолжая свое дѣло, отвѣтилъ громкимъ и зычнымъ голосомъ:

— Весь тутъ, батюшка! Весь тутъ! Насчетъ рѣпы, что ли?

— Нѣтъ, — сказалъ я, — совсѣмъ по другому дѣлу.

Тогда мой собесѣдникъ довольно бодро всталъ, выпрямился, немного покряхтѣлъ и, щурясь и закрываясь отъ солнца рукою, подошелъ ко мнѣ.

Я рѣдко видѣлъ такого красиваго, я бы сказалъ,—„библейскаго“ старика.

Огромнаго роста, съ могучими плечами, съ лицомъ чисто русскаго типа, черными, еще живыми глазами и съ серебристой бородой чуть не до пояса.

Одѣтъ онъ былъ въ нѣчто вродѣ подрясника, а голову его покрывала маленькая суконная шапочка.

Онъ могъ бы свободно сойти за схимника. Не торопясь, подошелъ онъ ко мнѣ и спросилъ:

— Такъ въ чемъ же дѣло, батюшка?

— Да я къ вамъ въ родѣ какъ въ гости,—отвѣтилъ я.—Хотя и дѣло есть.

— Премного благодаренъ,—съ поклономъ сказалъ онъ,—всякому гостю радъ. Сойдите съ коня.. У меня сѣнцо найдется, да пойдемте ко мнѣ въ домикъ, коли не побрезгуете.

Я соскочилъ съ сѣдла. Арефьевъ сейчасъ же откуда-то досталъ охапку сѣна и положилъ ее подъ лошадь, которую мы подвели къ дому, гдѣ и привязали, а сами вошли въ него.

Домикъ Арефьева представлялъ изъ себя простой „сибирскій“ срубъ, сколоченный изъ толстыхъ стоячихъ бревенъ, и вмѣщалъ, кромѣ миниатюрныхъ сѣней, еще двѣ комнаты. Сперва мы вошли въ кухню, а потомъ въ комнату съ двумя окнами.

Въ кухнѣ стояла русская печь съ лежанкой наверху, большой самодѣльный столъ и деревянная скамья. Въ комнатѣ въ одномъ углу передъ нѣсколькими дешевыми иконами горѣла лампадка и стоялъ столъ со скамейками. Особенное вниманіе во мнѣ возбудилъ комодъ, очевидно, самодѣльный, съ тремя ящиками, весь разрисованный зеленой, красной и синей краской. Въ противоположномъ углу стояло что-то вродѣ кровати. Это были простыя деревянныя нары, но покрытыя сложеннымъ вдвое кускомъ грубаго солдатскаго войлока. На окнахъ вездѣ стояли горшки съ незатѣйливыми цвѣтами. Было очень чисто и вѣяло какимъ-то простымъ уютомъ. Но замѣчательнѣе всего было — множество клѣтокъ, повсюду развѣшенныхъ въ комнатѣ. Въ этихъ клѣткахъ непрерывно чирикали и пѣли маленькія птички, чижи, зяблики и др. Въ одной изъ нихъ сидѣлъ скворецъ, который, какъ только мы вошли, закричалъ:—Стыдно, Антоша! Стыдно!

— Ну, ну,—сказалъ Арефьевъ, смѣясь и подходя къ клѣткѣ,—молчи ужъ, знаю, что стыдно, да что при гостѣ срамить-то... Чѣмъ бы гостя угостить?—обратился онъ ко мнѣ.—Развѣ, пока что, чайку попить?

— Я бы выпилъ,—сказалъ я,—чай и сахаръ у меня есть съ собой.

— Да это все и у меня найдется, — возразилъ Арефьевъ.—Самовара вотъ у меня нѣтъ, но ки-

пьякъ есть, пойду орудовать. („Кипякомъ“—въ Сибири называютъ котелокъ, который вѣшаютъ въ русскую печь и въ которомъ варятъ чай).

— Я вамъ помогу,—предложилъ я, и мы оба вышли на кухню.

Здѣсь, къ моему удивленію, старикъ обратился вдругъ какъ бы къ печи и спросилъ:

— Ну, что, Силантычъ, все у тебя не ладится еще, опять ломить, что ли?

На лежанкѣ кто-то пошевелился. Оказалось, тамъ лежалъ закутанный въ полушубокъ чело-вѣкъ.

— Охъ, другъ мой,—застоналъ онъ сверху,— всю ночь въ ногахъ ломило!.. Умереть бы...

— Ну, ну, поспѣешь,—утѣшалъ Арефьевъ боль-ного,—сейчасъ тебѣ чайку поднесу, благо гость пріѣхалъ.

— Товарищъ...—сказалъ онъ обращаясь ко мнѣ,— больной... всѣ ноги ломить... жалко чело-вѣка, а недавно какимъ еще орломъ ходилъ!

Наливъ въ „кипякъ“ воды, онъ развелъ огонь и сказалъ:

— Къ чайку хорошо бы медку добыть. А у меня тутъ и ульи есть. Пчелками забавляюсь! Пойдемте, я вамъ покажу.

Мы вышли изъ домика.

Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ него у Арефьева была маленькая пасѣка.

— Вы дальше-то, пожалуй, не ходите. А то пчелы, чего добраго, заволнуются да и ужалят васъ. Меня-то они знаютъ...

Я присѣлъ на траву и смотрѣлъ издали, какъ старикъ возился съ пчелами, жужжавшими вокругъ него. Вдругъ я услышалъ сзади себя какой-то стонъ и, обернувшись, увидѣлъ старуху, лежавшую на землѣ. Подъ головой у нея была подушка, а покрыта она была какой-то рванью, замѣнявшей ей одѣяло. Указывая на старуху, я спросилъ подошедшаго ко мнѣ Арефьева:

— Кто это?

— Да вотъ, намедни подобралъ въ тайгѣ. Старушка Божія, сама не знаетъ, куда и что... ужъ очень плоха да дряхла, душа еле держится... Живетъ пока у меня. Сегодня вотъ вынесъ на солнышко, пусть, думаю, погрѣется.

— Что, Марья,—спросилъ онъ ее, —можетъ, на лежанку хочешь? Отнести, что ли?

Старуха молчала.

— Ну, ну, лежи. Сегодня щей сварю да шанегъ напеку (шаньги—сибирскіе хлѣбцы съ разной начинкой).

Мы вернулись въ домъ.

Чай успѣлъ уже вскипѣть, и Арефьевъ поставилъ на столъ „кипякъ“, медъ, тарелку съ костяникой (сибирская ягода) и большой каравай ржаного хлѣба.

Во время нашего чаепитія, я изложилъ хозяину мое дѣло, т. е. спросилъ его, не помнитъ ли онъ какихъ-нибудь пѣсенъ изъ тѣхъ, которыя пѣвались на Сахалинѣ.

Арефьевъ, не ломаясь, отвѣтилъ, что пожалуй, кое-что вспомнить, и прибавилъ:

— Я только сперва поставлю въ печку щи да запекую шаньги, а потомъ мы съ вами и позаймемся этимъ дѣломъ.

Когда мы кончили пить чай, онъ налилъ еще двѣ большія чашки и, унося ихъ съ собой, сказалъ:

— На минутку пойду къ своимъ...

Скворецъ ему вслѣдъ закричалъ:— „Стыдно Антоша!“—и я остался одинъ.

Осматриваясь кругомъ, я на полочкѣ возлѣ иконъ увидѣлъ большую старую книгу, очевидно, часто употребляемую. Это было русское Евангеліе, изданіе англійскаго Библейскаго общества.

— Почитываете?—обратился я къ вновь вошедшему Арефьеву.

— По вечерамъ читаю,—отвѣтилъ онъ.—Своимъ вслухъ читаю... Не безъ Бога же жить... Ну-съ,—сказалъ онъ,—пойду стряпать. А вы, пока что, или прогуляйтесь или полежите тутъ.

— Знаете что, я лучше буду вамъ помогать стряпать.

— Ну, что же,—согласился Арефьевъ,—и то дѣло.

Мы опять пошли въ кухню и начали „стряпать“.

Обѣдъ былъ скоро готовъ. Щи (грибныя) оказались очень вкусными. Кромѣ того, мы ѣли шаньги и печеныя рѣпы. Послѣ того, какъ мы пообѣдали и старикъ накормилъ „своихъ“, мы принялись за дѣло.

— Только, знаете что?—предложилъ старикъ,—выйдемте-ка на лужайку, а то въ комнатѣ скворецъ разбойникъ не дастъ мнѣ пѣть. Все время будетъ орать, что мнѣ „стыдно“. Этому его научилъ мой товарищъ.

Я взялъ карандашъ въ руки, вынулъ изъ кармана нотную бумагу, и мы сѣли „на лужокъ подъ липки“.

Многимъ я обязанъ Арефьеву,

Онъ спѣлъ мнѣ, правда, старческимъ, надтреснутымъ голосомъ, около 16 пѣсень. Настоящихъ, ярко-характерныхъ каторжныхъ пѣсень.

Кромѣ того, онъ спѣлъ мнѣ три айноскихъ пѣсни на айноскомъ же языкѣ (какъ я упоминалъ уже, онъ прожилъ около двухъ лѣтъ на Сахалинѣ у айносовъ).

Многія пѣсни ему пришлось повторить для меня по 5—6 разъ, что онъ охотно дѣлалъ. Во время

исполненія нѣкоторыхъ пѣсенъ онъ воодушевлялся, и все лицо его преображалось.

Когда мы кончили, я горячо поблагодарилъ его.

— Ну, пустяки,—сказалъ онъ,—и мнѣ вѣдь забавно вспомнить старое.

Было уже поздно, что-то около 6 часовъ вечера, когда мы кончили наше пѣніе, и я хотѣлъ ѣхать обратно въ Курганъ; но Арѣфьевъ настоялъ на томъ, что мы „еще разъ попьемъ чайку, а тамъ и поѣзжайте съ Богомъ“.

— Все горло засохло,—сказалъ онъ уходя востыся съ „кипякомъ“.

Немного погодя, мы опять сидѣли съ нимъ и пили чай съ медомъ. Исполнялъ онъ эту процедуру медленно, степенно, съ какой то важностью, а по окончаніи чаепитія тщательно вытеръ чашки полотенцемъ и перекрестился на образа.

— Вамъ не жестко здѣсь спать, Арѣфьевъ?—спросилъ я его, указывая на покрытыя войлокомъ нары.

— Здѣсь не я сплю,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—здѣсь спитъ мой товарищъ, а я ночую въ кухнѣ на лежанкѣ.

— Вотъ какъ,—удивился я,—за что такой почетъ вашему товарищу?

Онъ серьезно сказалъ:

— Товарищъ мой не то, что я... Онъ принялъ

муки за правду... А я получилъ, что слѣдовало мнѣ за свои пакости... А товарищъ мой—правильный человѣкъ! Не мнѣ чета.

— Да онъ политическій, что ли? — спросилъ я его.

Арефьевъ какъ-то подозрительно на меня покосился.

— Какъ вамъ сказать,—нерѣшительно произнесъ онъ,—онъ—человѣкъ правильный...

Тутъ на меня напало страстное желаніе узнать что-нибудь отъ Арефьева о его прежнихъ похощеніяхъ и кровавыхъ подвигахъ. Но на всѣ мои намеки и подходы Арефьевъ только отмалчивался и отвѣчалъ односложно: „Такъ-съ, да, гм“, и т. п. Наконецъ, онъ всталъ и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ съ какимъ-то особенно озабоченнымъ выраженіемъ лица.

Ходилъ, ходилъ и вдругъ остановился предо мною.

— Знаете... Я хотѣлъ васъ спросить... объ одномъ...—какъ-то робко и нерѣшительно произнесъ онъ.

— А что?—спросилъ я.

— Да вотъ видите ли,—замаялся старикъ,—вы, конечно, читали Евангеліе... Вотъ хочу васъ спросить... Вы человѣкъ образованный... если помните, тамъ сказано, что Христосъ общалъ разбойнику взять его къ себѣ въ рай. Какъ вы это понимаете,

т.е. какой это былъ разбойникъ: воришка просто, или —очень тихимъ голосомъ досказалъ онъ— прямо-таки убійца?..

— Ну, разумѣется, убійца,—сказалъ я. А то было бы сказано; воръ, грабитель, а тутъ совершенно ясно—разбойникъ. Значить, убійца.

Лицо его, какъ будто, просіяло, и, крѣпко пожимая мнѣ руку, онъ проговорилъ:

— И я такъ думаю!

Онъ опять началъ ходить взадъ и впередъ и опять вдругъ, остановившись предо мною, спросилъ:

— А какъ вы думаете, какой былъ самый тяжкій преступникъ на свѣтѣ?

Второй вопросъ моего экзамена я также разрѣшилъ блестяще, ибо отвѣтилъ:

— Надо полагать, что Іуда-Предатель.

— Умный вы человекъ, я вижу,—сказалъ онъ радостно,—и правильно рассуждаете.—И, подойдя вплотную ко мнѣ, тихо прибавилъ:

— И я былъ убійцей, но товарища никогда не выдавалъ.

Послѣ этого онъ надолго замолчалъ.

Во время нашего богословскаго диспута я не обратилъ вниманія, что почти совершенно стемнѣло, и уже началъ прощаться съ Арѣьевымъ, когда онъ предложилъ мнѣ остаться ночевать.

— Время позднее,—сказалъ онъ,—еще собьетесь

съ пути, да лихого народа и здѣсь не мало шатается. Право, ночуйте лучше!

Дѣйствительно, стало уже совсѣмъ темно, и я согласился.

Арефьевъ постлалъ для меня на нарахъ тюфякъ съ сѣномъ и, послѣ того, какъ мы еще немного посидѣли и поболтали на крыльцѣ, я вернулся въ комнату и началъ приготовляться къ ночлегу.

Но тутъ взяло меня раздумье. Какъ бы тамъ ни было, а ночую я у бывшаго каторжника, имѣющаго на своей совѣсти около десяти человѣкъ. А вдругъ въ немъ проснется старый звѣрь, и онъ присоединитъ и меня къ своей коллекціи? Тутъ и скворецъ напрасно будетъ кричать:— „Стыдно, Антоша!..“

И я придвинулъ раскрашенный комодъ къ двери, тщательно осмотрѣлъ всѣ окна и, вообще, забаррикадировалъ себя, какъ могъ. Подъ подушку положилъ револьверъ и рѣшилъ не засыпать вовсе.

Но усталость взяла свое, и я не замѣтилъ, какъ уснулъ.

Разбудилъ меня скворецъ своимъ крикомъ:— „Стыдно Антоша!..“ Я вскочилъ и въ просонкахъ схватился за револьверъ, но его подъ подушкой не оказалось.

А посреди́нѣ комнаты стоялъ Арефьевъ и ве-

село улыбался. Комодъ былъ придвинуть на старое мѣсто, на столѣ стоялъ „кипакъ“ съ чаемъ. Солнце весело играло въ открытое окно.

Я сконфуженно сказалъ Арѣьеву:

— Я вчера здѣсь, подѣ подушку, положилъ одну вещь...

— Знаю,—смѣясь перебилъ онъ меня,—пистолеть. Я побоялся, какъ бы вы ночью, нечаянно, вреда себѣ не сдѣлали... Я его осторожно изъподъ подушки и вынулъ. Вотъ онъ...

И онъ мнѣ подаль revolverъ.

— Не угодно ли,—сказалъ онъ, показывая на столъ съ чаемъ.

Я всталъ, одѣлся и, напившись чаю, простился со „злodeмъ на покой“.

На прощанье я предложилъ ему денегъ.

Онъ молча отвелъ мою руку.

— Спрячьте, — сказалъ онъ, — безъ нихъ проживу. А насчетъ моего товарища, — прибавилъ онъ, — тамъ, въ городѣ-то, лучше вамъ не распространяться.

На одно мгновеніе что-то грозное промелькнуло у него въ глазахъ.

— Я тоже не Іуда, — успокоилъ я его.

И поскакалъ обратно въ Курганъ.

VII.

Кусокъ мыла.

Это было въ кабинетѣ начальника каторжной тюрьмы.

Я чуть не цѣлый день провелъ въ тюрьмѣ, обходя камеры арестантовъ и бесѣдуя съ ними въ своей погонѣ за пѣснями.

Толстый и довольно добродушный начальникъ тюрьмы Адрианъ Федоровичъ самъ собирался уходить.

Прощаясь съ нимъ, я шутя сказалъ:

— Ну, теперь вы, значить, nach Hause, да и закусите какъ слѣдуетъ?

— Какой тамъ „закусите“!—воскликнулъ онъ.— Я сегодня нарочно пораньше пообѣдалъ, сейчасъ хочу заснуть часикъ-другой.

— Что вы!—удивился я.—Теперь еще 7 часовъ нѣтъ.

— А вы, что думаете, вѣдь мнѣ сегодня ночью и лечь-то не придется.

— Почему?—спросилъ я.

— Да вы развѣ ничего не знаете?—удивился, въ свою очередь, Адріанъ Федоровичъ. — Вѣдь Матохину-то кажутъ, вчера приговоръ былъ конфирмованъ, а сегодня на разсвѣтъ...—и онъ краснорѣчиво провелъ рукою кругомъ шеи.

— Да неужели...—я не договорилъ.

— Да-съ, голубчикъ, — подтвердилъ Адріанъ Федоровичъ, — Матохину на разсвѣтъ предстоитъ непріятная процедура... — Онъ помолчалъ и, немного погодя, прибавилъ:—А онъ про васъ спрашивалъ. Если хотите, я вамъ дамъ пропускъ.

— Пожалуйста, дайте,—попросилъ я.

Адріанъ Федоровичъ быстро написалъ мнѣ пропускъ къ Матохину, и я съ этой бумажкой вернулся обратно въ тюрьму.

Рѣшивъ посѣтить несчастнаго, я хотѣлъ узнать, быть-можетъ, у него есть какія-нибудь пожеланія передъ „этимъ“ или, можетъ быть, онъ хочетъ передать что либо своимъ близкимъ въ Россіи. Матохинъ былъ родомъ изъ г. Костромы,

Про него я зналъ только слѣдующее:

Матохинъ даже между каторжанами считался чѣмъ то исключительнымъ по своей жестокости.

Онъ вырѣзалъ съ товарищемъ въ Россіи цѣлую семью, причѣмъ не пожалѣлъ даже малолѣтнихъ дѣтей, а въ Сибири, во время побѣга, искромсалъ ножомъ, по его собственному признанію, болѣе 8 человѣкъ. Будучи вновь схваченъ, онъ былъ присужденъ къ безсрочной каторгѣ и состоялъ подъ особымъ наблюденіемъ. Это былъ человѣкъ еще не старый, лѣтъ 40—42, средняго роста, коренастый, съ черными вьющимися, какъ у негра, волосами и съ маленькими, острыми, вѣчно бѣгающими глазами. Матохинъ, вѣроятно, кончилъ бы свою жизнь просто на каторгѣ (бѣжать еще разъ ему уже не удалось бы—слишкомъ за нимъ внимательно смотрѣли), еслибъ не выкинулъ „штуки“, повергшей въ изумленіе всю каторгу.

Какъ-то, по окончаніи вечерней повѣрки. Матохинъ, безо всякой ссоры, такъ, здорово живешь, всадилъ ножъ прямо въ сердце одному изъ арестантовъ. Это убійство поразило всѣхъ своей нелѣпостью и бессмысленностью. Убитый имъ каторжанинъ былъ изъ другой камеры, и Матохинъ его почти не зналъ.

Спрошенный на судѣ о причинахъ убійства, онъ угрюмо молчалъ и, наконецъ, только отвѣтилъ:

— Такъ нужно... Нельзя было... Подошла моя пора...

Больше отъ него ничего не добились.

Арестанты были страшно озлоблены на Матохина за это убійство и своимъ судомъ рѣшили убить его, если онъ снова попадется среди нихъ.

А военный судъ присудилъ Матохина къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ уже былъ утвержденъ, и часы Матохина сочтены.

Вотъ все, что я зналъ о немъ.

Я пошелъ по мрачнымъ коридорамъ уголовного зданія тюрьмы, гдѣ меня встрѣтилъ старшій надзиратель.

— Вотъ,—сказалъ я,—пропускъ для меня въ камеру № 38.

— Пожалуйста. Я вамъ отворю и подожду около двери. Тамъ вѣдь у насъ птица сидитъ, настоящая... Если чуть что — вы только крикните...

Подойдя къ камерѣ № 38, надзиратель сперва взглянулъ черезъ „волчокъ“, а потомъ быстро отворилъ дверь.

Такъ какъ Матохинъ былъ „на особомъ положеніи“, то для него отвели одиночку. Камера была крошечная. Стояли тамъ нары, деревянный столикъ и деревянный стулъ. Больше ничего.

Было темно, такъ какъ лампъ въ коридорѣ еще не зажигали.

Когда я вошелъ, осужденный въ ручныхъ и

ножныхъ кандалахъ лежалъ на нарахъ. Онъ быстро поднялся на локтѣ, но узнавъ меня, сѣлъ. Я подошелъ къ нему.

— Здравствуйте, Матохинъ, — сказалъ я. — Что? Какъ? Здоровы?

— Здоровъ-то здоровъ, — отвѣтилъ онъ мнѣ, — но ежели пѣсень ищете, то проходите дальше. Моя пѣсенка спѣта.

— Боже! — подумалъ я. — И этотъ человѣкъ шутить.

— Да вы развѣ что-нибудь особенное узнали, Матохинъ? — осторожно спросилъ я его.

— Да особеннаго ничего... Но только меня, должно-быть, сегодня ночью вздернуть...

Я даже отшатнулся.

— Такъ что же, — продолжалъ Матохонъ, — это, по моему, правильно. Они бы попались мнѣ, я бы ихъ всѣхъ зарѣзалъ. Попался я имъ — они меня вздернуть. Чего прощѣ!

Онъ угрюмо замолчалъ.

— Но послушайте, Матохинъ, — началъ я. — Мнѣ смотритель сказалъ, что вы пожелали меня видѣть, т.-е. вы, по крайней мѣрѣ, спрашивали обо мнѣ. Ну, вотъ и скажите мнѣ на милость, для чего убили вы этого несчастнаго Беккера (такъ звали покойную жертву)? Хоть бы и на каторгѣ, а жили бы да жили, а тамъ кто знаетъ... Ну, скажите, для чего нужно это было дѣлать?

— Да такая ужъ вышла планида... Пришла пора...—заладилъ Матохинъ, какъ бы нехотя.

— Да перестаньте, — перебилъ я его. — Какая тамъ „планида“! Что за „пора“! Бросьте дурачиться, Матохинъ! Даю вамъ слово, что, если вы мнѣ все расскажете, я унесу вашу тайну съ собой въ могилу и никому ее не открою.

Онъ молчалъ.

— Можетъ-быть, у васъ были какіе-нибудь давнишніе счеты съ Беккеромъ? Да, наконецъ, можетъ-быть, вы ему, отомстили за какого-нибудь товарища?—допытывался я.

— Вотъ всё съ этимъ также и на судѣ ко мнѣ приставали. Скажи, да скажи! Вынь да положь! Тайна да тайна! А тайны тутъ никакой и нѣтъ. Беккера я почти что не знавалъ и сердца къ нему не имѣлъ. Подвернулся челоуѣкъ—и все тутъ. Не попадайся! — какъ-то грозно сказалъ Матохинъ.

— Но вѣдь это же дико! Нелѣпо! — вскричалъ я.

Онъ опять промолчалъ.

— Видите ли,—началъ онъ, наконецъ,—ясъ малолѣтства имѣю страсть къ этимъ дѣламъ. Отца и матери я не знавалъ. Мальчишкой по деревнямъ бѣгалъ, пріютъ имѣлъ, гдѣ пришлось. Рано у меня эти замашки проявились... Любилъ я шибко—взять хотя бы кошку или мышонка да

помучать... А то у таракана или, скажемъ, у бабочки то одну то другую ногу отрывать — потѣха! — бьется, да ничего сдѣлать не можетъ. А лѣтъ девять мнѣ было, какъ я ножичкомъ искромсалъ котенка. Ну, и смѣха тутъ было!.. Хоть и драли же меня за это! А тамъ и пошло... Людей-то я началъ рѣзать уже къ 20 годамъ, послѣ того, какъ въ Тулѣ служилъ на бойнѣ. Попался и пошелъ по Владиміркѣ. Ну, вотъ, нынѣшній годъ все чувствую себя неладно. Не сплю, не ѣмъ, да все какіе-то зеленые круги передъ глазами вертятся. Мутно стало мнѣ. Это, значить, приходитъ пора моя... крови бы... Ну вотъ и случилось дѣло... а противъ Беккера я ни-ни... Даже жаль, —сказываютъ, парень ничего былъ... А мнѣ послѣ этого точно полегчало, сплю хорошо, ѣмъ хорошо, будто камень съ меня упалъ. Знатно поправился.

— Боже мой, подумалъ я, —и этого человѣка вѣшаютъ, вмѣсто того, чтобы лѣчить!

— Скажите, Матохинъ, —спросилъ я его, —не говорилъ ли съ вами когда-нибудь докторъ?

Онъ даже ухмыльнулся.

— Да что я за баринъ такой! Плетями да розгами больше пользовали, —сказалъ онъ. —Сегодня, небось, и вытѣчатъ въ конецъ. Ну, спасибо, что зашли. Теперь бы мнѣ маленько соснуть.

Я понялъ, что ему не до разговоровъ, и сказалъ:

— Ну, до свиданія пока, Матохинъ.

— Нѣтъ ужъ, прощайте—отвѣтилъ онъ.

— Можетъ-быть, вы чего-нибудь особенно хотите или имѣете передать,—я бы съ удовольствіемъ...

— Да чего мнѣ еще желать... Кажись, все устроено по чести.—Развѣ бы... вотъ, если милость ваша будетъ... Сказывали, видите ли, что со мною вмѣстѣ выведутъ и товарищей—смотрите, молъ, чтобы неповадно было... такъ вотъ, боюсь, не сдрѣфить бы мнѣ... а то ребята смѣяться будутъ... Такъ вотъ, мнѣ водочки бы... такъ, знаете, для форсу, для куражу, что ли...

— Постараюсь достать,—сказалъ я и вышелъ изъ камеры.

Я рѣшилъ, во что бы то ни стало, исполнить желаніе Матохина и съ этой цѣлью пошелъ на квартиру сморителя.

На мой звонокъ самъ Адріанъ Федоровичъ отворилъ мнѣ дверь. Онъ былъ безъ кителя и немного удивился моему приходу.

— А я только что собирался прикурнуть,—встрѣтилъ онъ меня.

— Да я къ вамъ на одну минуту,—извинился я.

— Зайдите въ кабинетъ.

Я, не снимая своего плаща, пошелъ за нимъ.

— Ну, расскажите, въ чемъ дѣло. Видѣли его? —спросилъ онъ.

— Видѣлъ,—сказалъ я,—и вотъ я къ вамъ съ просьбой—разрѣшите, Адрианъ Федоровичъ, принести Матохину водки, такъ, для куражу.. Очень онъ объ этомъ просить.

— Да вы, голубчикъ, съ ума сошли!—вскричалъ Адрианъ Федоровичъ.—Развѣ я могу разрѣшить что-нибудь подобное? Вы же знаете, что водки и картъ въ тюрьмѣ ни-ни. Самъ могу попасть въ отвѣтъ. Я вамъ сейчасъ напишу опять пропускъ и вы зайдете къ Матохину и скажите ему, чтобы онъ объ этомъ и не думалъ.

Адрианъ Федоровичъ сѣлъ къ письменному столу, написалъ и передалъ мнѣ пропускъ. Потомъ онъ всталъ и, подходя къ окну, обернулся ко мнѣ спиной и, смотря на улицу, равнодушнымъ тономъ заговорилъ:

Вы-то человѣкъ корректный и этого не сдѣлаете, но, если бы вы были человѣкомъ не корректнымъ, то все равно надули бы меня. Вотъ, напримѣръ, у меня въ передней на окнѣ стоитъ, какъ разъ, эдакій, знаете, флаконъ... Вы, уходя сейчасъ, могли бы его стибрить и спрятать подъ плащомъ... да и пронести Матохину. Я бы, конечно, объ этомъ ничего не узналъ. Но, вы, понятно, этого не сдѣлаете...—тихо закончилъ онъ.

Я подошелъ къ нему и крѣпко пожалъ ему руку.

— Конечно, я этого не сдѣлаю.

— Ну васъ къ чорту! — какъ-то плаксиво и между тѣмъ смѣясь, сказалъ онъ мнѣ. — Ступайте. Прислугу я сегодня отослалъ. Я самъ запроу за вами.

Черезъ пять минутъ я былъ у Матохина, передалъ ему живительную влагу и уже собирался уходить, какъ онъ мнѣ сказалъ:

— Если вамъ не будетъ противно, то приходите сегодня ночью... Мнѣ, какъ будто, веселѣе будетъ...

— Что же, — отвѣтилъ я, — если можно будетъ, т. е. если пустять, я приду, разъ вамъ этого хочется.

Я вышелъ изъ тюрьмы и отправился домой.

Часамъ къ десяти вечера я поѣхалъ въ клубъ. Какъ разъ тамъ былъ „семейный вечеръ“, и уже съ улицы слышны были веселые звуки оркестра. Было свѣтло, тепло и послѣ тюрьмы какъ-то особенно уютно. Масса нарядныхъ дамъ и барышенъ и около нихъ, какъ пчелки около меда, увивающіеся молодые коллежскіе регистраторы и ассессоры.

Когда я вошелъ въ залъ, какъ разъ танцовали послѣднюю фигуру кадрили. Молоденькій поручикъ дирижировалъ танцами и выказывалъ

массу рвенія. Онъ со сдвинутыми бровями выкрикивалъ:

„Balancez vos dames! Messieurs en avant“! и т. д.

Я прошелъ въ карточную комнату, гдѣ за зеленымъ полемъ уже занимались дѣломъ почтенные обыватели.

Только началъ я здороваться со знакомыми, какъ подбѣжалъ ко мнѣ тюремный врачъ Іоганнъ Карловичъ.

Іоганъ Карловичъ, добродушный и веселый нѣмецъ среднихъ лѣтъ, толстый и всегда въ духѣ, былъ очень популяренъ въ городѣ и пользовался репутаціей отличнаго врача.

— Пожалста, пожалста, eine kleine партія—беря меня за руки и уводя куда-то, сказалъ онъ мнѣ —Одинъ партнеръ не хватаетъ. Вы какъ разъ пришли во время. Kommen sie!

И онъ меня увелъ къ столу, у котораго уже стояли готовые къ бою два господина. Онъ меня познакомилъ съ моими партнерами, причемъ, представляя меня, смѣясь, добавилъ: — „Великій музыкеръ“.

Мы сѣли. Іоганнъ Карловичъ какъ-то особенно виртуозно распечаталъ колоду картъ, и начался неизбѣжный винтъ. Послѣ шести рсберовъ онъ предложилъ сыграть еще три „разгонныхъ“, на что всѣ охотно согласились.

Во время предпоследняго робера жена и дочь доктора вошли въ карточную комнату и направились къ нему. Дочка Иоганна Карловича, маленькая бѣлокурая вѣмочка, подошла къ столу и сказала:

— Vergiss nicht Papachen... heute Nacht... Du weiss doch... (Не забудь, папаша, сегодня ночью... ты знаешь...).

На что Иоганнъ Карловичъ ей отвѣтилъ:

— Natürlich, Kindchen... es'ist noch viel Zeit! (Конечно, дѣточка. Еще есть время).

Дамы ушли, и я спросилъ доктора:

— Вы сегодня заняты, должно-быть—тамъ... въ тюрьмѣ.

— Да,—отвѣтилъ онъ серьезно. Fatale Geschichte, а ѣхать надо.—Я, вѣдь, служебный человекъ...

— Я тоже собираюсь,—сказалъ я,—пойдемте вмѣстѣ.

— Sehr gut,—согласился онъ.—Вамъ ходить, Петръ Ивановичъ,—обратился онъ къ партнеру, и игра продолжалась.

Около часа ночи мы съ докторомъ поужинали (его дамы уѣхали домой раньше), а въ два часа, посмотрѣвъ на часы, онъ сказалъ:

— Пора ѣхать. Это не близко.

Мы вышли изъ клуба, взяли извозчика и око-

ло 3 часовъ утра подъѣхали къ тюремнымъ воротамъ.

Я послалъ черезъ дежурнаго надзирателя записку къ Адриану Федоровичу съ просьбой дать мнѣ пропускъ, и черезъ 10 минутъ мы уже входили на тюремный дворъ, гдѣ должна была совершиться казнь.

Было еще совсѣмъ темно, и только на востокѣ еле-еле виднѣлась бѣленькая полоска, обѣщавшая скорый восходъ солнца. На деревѣ, единственномъ здѣсь, уже пѣла какая то птичка. На тюремномъ дворѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ мрачными высокими стѣнами, я замѣтилъ взводъ солдатъ съ унтеръ-офицеромъ. Они были съ ружьями, но стояло „вольно“. Около солдатъ спиною ко мнѣ стоялъ офицеръ и о чемъ-то говорилъ съ Адрианомъ Федоровичемъ. Офицеръ какъ разъ обернулся, и я узналъ молоденькаго поручика, усерднаго дирижера танцевъ въ клубѣ. Онъ, видимо страшно, торопился сюда, такъ какъ даже не успѣлъ, снять голубой шелковой розетки танцевальнаго дирижера.

На выступѣхъ стѣны между кухней и прачешной положена была толстая перекладина, а на перекладинѣ болталась довольно длинная, и, какъ мнѣ показалось, тонкая веревка. Подъ перекладиной стояла длинная деревянная скамейка.

Адрианъ Федоровичъ подошелъ къ намъ и по-

здоровался со мной и съ докторомъ. Выраженіе его лица было необыкновенно серьезно и сосредоточенно.

— Что-то свѣжо, — сказалъ онъ, поднимая воротникъ своего пальто и знакомя меня съ поручикомъ.

Это былъ совсѣмъ молоденькій офицеръ съ розовыми щечками, носившій пенснэ.

Мы всѣ молчали.

Немного погодя я услышалъ, какъ кто-то подѣхалъ къ тюремнымъ воротамъ, и вскорѣ на дворъ вошли два господина — въ военномъ платьѣ.

— Ну, вотъ и всѣ въ сборѣ, — произнесъ серьезно Адріанъ Федоровичъ.

Онъ познакомилъ меня съ пришедшими: — прокуроръ С. и членъ суда г. Н.

— А батюшка гдѣ же? — спросилъ Адріанъ Федоровичъ старшаго надзирателя, проходившаго мимо.

— Батюшка тамъ, — отвѣтилъ надзиратель, — онъ уже давно тамъ, ваше благородіе, должно скоро выйдетъ.

— Ну, что же, подождемъ маленько, — сказалъ Адріанъ Федоровичъ, посматривая на часы.

Черезъ пять минутъ изъ двери, ведущей въ казарму каторжанъ вышелъ священникъ съ пса-

ломщикомъ. Послѣдній осторожно несъ что то завернутое.

Батюшка подошелъ къ намъ.

— Ну, что, батюшка? — спросилъ членъ суда послѣ того, какъ мы всѣ поздоровались съ нимъ — Какъ идутъ дѣла? Исповѣдали?

— Исповѣдалъ и причастилъ, — отвѣтилъ священникъ, еще не старый и плотный человѣкъ съ окладистой бородой, — все въ порядкѣ. Похоже, что смягчился маленько.

— Ну, и слава Богу, — сказалъ членъ суда, — все пойдетъ, значить, по - хорошему... тихо, смирно.

— А что Елизавета Григорьевна? — спросилъ онъ опять священника. — Все еще не поправляется?

— Какой тамъ поправляется, — вздохнулъ батюшка. — Горе мнѣ съ нею, все маюсь... главное дѣло въ опухоли—одинъ день будто меньше, анъ глядишь, на другой — яко смоква, а все Іоганъ Карловичъ рѣзать не хочетъ.

— Придетъ время, — сказалъ докторъ, — и съ ножомъ приду, а пока - покой и діета.

— Ну, дастъ Богъ, поправится, — сказалъ членъ суда.

Въ это время загремѣли гдѣ-то кандалы, и изъ воротъ казармы вышло человѣкъ двадцать ка-торжанъ съ надзирателями.

Ихъ подвели и поставили противъ перекладины на противоположной сторонѣ отъ солдатъ.

Тогда священникъ обратился къ Адріану Федоровичу и сказалъ:

— Ну, мое дѣло кончено. Не подабаеть мнѣ больше здѣсь пребывать. Доброй ночи, господа.— И онъ ушелъ черезъ тюремныя ворота.

— Дежурный! — крикнулъ Адріанъ Федоровичъ.— Вывести Шишкова.

— Кто это Шишковъ?—потихоньку спросилъ я стоявшаго близъ меня надзирателя.

— Это, ваше благородіе, палачъ, — также тихо отвѣтилъ онъ мнѣ,—тоже изъ каторжныхъ.

Становилось жутко.

Между тѣмъ, уже почти совсѣмъ разсвѣло, и я ясно могъ разглядѣть Шишкова, который вмѣстѣ съ двумя надзирателями вышелъ изъ казармы и направился къ перекладинѣ. Это былъ крѣпко сложенный человѣкъ въ арестантской курткѣ, но безъ кандаловъ, лѣтъ около 45, весь какой-то бѣлобрысый, и съ красными глазами, какъ у альбиносовъ. Скулы у него необыкновенно выдавались.

— Шишковъ! — окрикнулъ его Адріанъ Федоровичъ.

Шишковъ быстро подошелъ.

— Смотри ты у меня, чтобы все было въ порядкѣ, безъ фокусовъ. А то помнишь, прошлый

разъ?.. Да что говорить!.. По тебѣ давно уже розга сучаетъ.

— Да помилуйте, ваше благородіе, почитай весь день работалъ! Все въ порядкѣ. Не впервые, ваше благородіе,—отвѣтилъ Шишковъ.

— Ну, пошелъ! — перебилъ его смотритель и громко произнесъ по направленію къ казармѣ:

— Вывести Матохина.

Тутъ мы всѣ, неизвѣстно почему, сняли шляпы и фуражки.

Я еще замѣтилъ одно: хотя мы всѣ, здѣсь присутствовавшіе, были страстными курильщиками, но никто не курилъ. Было, какъ будто, неловко. Докторъ вынулъ было портсигаръ, но, увидя, что никто не курить, убралъ его обратно въ карманъ.

На крыльцѣ казармы, въ сопровожденіи надзирателя, показался Матохинъ, все еще въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ.

Онъ былъ какъ-то неестественно красенъ, но шелъ довольно твердо, смотря исподлобья кругомъ себя.

Шишковъ перешелъ къ Матохину и, взявъ его подъ мышки, подвелъ къ перекладинѣ.

А барабаны трещали.

Подъ перекладиной онъ съ Матохинымъ оставился, пощупалъ веревку и вдругъ началъ что-то искать. Искалъ онъ и на землѣ, и у себя,

но, повидимому, не находилъ того, что ему было нужно, и вдругъ подбѣжалъ къ Адріану Федоровичу.

— Ваше благородіе,—скоро и прерывисто заговорилъ онъ,—что-то неспособно... нечѣмъ намылить веревку-то... Былъ кусокъ мыла, запамятовалъ куда дѣлъ... Прикажите выдать кусокъ мыла...

— Что я тебѣ, подлецъ, прикажу выдать розогъ, это ужъ, навѣрное,—сказалъ ему Адріанъ Федоровичъ и подошелъ къ поручику.

Барабаны замолкли и смотритель, обращался къ арестантамъ, сказалъ:

— А ну-ка, ребята, кто-нибудь изъ васъ пусть сходить въ казарму, да принесетъ кусокъ мыла.

Никто не тронулся.

— Что же дѣлать,—пожалъ онъ плечами.—Дежурный!—сказалъ онъ, обращаясь къ старшему надзирателю:—я тебѣ напишу сейчасъ записку къ Лечинскому. Разбуди его, пусть немедленно выдастъ въ счетъ канцеляріи кусокъ мыла,—и онъ на колѣнѣ написалъ записку, съ которой надзиратель быстро исчезъ.

Мы, т.-е я, членъ суда, прокуроръ и докторъ, оставаясь въ нашемъ углу, потихоньку ругали порядки, заставляющіе Матохина мучиться хотя бы нѣсколько минутъ лишніхъ.

Адріанъ Федоровичъ громко ругался по адресу

Шишкова и обѣщалъ задать ему „такую баню, что небу жарко станетъ“.

Но громче всѣхъ ругался самъ Матохинъ. Онъ зналъ, что ему все равно терять нечего.

— Черти полосатые!—кричалъ онъ.—И повѣсить-то человѣка толкомъ не умѣете. Давно могли бы, небось, покончить дѣло. Разбудили меня, чортъ знаетъ когда! Вы-то!—кричалъ онъ поручику—стеклышки носите передъ глазами, а что надо, и не видите.—Да и его благородію (онъ указалъ на Адріана Федоровича), небось, дрыхать хочется, а ты тутъ и сиди.

— Молчать!—пробовалъ остановить его поручикъ, но Матохинъ не унимался и продолжалъ неистовствовать.

Поручикъ краснѣлъ и ершился, а Адріанъ Федоровичъ нервно ходилъ взадъ и впередъ. Тогда поручикъ подошелъ къ зрителю и сказалъ:

— Не забить ли въ барабаны?.. Заглушить негодяя.

— Да для чего?—возразилъ Адріанъ Федоровичъ.— Въ сущности, вѣдь онъ правъ...

Наконецъ Матохинъ, какъ будто, утихъ (должно быть усталъ) и присѣлъ на скамейку подъ перекладиной. Рядомъ съ нимъ усѣлся и Шишковъ.

— Эхъ, хоть покурить бы дали!—сказалъ Матохинъ.

Шишковъ сейчасъ же вынулъ изъ кармана табакъ и высыпалъ себѣ на ладонь. Затѣмъ онъ откуда-то досталъ кусочекъ газетной бумаги и свернулъ двѣ „цыгарки“—одну для себя, а другую для Матохина. Такъ они рядышкомъ на скамейкѣ сидѣли и покуривали.

— А я сегодня видѣлъ Федю Ядренаго,—вдругъ обратился Шишковъ къ Матохину.—Изъ окна видѣлъ, мимо ходилъ.

— Да что ты?—съ живостью спросилъ Матохинъ.—И что же?

— Да я почему знаю,—отвѣтилъ Шишковъ,—сказываютъ, опять съ Катей валандается...

— Счастливъ его Богъ!—угрюмо проговорилъ Матохинъ. Встрѣтитъ бы мнѣ его—свелъ бы счеты.

Тутъ они начали о чемъ-то тихо шептаться, будто два пріятеля.

Вдругъ, какъ-то сразу, между ними появился надзиратель и протянулъ Адріану Федоровичу пакетъ.

— Передай Шишкову,—сказалъ ему смотритель.

Надзиратель отдалъ пакетикъ Шишкову. По ручикъ опить скомандовалъ:—Смирно! Бараб. щики вперед!

Солдаты подтянулись, затрещали ба абаны, а Шишковъ все возился съ веревкой.

Наконецъ, онъ вынулъ изъ за пазухи какой то небольшой мѣшокъ. Это была бѣлая холщевая маска, вродѣ тѣхъ, которыя носятъ капуцины, съ большими дырами для просовыванія рукъ. Эту маску, такъ сказать, полу-саванъ онъ хотѣлъ было надѣть Матохину на голову, но тотъ отстранилъ его и что-то сказалъ. За трескотней барабановъ ничего не было слышно.

Шишковъ помогъ Матохину встать на скамейку,—тому съ кандалами было трудно на нее подняться,—тщательно надѣлъ ему на шею петлю, и для этого даже самъ влѣзъ рядомъ съ осужденнымъ.

Затѣмъ онъ быстро соскочилъ внизъ и выдернулъ скамью изъ-подъ ногъ Матохина...

Я отвернулся...

Можетъ быть, прошло съ полминуты, когда я опять взглянулъ туда.

Глаза повѣшеннаго стали стеклянными, лицо приняло какое-то странное, какъ будто удивленное выраженіе, а пальцы рукъ быстро, быстро перебирали что-то...

И въ то же время я почувствовалъ острую боль въ правой рукѣ. Это, стоящій рядомъ со мною членъ суда, судорожно схвативъ мою руку ногтями, сжалъ ее до крови.

— Смотрите, --шепталъ онъ,--пальцы... пальцы...

— Пустите, ради Бога, — чуть не крикнулъ я, — мнѣ больно.

Докторъ, стоявшій неподалеку отъ насъ, отвернулся и, плюнувъ, только сказалъ: „Tfiu, Teufel!“

Со мной сдѣлался какой-то столбнякъ. Я не хотѣлъ смотрѣть туда и все-таки смотрѣлъ.

Пришелъ я въ себя черезъ минуту 15, увидѣвъ доктора съ часами въ рукахъ, стоявшаго около повѣшеннаго: онъ ощупалъ его сердце и пульсъ и потомъ сказалъ что-то поручику.

Поручикъ сдѣлалъ саблей знакъ барабанщикамъ, и барабаны замолкли. Затѣмъ онъ вложилъ саблю въ ножны.

А Юганнъ Карловичъ громко произнесъ:

— Долинквентъ уже умираетъ!..

— Можно снять, Шишковъ! — крикнулъ Адрианъ Федоровичъ. — Сними скорѣе!

Шишковъ, съ ловкостью обезьяны взобрался на перекладину, чтобы распутать веревку.

— Чего копаешься? — заоралъ на него смотритель. — Отрѣжь, и все тутъ!

— Чего портить веревку-то, ваше благородіе — возразилъ Шишковъ, — веревка хорошая, еще пригодится.

Солнце уже возшло, и какъ разъ его лучи падали на лицо Матохина. То же удивленное и странное выраженіе оставалось на немъ.

Два солдата откуда-то принесли деревянный гробъ.

Уложили туда трупъ.

Прокуроръ и членъ суда подписали какую то бумагу и вручили ее поручику, при этомъ прокуроръ сказалъ:

— Часовъ въ 10 вы пойдете съ докладомъ, г-нъ поручикъ.

Тотъ, взявъ бумагу, молча поклонился.

При этомъ я замѣтилъ, что поручикъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и подбородокъ его дрожалъ.

— Ну, пора! Kommen Sie!—сказалъ докторъ.— Пойдемте, господа.

Мы все простились съ Адрианомъ Федоровичемъ и вышли изъ тюрьмы.

Было что-то около 5 часовъ утра, когда мы, т.-е. прокуроръ, членъ суда, докторъ, поручикъ и я вышли изъ тюрьмы.

Солнце свѣтило ярко на голубомъ небѣ. Все обѣщало хорошій день. Мы спустились съ горы, на которой стоитъ тюрьма, внизъ, въ городъ. Дорога наша шла все время берегомъ.

Въ кустахъ пѣли птички, а по рѣкѣ подымался отъ воды паръ. Шли мы молча.

Я поглядывалъ на поручика. Онъ шелъ, словно пьяный, и вдругъ зашатался и остановился.

Я подошелъ къ нему и спросилъ:

— Что съ вами? Не дурно ли вамъ?

— Нѣ-ѣтъ, это такъ... пройдетъ, — отвѣтилъ онъ — много, знаете, танцоваль сегодня... вотъ и голова немного кружится...

— Ну, ну, молодой человѣкъ, — сказалъ добродушно докторъ, — какая такая голова кружится, какъ у молодой фрейлейнъ?

Поручикъ немного оправился, и мы пошли дальше.

— Что-то спать не хочется, — сказалъ прокуроръ. — Самый лучшій сонъ уже пропалъ.

— Да и зрѣлище такого сорта, — замѣтилъ членъ суда, — что, пожалуй, и не заснешь.

Я же чувствовалъ во всемъ тѣлѣ какой-то ознобъ и простодушно сказалъ.

— Я бы съ наслажденіемъ сейчасъ выпилъ бы чего-нибудь эдакого...

— А знаете ли, господа, — вдругъ остановился членъ суда, — у меня есть коньякъ... я вамъ доложу, не коньякъ, а сливки. Живу я сиротой, — холостякомъ... Дойдемте ко мнѣ, выпьемъ, да кстати, — робко сказалъ онъ, — устроимъ эдакій утренникъ... Знаете... три робера, не больше... Все равно, спать вѣдь никто не будетъ послѣ этого.

— Я, сказалъ прокуроръ, — всегда считалъ васъ, Иванъ Федоровичъ, за геніальнаго человѣка и съ радостью принимаю ваше предложеніе.

Докторъ, поручикъ и я подтвердили лестное мнѣніе прокурора, и прибавивъ шагу, мы скоро дошли до дома члена суда.

— Я прислуги будить не стану, — сказалъ онъ, — сами будемъ хозяйничать.

И онъ, вынувъ изъ кармана ключъ (причемъ руки у него почему-то дрожали, и онъ долго не могъ попасть въ замокъ), отперъ дверь.

Мы вошли. Раздѣлились въ передней и черезъ гостиную прошли въ кабинетъ.

— Располагайтесь, какъ дома, господа, — радужно предложилъ намъ Иванъ Федоровичъ. — Я сейчасъ достану...

Онъ принесъ двѣ бутылки коньяку, откупорилъ ихъ, и поставилъ на столъ.

Я не переставалъ наблюдать за поручикомъ. Онъ все время не говорилъ ни слова и, войдя въ квартиру члена суда, усѣлся въ гостиной. Онъ былъ все также блѣденъ и бессмысленно смотрѣлъ въ пространство.

Когда поставили коньякъ на столъ, онъ молча всталъ, налилъ и залпомъ выпилъ два большихъ стакана коньяку.

Затѣмъ возвратился въ гостиную и, опять-таки не говоря ни слова, сѣлъ на прежнее мѣсто.

Обратившись къ Ивану Федоровичу, я сказалъ:

— Если мы будемъ играть въ карты, то не позволите ли мнѣ сначала вымыть руки?

— Пожалуста, — сказалъ любезно хозяинъ, — тамъ, въ спальнѣ, все есть. — И, войдя въ гостинную, онъ обратился къ поручику:

— Можетъ быть, и вы, господинъ поручикъ, желаете умыться? Тамъ все есть въ спальнѣ, полотенцѣ и мыло...

— Поручикъ вдругъ вскочилъ. И еще больше поблѣднѣлъ.

— Какъ вы смѣете, — закричалъ онъ, — меня оскорблять. Я честный офицеръ, а не палачъ... Мнѣ вашего мыла не надо... Не смѣйте дѣлать подобныхъ намековъ!..

И онъ кулакомъ ударилъ по столу такъ, что лампа, стоявшая на немъ, упала на полъ и разбилась въ дребезги.

Мы всѣ выбѣжали въ гостинную.

— Помилуйте, поручикъ... какой тутъ намекъ... — сказалъ оторопѣвшій членъ суда. — Я и не думалъ...

Но поручикъ уже вышелъ въ переднюю, еще разъ крикнувъ:

— Вы мнѣ за это дадите еще удовлетвореніе!..

Съ этими словами онъ отворилъ дверь и ушелъ.

Мы всѣ молча переглянулись.

— Молодой человѣкъ, очевидно, пьянъ, — сказалъ прокуроръ. — Вѣдь онъ хватилъ сразу два стакана.

— Гм, — сказалъ докторъ, — хорошо, если только

пьянъ. Я боюсь, что здѣсь etwas anderes (что-то другое).

Мы какъ-то всё осовѣли и рѣшили отложить нашу игру до слѣдующаго раза. Скоро разошлись.

Черезъ нѣсколько дней я встрѣтилъ въ клубѣ Іоганна Карловича.

— А поручикъ то нашъ, — началъ онъ. — Вы помните?.. Сегодня его видѣлъ... онъ у насъ въ больницѣ, горячка у него... Все бредить... То grand gond'омъ, то мыломъ...

Въ калейдоскопѣ человѣческихъ типовъ едва ли гдѣ-либо въ другой странѣ найдется что-нибудь похожее на сибирскаго бродягу.

Французскій „Vagabond“ или нѣмецкій „Landstreicher“ даже, приблизительно, къ нему не подходятъ.

Французскій бродяга, такъ сказать, „временно исполняющій должность“ бродяги.

Это человѣкъ, временно бродяга, безработный.

Завтра найдется для него работа и онъ сдѣлается немедленно самымъ обыкновеннымъ гражданиномъ.

А въ Германіи, еще не такъ давно, „Wandernde Bursche“ считались по закону вполне легальными, т. е. молодой ремесленникъ нѣсколько лѣтъ бродяжилъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

И теперь, нѣмецкій бродяга въ большинствѣ

случаевъ только человѣкъ временно безработный. При высокой культурѣ Западной Европы такой бродяга всегда скоро найдетъ себѣ занятіе.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ сибирскими бродягами.

Въ огромной Сибири, превосходящей по пространству всю Европу, почти нѣтъ ни фабрикъ, ни заводовъ.

Золотые прииски сравнительно рѣдки и огромное количество бродягъ (около 20,000 человѣкъ) безъ цѣли и безъ дѣла шатаются по тундрамъ и тайгѣ.

Да кромѣ того, надо помнить, что 95% сибирскихъ бродягъ, составляютъ бѣглые каторжники, при этомъ всѣ уголовные. („Политическій“ каторжанинъ, если ему удастся бѣжать съ каторги, въ Сибири, конечно, не останется. Онъ почти всегда—съ помощью извнѣ—черезъ Японію, переберется въ Европу). Обыкновенно, весною, когда каторжанъ гоняютъ на „вольныя“ работы (въ каменоломни, на исправленіе дорогъ и т. п.), они стараются уловить моментъ „зѣванія“ конвойныхъ и—удираютъ.

Лѣтомъ—бѣглый скитается по тундрамъ и тайгѣ или, въ рѣдкихъ случаяхъ, нанимается въ работники къ крестьянину.

Днемъ, бродяга, обыкновенно, прячется въ тайгѣ и только ночью выходить къ селеніямъ, гдѣ

сердобольныя сибирячки выставляютъ для него на подоконники молоко и хлѣбъ.

Часто въ Сибири рѣпа и картофель сѣются около большой дороги съ тѣмъ расчетомъ, чтобы бродяги могли ими пользоваться. Все это дѣлается не столько изъ человѣколюбія, какъ изъ чувства самосохраненія, ибо голодный бродяга готовъ спалить селеніе, зарѣзать скоть, а, если надо, то и человѣка.

У крестьянъ, или, какъ ихъ бродяги презрительно называютъ „желторотыхъ чалдоновъ“, они очень неохотно работаютъ. Сибирскій крестьянинъ безбожно эксплуатируетъ трудъ такого „работника“ и вмѣсто денегъ, обыкновенно платитъ ему „саватейками“, родъ лепешекъ изъ грубой, простой муки“. По этому поводу, у бродягъ даже сложилась пѣсня:

„Отъ крестьянскихъ савотеекъ
Мнѣ все брюхо подвело“.

Но вотъ наступаетъ холодная осень съ бурями и снѣгомъ.

Тайга становится негостепримной.

И тогда бѣглый является часто самъ въ каторгу (но не въ ту, съ которой бѣжалъ), заявляетъ, что онъ бѣглый, но не помнитъ, кто онъ и откуда.

Получивъ положенное по закону количество

ударовъ розгами, онъ водворяется на каторгѣ до будущей весны, когда опять бѣжить.

Это, такъ сказать, формулярный списокъ сибирскаго бродяги.

Нѣкоторые бродяги настолько здоровы и сильны, что мерзнуть зимою въ тайгѣ и тундрѣ и скитаются годами по Сибири.

Въ тюрьмѣ, у арестантовъ такіе бродяги пользуются огромнымъ уваженіемъ и, обыкновенно, дѣлаются „Иванами“, т. е. старшиной въ камерѣ. Ихъ слово для остальныхъ арестантовъ—законъ, особенно для „шпанки“, т. е. младшихъ членовъ каторги.

Но есть и другой типъ сибирскаго бродяги. У человѣка вышелъ въ Россіи конфликтъ съ правосудіемъ и онъ бѣжить, куда глаза глядятъ. Быть-можетъ, даже онъ никогда и въ тюрьмѣ не сидѣлъ и вотъ, „переваливъ Уралъ“, начинаютъ скитаться по Сибири! Но это типъ, сравнительно, рѣдкій.

Совершенно исключительный же типъ представляетъ собой, какъ я сказалъ, сибирскій бродяга.

Отъ него вѣетъ чѣмъ-то страшнымъ, а отъ нѣкоторыхъ съ ихъ блѣдными лицами и глубоко ввалившимися глазами, отдаетъ даже чѣмъ-то мистическимъ.

Міросозерцаніе у этихъ людей самое простое.

Они кромѣ себя никого и ничего на свѣтѣ не признають.

Въ одной изъ ихъ пѣсенъ поется:

„Я всѣмъ чужой“.

И все тутъ.

За нѣсколько копѣекъ или за какую-нибудь ветошь онъ не только зарѣжетъ перваго встрѣчнаго, но и товарища своихъ долгихъ скитаній.

Таковъ здѣсь неумолимый законъ жизни.

Если я въ своихъ разсказахъ описываю нѣкоторыя исключенія, то именно потому, что они невѣроятно рѣдки.

Иной разъ, бродяги цѣлый мѣсяцъ голодаютъ (особенно зимой) и, по этой части, я увѣренъ, дадутъ индусскимъ факирамъ нѣсколько очковъ впередъ.

Чѣмъ они „живутъ“—это тайна, которую знаетъ развѣ темная ночь, молчаливая тайга и, пожалуй, большая дорога, гдѣ имъ изрѣдка удастся ограбить проѣзжаго купца или чиновника.

Непримиримыми врагами бродягъ являются киргизы и буряты, особенно послѣдніе. Они за ними охотятся, какъ за звѣрями и ловятъ ихъ длинной веревкой—вродѣ лассо,—потому что на бродягу буряты жалѣютъ тратить свой зарядъ.

Больше всего бродягъ скитаются у Байкала, гдѣ у нихъ есть кое-какіе притоны и пристанища.

Эти притоны функционируют подь названіемъ „харчевни“, а по-сибирски „Пивникъ“. (Содержать ихъ, конечно, такіе же бывшіе бродяги или каторжники).

Будучи на восточномъ берегу Байкала, я остановился въ киргизской деревнѣ Ишъ-Куль.

Она расположена около самаго берега озера. Жители занимаются, главнымъ образомъ, ловлею омулей (спеціальная байкальская рыба). Остановился я у самаго „Ю-тур-я“, т. е. старшины и, конечно, расспрашивалъ его насчетъ бродягъ. Онъ мнѣ разсказалъ, что къ ихъ деревнѣ они боятся подходить—„многи, многи ихъ тють пото-пила моя“,—но что верстахъ въ 8 существуетъ въ тайгѣ „Пивникъ“, въ которомъ они, должно быть, собираются... Содержатель „пивника“ какой-то „Безклювый“, покупаетъ краденое и промышляетъ „желтой пшеницей“, т. е. контрабанднымъ золотомъ, тайно вывозимымъ съ пріисковъ.

Меня, конечно, эти разсказы соблазнили, и я рѣшилъ отправиться въ гости къ этому „Безклювому“. (Не заключетъ же меня „Безклювый“!). Надѣвъ высокіе сапоги, рваную поддевку, старую фуражку, взявъ въ лѣвый карманъ возможно больше мелкихъ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, и въ правый положивъ револьверъ, я, какъ-то рано утромъ, двинулся въ тайгу. Такъ какъ

я рассчитывалъ услышать пѣсни, то прихватилъ съ собой карандашъ и нотную бумагу.

Обыкновенно, при встрѣчахъ съ бродягами, я самъ выдавалъ себя за бѣглаго и, во всякомъ случаѣ, выглядѣлъ въ своемъ нарядѣ достаточно подозрительно, — однимъ словомъ, я могъ возбудить довѣріе у бродяги.

Киргизы, довольно складно, описали мнѣ дорогу, и я шелъ по лѣсной тропинкѣ довольно увѣренно.

Выйдя изъ лѣсу на поляну, я вдругъ увидѣлъ сидящаго на ней человѣка.

Старенькій, маленькаго роста и подслѣповатый, этотъ человѣкъ былъ совершенно голъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ въ этотъ моментъ занимался „охотою“, — съ важнымъ и сосредоточеннымъ видомъ искалъ, и довольно удачно, въ своей одеждѣ маленькихъ звѣрей. Каждаго пойманнаго, онъ давилъ на ногтѣ и при этомъ, какъ-то особенно прищелкивалъ языкомъ.

Я сразу узналъ въ немъ бродягу.

Онъ страшно испугался, увидѣвъ меня, и поспѣшно началъ собирать свои охотничьи владѣнія, дабы убѣжать.

Но я ему крикнулъ издали:

— Не бойся. Свой! Ищу, гдѣ бы найти мнѣ „Безклюваго“,

— Ой-ли! — сказалъ онъ. — Ну, да все равно, —

самъ къ нему пробираюсь,—иди впередъ—я за тобой,—я тебѣ покажу.

Послѣ того, какъ онъ облачился, мы пошли—я впередъ, а онъ за мной.

Черезъ часъ мы спустились въ какой-то оврагъ и, поднявшись на другую его сторону, очутились передъ низенькой избой.

— Здѣсь,—сказалъ тихо мой спутникъ.

Онъ подошелъ къ окну и постучалъ.

Немного погодя дверь отворилась и на порогѣ показался высокій плотный человѣкъ. Я сразу узналъ „Безклюваго“.

Человѣкъ этотъ былъ лишенъ того украшенія, которое въ культурныхъ странахъ вызываетъ потребность въ носовомъ платкѣ.

У него вмѣсто носа была зіяющая дыра, да кромѣ того, не было и ушей.

(Какъ я впоследствии узналъ, онъ лишился этихъ органовъ не отъ мороза и не отъ дурной болѣзни. Его поймали когда-то буряты и „потѣшались“ надъ нимъ).

— Гостя привелъ,—сказалъ мой спутникъ—охотникъ.

— Ну, что же, войди,—густымъ басомъ пригласилъ меня Безклювый.—Хлѣбъ-соль мои, деньги твои, а клопы пополамъ.

— Я вошелъ и сразу ничего не могъ разглядѣть.

Въ низкой, продолговатой комнатѣ стоялъ какой-то ѣдкій желтоватый густой дымъ. Я вначалѣ подумалъ, что это дымитъ печка. Но потомъ я постепенно началъ различать людей, что-то около восьми человѣкъ бродягъ-оборванцевъ, сидѣвшихъ кругомъ стола у правой стѣны комнаты. Это они курили.

Такого табаку еще отъ сотворенія міра никто не нюхалъ!

Но Боже, какія я увидалъ тутъ лица!..

Я часто теперь удивляюсь русскимъ художникамъ-жанристамъ, что никто изъ нихъ не проникнетъ въ эти мѣста.

Типы такъ и просились на полотно.

Одинъ изъ присутствующихъ бродягъ, видимо, болѣлъ очень распространенной въ Сибири проказой. Мертвенно-блѣдное лицо его было сплошь покрыто сѣрыми и красными струпьями.

Двое,—положивъ головы на столъ, храпѣли во всю.

А на концѣ стола сидѣлъ, какъ бы на председательскомъ мѣстѣ, какой-то высокій бродяга, лѣтъ 50. У него было довольно чистое лицо и на немъ я замѣтилъ рубашку—роскошь между бродягами довольно рѣдкая. Угощалъ всѣхъ, видимо, онъ; хотя и самъ пилъ не меньше другихъ. Но, тѣмъ не менѣе, это былъ единственный изъ всей компаніи, трезвый человѣкъ.

На столѣ стояли деревянные кружки и лежали шаньги съ запеченными омулями.

Бродяги величали своего предсѣдателя „Милягой“, а Безклювый, почему-то одинъ разъ даже назвалъ его „Михайловичъ“.

— Налей новому гостю чистяка, — крикнулъ Миляга Безклювому, — да живо... А ты согнись (садись), — обратился онъ ко мнѣ, — угощаю!

Я подсѣлъ и, зная, что опасно отказываться отъ „варнацкой склянки“, принялъ отъ Безклюваго кружку съ чистякомъ, т. е. съ водкой, не разбавленной водой, и выпилъ.

Кто не пилъ этой водки, тотъ и понятія не можетъ имѣть о ней. Я остался живъ.

Я хотѣлъ расположить къ себѣ Милягу, да кромѣ того, хотѣлъ сразу создать себѣ престижъ и сказалъ Безклювому:

— Дай всѣмъ по кружкѣ чистяка. Плачу за все! — и бросилъ на столъ рубль.

Эффектъ отъ моихъ словъ былъ подавляющій. Даже спящіе очнулись.

Безклювый опять принесъ водки, и мы опять выпили.

Ставя передо мной кружку, онъ прошепталъ мнѣ:

— Съ „пшеницей“ что ли пришелъ?

Я ему также тихо отвѣтилъ:

— Потомъ потолкуемъ.

Отъ ужасной отравы Безклюваго, мнѣ начало дѣлаться дурно и я спросилъ его:

— Чайкомъ не угостишь ли?

Миляга вытаращилъ на меня глаза.

— Чай комъ,—захохоталъ онъ,—что ты, сырость пришелъ разводить, что ли? Вотъ такъ баринъ! Экій слизнякъ!

Но Безклювый принесъ откуда-то горячую жидкость, которую выдавалъ за чай.

Я выпилъ и немного „отошелъ“ и ужъ сталъ придумывать, какъ бы половчѣе заставить бродягъ пѣть, какъ вдругъ, одинъ изъ наиболѣе пьяныхъ самъ затянулъ:—„Вотъ ужъ костеръ потухаетъ“... (Любимая пѣсня сибирскихъ бродягъ). Когда онъ кончилъ, я придумалъ:

— Вотъ, братцы, какой у меня есть фокусъ. (я вынулъ нотную бумагу и карандашъ). Пусть онъ еще разъ споетъ, а я тутъ на бумагу запишу, да потомъ самъ спою тоже самое — (такимъ путемъ я бы могъ провѣрить записанное).

— Идетъ на одну кружку? обратился я къ Милягѣ.

— Идетъ,—отвѣтилъ онъ.—Пой Крючекъ!

Бродяга, подъ названіемъ Крючекъ, запѣлъ опять и я сталъ записывать. Затѣмъ по записанному я спѣлъ тоже самое.

Эффектъ былъ поразительный.

— Вотъ такъ фокусникъ, — сказалъ Безклю-

вый.—Вотъ такъ грамотѣй, ѣшь меня съ потрохами! Ловко! Ай ловко!

Такимъ образомъ, они мнѣ пѣли, я записывалъ и все шло какъ нельзя лучше... Только Миляга началъ какъ-то особенно пристально глядѣть на меня и, наконецъ, сказалъ:

— Ловкій-то ты, братъ, ловкій, да только всю-то твою ловкость я ужъ угадалъ.

Только что мы опять хотѣли спрыснуть окончаніе новой пѣсни, какъ Безклювый, смотрѣвшій въ окно, не своимъ голосомъ закричалъ:

— Ребята! Духи ѣдутъ!

(Духами—на языкѣ каторжанъ и бродягъ называются конвой, полиція и вообще всякое начальство).

Невозможно себѣ представить, что тутъ произошло.

Черезъ окна, двери и всѣ имѣющіеся въ комнатѣ отверстія высыпали бродяги во мгновеніе ока и исчезли, какъ дымъ. Къ моему удивленію, остался спокойно сидѣть только одинъ Миляга.

Онъ даже захохоталъ и воскликнулъ:

— Вотъ такъ работаютъ вилками! (ногами).

Немного погодя, къ дому подъѣхалъ тарантасъ. Черезъ окно я видѣлъ, какъ изъ него выскочилъ еще не старый урядникъ и, передавая лошадь пріѣхавшему съ нимъ какому-то человѣку, направился къ дому.

Минута—и онъ вошелъ въ комнату.

Я поразился, когда онъ, подошедши къ Милягѣ, сказалъ ему довольно добродушно.

— Почтеніе, Михайловичу. Все чудить изволите?

— Какъ видишь, братецъ, гуляю,—сказалъ Миляга, подавая ему руку.

— Ну, какъ здѣсь у тебя?—обратился къ Безклювому урядникъ.— Бѣглятиной что-то пахнетъ.

— Богъ съ вами,—отвѣтилъ Безклювый,—кто сюда заглянетъ! Вотъ всего двое... Еле кормлюсь.

Тутъ урядникъ замѣтилъ меня и сразу воспрянулъ духомъ.

— Ты кто такой? Бумаги есть?—грозно подошелъ онъ ко мнѣ.

Я вынулъ изъ внутренняго кармана „бумагу“.

Это былъ открытый листъ къ сибирской администраціи, подписанный начальникомъ Забайкальской области. Кромѣ того еще стояла надпись, даже и въ Россіи способная внушить „уваженіе“.

Въ этой „бумагѣ“ предлагалось всѣмъ властямъ оказывать поддержку этнографу такому-то, по первому его требованію.

Бумага произвела на урядника дѣйствіе удара молніи. При чтеніи слова „этнографъ“ онъ даже снялъ фуражку.

Дрожащими руками подалъ онъ мнѣ обратно „бумагу“ и буквально замеръ.

Когда онъ очнулся, то совершенно неожиданно

для меня, бросился чуть не съ кулаками на ни въ чемъ неповиннаго Безклюваго.

— Негодяй, подлець!—кричалъ онъ, — у тебя здѣсь господинъ, его сіятельство самъ ятнографъ, а грязища-то у тебя!—Небось, Богъ вѣсть, чѣмъ потчевалъ его сіятельство... с... с...

Я успокоилъ не въ мѣру ретиваго урядника и увѣрилъ его, что мнѣ здѣсь очень хорошо и лучше желать нечего.

Понемногу урядникъ сталъ успокаиваться, но все же началъ вытирать своей фуражкой столъ и скамейку, на которой я сидѣлъ. Наконецъ, онъ какъ-то подмигнулъ Безклювому и сказалъ:

— Пойдемъ. Я съ тобой, подлець, еще поговорю.—Я сейчасъ вернусь, ваше сіятельство!

И они оба ушли въ какую-то комнату рядомъ.

Я съ Милягою, т.-е. съ Михайловичемъ остался одинъ.

Онъ видно страшно хотѣлъ узнать, кто я такой, но и меня интересовало не меньше то привлекательное положеніе, какимъ, очевидно, пользовался этотъ бродяга.

Онъ подсѣлъ ко мнѣ и смѣясь сказалъ:

— А ловко удрали наши ребята!

— Ловко-то ловко,—отвѣтилъ я ему, — а сами вы что же?..

— Ну, я, знаете, тяжелъ на подъемъ... Да притомъ, мнѣ урядникъ-то не больно страшенъ.

— Вотъ какъ, — удивился я, — пожалуй, что и у васъ „бумага“ есть?

— Есть, — добродушно подтвердилъ онъ и изъ нѣдръ своихъ откуда-то вытащилъ и показалъ мнѣ „бумагу“ (или, какъ бродяги говорятъ — „гу-магу“).

Это было свидѣтельство, выданное Новониколаевскимъ городскимъ управленіемъ купцу Андрею Михайловичу такому-то. По свидѣтельству было видно, что мой собесѣдникъ былъ женатъ и имѣлъ двоихъ дѣтей.

— А вѣдь я принялъ васъ за бродягу, — сказалъ я, — возвращая ему свидѣтельство.

— Да я бродяга и есть, или не похожъ, что ли? — какъ бы обидѣвшись спросилъ онъ.

— Разъ я васъ за него принялъ, значить похожи, — утѣшилъ я его.

— То-то, — самодовольно произнесъ онъ.

— Но вы значить совсѣмъ оставили торговлю. Погорѣли что ли? А то, какая же вамъ охота съ ними шататься? — Да еще у васъ семья вѣдь есть? — полюбопытствовалъ я.

— Эхъ, баринъ, баринъ, — отвѣтилъ онъ, — башка-то у васъ должно не глупая, а до этого вамъ, пожалуй, не дойти. Торговля у меня идетъ помаленьку, — лавка у меня въ Новониколаевскѣ. Жена да дѣти тамъ своимъ порядкомъ обрѣтаются, — да зимой я и самъ тамъ торгую. Но человѣкъ я

порченный что ли... не знаю... А только лѣтомъ я срываюсь съ цѣпи... Точно песь какой-то... — Какъ весной у насъ запахнетъ травкой, да птицы начнутъ тянуть къ сѣверу, я выхожу за городъ. Какъ дойду до Оби, посмотрю на рѣку, на широкую, на солнце, на степь, — то вѣрьте слову, самъ дѣлаюсь не свой. И смѣяться и плакать хочется. Душно мнѣ тутъ дѣлается, будто воздуху не хватаетъ. Сижу да по часамъ гляжу на просторъ, на даль. И противнымъ мнѣ дѣлается и лавка, и вся эта канитель, что сказать нельзя. — Тянетъ меня куда-то. — Сила, знать, такая есть. И попа призывалъ, и травы тамъ разныя пилъ, а нечѣмъ одолѣть ту силу. — На манеръ запоя, что ли. — И отъ людей-то тошно дѣлается. Тогда-то я ихъ насквозь вижу. — Зайдетъ, примѣрно, ко мнѣ въ лавку сосѣдъ: „Какъ, молъ, здоровье твое, Михайловичъ?“ А какое ему до этого дѣло? Еще шапку не снялъ, а ужъ совралъ. Тошно отъ вранья отъ этого. А тутъ кругомъ видишь степь, лѣсъ, т. е. видишь Божью правду и удержу нѣтъ. — Заколачиваю лавку, денежки оставляю женѣ, да и айда—иду, куда глаза глядятъ. Брожу все лѣто и, вѣрьте слову, какъ ушелъ, такъ точно другимъ человѣкомъ сталъ—дышу полной грудью... Вранья человѣческаго не слышу, однимъ словомъ живу.

„А бродягѣ, что? Не одному же мнѣ итти! Да,

наконецъ, у бродяги больше правды, чѣмъ у моего купца-сосѣда.—Бродяга, тотъ, пожалуй, меня ножемъ пырнетъ, а тотъ безъ ножа зарѣжетъ. Господа называютъ это конкуренціей...

„Да вотъ что. Какъ былъ я помоложе, то въ своемъ городѣ, въ Казани,—я вѣдь казанецъ — служилъ кучеромъ у господъ.

„Баринъ мой, былъ важный господинъ, да богатый и вотъ каждую весну онъ, точно я, заколачивалъ квартиру да и уѣзжалъ съ семьей сначала на Волгу, а оттуда, сказываютъ, далеко за границу и шатались они все лѣто по теплымъ краямъ, по Франціямъ, Италіямъ, да ѣздили еще къ какому-то „монаху“. У монаха, сказываютъ, господа большія деньги оставили и возвратились какіе-то захудалые“.

— Значить бродяжатъ тоже!

— И выходитъ, что каждый человѣкъ, какой ни на есть, а бродяга...

„Да вотъ взгляните! (мы сидѣли около окна). Развѣ не любо? Горы-то, горы! А ширь-то! Просторъ! Однимъ словомъ, свобода!“

Я собирался еще что-то спросить его, когда дверь изъ сосѣдней комнаты закрипѣла, и урядникъ съ Безклювымъ вернулись. Они довольно дружелюбно вышли вмѣстѣ (неизвѣстно кто кого тамъ „пробралъ“). Урядникъ былъ слегка крашенъ и шаги его были не совсѣмъ увѣрены.

— Я больше не смѣю васъ беспокоить своимъ присутствіемъ, ваше сіятельство, — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. — Спѣшу по дѣлу. — Съ этими словами онъ присѣлъ къ столу.

— Да я самъ тороплюсь обратно въ Ишь-Куль, — отвѣтилъ я ему и поднялся уходить.

— Осчастливьте, ваше сіятельство, — онъ выпрямился по военному, — дозвоьте васъ довести. Тарантасъ хоть неудобный, но все же...

Такъ какъ я немного утомился, то принялъ его предложеніе.

Когда я прощался съ Милягой, онъ мнѣ сказалъ:

— Если когда будете въ Николаевскѣ, то зайдите ко мнѣ.

Я общалъ.

Вскорѣ я уже сидѣлъ съ урядникомъ въ его тарантасѣ и мы катили въ Ишь-Куль. Онъ какъ-то осовѣлъ и почти всю дорогу дремалъ. Только время отъ времени онъ почему-то прикладывалъ руку къ фуражкѣ и козырялъ.

Только въ началѣ сентябрѣ попалъ я (уже на обратномъ пути въ Россію) въ Новониколаевскъ и, конечно, вспомнилъ о Милягѣ. Безъ особаго

труда я нашелъ его лавку въ Гостинномъ ряду.

На ея порогѣ лежала пара великолѣпныхъ сибирскихъ котовъ рѣдкаго золотистаго оттѣнка. Перешагнувъ черезъ нихъ, я вошелъ въ лавку.

Вывѣска гласила, что здѣсь продаются „колоніальныя, хлѣбныя и всякія иные товары“. Лавка была довольно большая, но полутемная. Тѣмъ не менѣе, я сразу узналъ за прилавкомъ моего „блуждающаго“ пріятеля. Онъ сидѣлъ и степенно въ прикуску пилъ чай. Я не удержался и скалалъ ему:

— Меня, вы за чаепитіе нѣкогда ругали, а сами теперь сырость разводите.

Онъ всталъ, также узналъ меня сразу и, видимо, страшно обрадовался.

— А,—сказалъ онъ,—его сіятельство! Вотъ такъ фунтъ! Присядьте!

Я сѣлъ.

— Ну, какъ живете? Какъ здоровье?—спросилъ я его.

— И вы туда же. Полно врать-то... Что со мной дѣлается!—А живу я?—Какъ медвѣдь въ берлогѣ,—вродѣ какъ сплю.—Тебѣ что,—обратился онъ къ вошедшему въ лавку мужику?

— Овса бы... пуда два, что ли,—отвѣтилъ мужикъ.

— Поди, отвѣсь ему,—послалъ онъ рыжеволосаго мальчика, торговавшаго въ лавкѣ.

— Вотъ такъ и живемъ, — обратился онъ ко
мнѣ. — Продаемъ, да покупаемъ... обмѣряемъ да
надуваемъ... безъ правды живемъ... А она-то при-
детъ, правда-то, хотя бы весной.

Мы съ нимъ еще немного поболтали и вече-
ромъ я уѣхалъ дальше, на Омскъ.

К О Н Е Ц Ъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	стр.
Злотоусть и Челябинскъ	3
Тобольская каторга	34
Пѣсни каторжанъ	73
Балалайка	85
Грузинка	95
Товарищъ Соня	117
Злодѣй на покоѣ	132
Кусокъ мыла	150

Цѣна ■ рубль.

12331

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЕ Т-ВО

„Д Ъ Л О“

Москва, Остоженка, 2-ой Ильин-
скій пер. 13.

37.29.6.57.